

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ ЛИНГВИСТИКА
Т о м 2

А. А. Кретов

**СИСТЕМНАЯ
РУССКАЯ
СИЛЛАБОЛОГИЯ**

Монография

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2022

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

К79

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Л. В. Величкова*
(руководитель НМЦ фонетики факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета);
доктор филологических наук, профессор *Е. Ф. Киров*
(профессор Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина);
доктор филологических наук, профессор *Р. К. Потанова*
(директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета)

Научный редактор –

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории и методики
преподавания русского языка и литературы
Воронежского государственного педагогического университета *А. Д. Черенкова*

Кретов А. А.

К79

Системная русская силлабология : монография / А. А. Кретов ;
Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский
дом ВГУ, 2022. – 144 с. – (Системная русская лингвистика ; Т. 2).

ISBN 978-5-9273-3397-4

Настоящая монография представляет собой второй том серии «Системная русская лингвистика», целью которой является описание основных уровней русского языка, основанное на принципах системной лингвистики, сформулированных В. фон Гумбольдтом, И. И. Срезневским, А. А. Потебнёй, И. А. Бодуэном де Куртеном и существенно развитых в XX веке Г. П. Мельниковым.

Книга содержит осмысление двуединой (фоно-фонемной) сущности *слога* в рамках *синдигаматической версии волновой теории слога*. Раскрывается несостоятельность «прецедентного» подхода к слогаделению. Анализируются недостатки волновой теории русского слога в версии Р. И. Аванесова – М. В. Панова. Обосновывается несостоятельность попытки применить «теорию оптимальности» к русскому слогу. Устанавливаются отношения взаимодополнительности авторской теории русского слога с фонологической теорией слога Тамбовской лингвистической школы. Даются исчисление *силлабем* (единиц большей степени обобщения, чем *слоги*, но меньшей, чем *слоготипы*). Демонстрируется применимость авторской концепции к латинскому слогу.

Для специалистов в области русского языка, аспирантов и студентов соответствующих специальностей, а также всех интересующихся устройством русского слога.

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

ISBN 978-5-9273-3397-4

© Кретов А. А., 2022
© Воронежский государственный
университет, 2022
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Традиции научного стиля предполагают начинать исследование с подробного анализа всего, что написано по рассматриваемой теме, и лишь затем переходить к изложению собственной концепции. Ещё в XIX веке это было возможно: и литература вопроса была обозрима, и темп жизни был иной.

Теперь читателя трудно заинтересовать пересказом того, кто, когда и где первый сказал «Э!». А сверхбыстрый темп жизни отводит на изложение самого главного всего несколько минут¹. Это заставляет современного автора обращаться к принципу айсберга, намеченного в творческой практике А. С. Пушкина и сформулированного Э. М. Хемингуэем: «около 90 % объёма айсберга находится под водой»², а видна лишь 1/10 часть айсберга. Почти всё известное, прочитанное и продуманное автор вынужден опускать «под воду», оставляя на виду лишь 1/10-ю информации. Подводная часть обеспечивает айсбергу научной концепции устойчивость. Как говорил А. П. Чехов, «искусство писать – искусство вычёркивать».

Наиболее полное, глубокое и содержательное (из известных нам) писание концепций слога содержится в трудах Р. К. Потаповой [Потапова 1986; Потапова 1987; Златоустова 1997:178–255], в которой представлена практически полная библиография литературы вопроса.

Из последних по времени обзоров литературы можно назвать статью И. А. Кузьминой «Фонетическая и фонологическая природа слога» [Кузьмина 2010] – воспользуемся этим удачным названием³. Точнее было бы говорить о фонетико-фонемической природе слога, имея в виду, что как минимальная единица речи слог дан в непосредственном наблюдении и состоит из фонем, но фонемы являются речевыми представителями ненаблюдаемых сущностей – фонем, составляющих означаемые минимальных знаков языка – морфем.

¹ Так, на защите докторской диссертации, являющейся в среднем итогом 10-летнего труда, соискатель получает не более 20 минут для изложения содержания своего исследования.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B9%D1%81%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3>

³ *Фонетико-фонологической единицей* называл слог и С. В. Кодзасов [Кодзасов 1990], различая и исчисляя фонетические и фонологические *признаки* слога, однако о *природе* слога он не говорил.

Действительно, слог двуприроден. Конечно, он – единица речи и поэтому состоит из последовательности («артикуляционного комплекса» – Л. А. Чистович) фонем и относится к фонетике. Но фонемы являются представителями единиц языка – фонем, поэтому слог не только фонетичен, но и фонемичен (при описании фонем мы предпочитаем пользоваться термином *фонемо-логия*, а не *фоно-логия*). Язык и его *фонемы* – сущность, речь и её *фоны* (звуки) – явление, отношения между которыми далеки от простоты и однозначности. Не будет преувеличением сказать, что асимметрия языка и речи, фонем и фонов – норма, а их симметрия – всего лишь момент, частный случай асимметрии. Подобно тому, как в неподвижности автомобиля можно видеть движение со скоростью 0 км/ч.

Соответственно, следует различать фонетический аспект слога или *фонетический слог* и фонемологический аспект слога или *фонемический слог*.

Собственно говоря, по этому основанию языки и делятся на **слогофонемные**, в которых границы слога и морфемы могут не совпадать, и как следствие – слог (форма) не привязан к значению (содержанию), и **слогоморфемные**, в которых границы слога и морфемы всегда совпадают и, как следствие, слог всегда связан со значением: является минимальным знаком языка – морфемой. В слогоморфемных языках функция слога – выделение морфем (чаще всего – корневых), что делает слог представителем (репрезентантом) языковой единицы (слова или части сложного слова) в речи.

В слогофонемных языках функция слога иная. О ней речь впереди.

Русский язык относится к слогофонемным языкам.

Фонетический слог – развертывающееся в речи в режиме реального времени единство *фонов*. *Фонемический слог* – последовательность, точнее – единство *фонем* – теоретических конструктов, представленных в языке.

Поскольку фонему произнести нельзя (всегда произносится какой-то один из её фонов), веса фонем в слоге могут быть только условными.

Предмет нашего исследования – фонемический слог русского языка в его отношении к слогу фонетическому.

Звуки слога можно исследовать в разных аспектах (физиолого-артикуляционном, физико-акустическом, физиолого-психо-аудитив-

ном), но при этом нельзя забывать о сложных диалектических отношениях между явлением и сущностью и не спешить ставить знака равенства между каким-либо звуком (фоном) и фонемой. Конечно, такое равенство было бы удобным упрощением. Но наука ищет истину⁴, а не удобства для учёного; а жизнь, включая язык со слогом, несколько сложнее, чем, быть может, хотелось бы.

Итак, зафиксировав и будем в дальнейшем иметь в виду наличие *фонетико-фонемического дуализма слога*.

Знакомство с историей вопроса приводит к выводу, что в *силлабологии* (не в *силлабике*⁵!) отсутствует различие и, напротив, происходит постоянное смешение двух разных вопросов: «как устроен слог?» и «почему так устроен слог?».

Ответить на второй вопрос можно только после ответа на первый, поэтому вначале постараемся ответить на вопрос «как устроен русский слог?».

В соответствии с методологией системной лингвистики «триаде интересующих нас объектов “фонема как единица языкового сознания”, “артикуляционно-акустический аппарат человека” и “репрезентант фонемы как единица речевого потока” соответствует триада каузальной цепи “причина – условие – следствие” и философская диалектическая триада понятий “форма – материя – содержание”» [Мельников 1997:31]. Иными словами, причиной слога является последовательность фонем (фонемический слог), условием слога – артикуляционно-аудиционные возможности человека, а следствием – слог, наблюдаемый в речевой цепи (фонетический слог).

Прежде чем искать причину слога, надо изучить следствие – сам слог. Этому и посвящена наша монография.

Для достижения данной цели очень важен выбор метода.

В первом приближении методы исследования слога можно разделить на акустические, физиологические, психологические.

⁴ «Занятие наукой – это коллективный поиск истины» [Кибрик и др. 1997:9].

⁵ «С и л л а б и к а (греч. syllabe – “слог”) – наука о слоге и слогаделении» [Моисеев 1980:6]. Предпочтительнее термин *силлабология* [Потапова 1987; Златоустова 1997:195, 217], прямо указывающий на то, что это наука (учение), в отличие от *силлабики*, которая может обозначать «совокупность всех слогов». Ср.: *графика* 1) вид изобразительного искусства; 2) совокупность всех средств какой-л. письменности [БТС-2010]. В связи с этим полезно различать *русскую силлабологию* (науку о слоге и слогаделении) и *русскую силлабику* (её предмет).

Акустические – с помощью приборов исследуют физические параметры звучащей речи и под них подводят теоретическую базу.

Физиологические – с помощью других приборов исследуют артикуляцию звучащей речи и затем пытаются это обосновать теоретически.

Психологические – обращаются к разным возрастным и социальным группам носителей языка с просьбой разбить звучащую речь на слоги и затем исследуют полученные ответы и предлагают их теоретическое объяснение.

И те, и другие, и третьи исследуют процесс или результат порождения слога и тем самым действуют по принципу «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»⁶.

Среди упомянутых методов отсутствует один – лингвистический, при котором вопрос об устройстве слога адресуется не физику, физиологу, психологу, а лингвисту.

Впрочем, иногда ответ на вопрос о строении слога даётся и лингвистами.

Все языки мира можно подразделить на две категории: слогоморфемные и прочие. У слогоморфемных языков границы слога и морфемы всегда совпадают. К слогоморфемным языкам относятся, например, китайский, вьетнамский. В них, как и в других слогоморфемных языках, проблемы выделения слога не существует, что даёт лингвистам возможность исследовать строение слога в «чистом виде».

Проблема слогоделения возникает в не-слогоморфемных (будем их называть «*слогофонемными*») языках, таких как русский. С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова предлагают называть *слогоморфемные* языки *слоговыми*, а языки типа русского – *неслоговыми* [Кодзасов 2001:459]. Такое предложение гармонирует с их убеждением, что в русском языке слога как бы и нет: «...признаки слогораздельности в таких языках, как русский и польский, **почти** отсутствуют» [Кодзасов 2001:454]. Соглашаясь с тем, что русский слог отличен от китайского, трудно согласиться с тем, что в русском языке слога «почти» нет, а следова-

⁶ Говорят, такой подход популярен у американских физиков: сначала провести дорогостоящий эксперимент, а потом во что бы то ни стало подвести под него какую ни на есть теорию. Практика отечественных физиков иная: прежде создать теорию, а уже исходя из неё – проводить эксперимент. Отечественный подход нам ближе.

тельно, и принять такую терминологию, несмотря на её распространённость [Касевич 1990; и др.]. Тут нам ближе позиция П. С. Кузнецова: «Слог является очень важной единицей **любого** языка. **Мы не знаем ни одного языка на земле, где бы речевой поток не делился на слоги**» (выделено мной. – А. К.) [Златоустова 1997:178]. А вот различение *волновых* (типа русского) и *квантовых* (типа китайского) языков, предлагаемое там же [Кодзасов 2001:459], было бы приемлемым, если бы в названии имелась подсказка, что речь идёт именно о *словах* в этих языках. У терминов *слоговолновые* и *сложоквантовые языки* два недостатка: отсутствие указания на связь слога с единицами языка и длина. У термина *слогоморфемные языки* – один недостаток: длина. Поэтому вместо пар *неслоговые – слоговые языки*, *волновые – квантовые языки* мы предпочитаем пару *слогофонемные* (типа русского) – *слогоморфемные* (типа китайского) языки.

Глава 1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МЕТОД СЛОГОДЕЛЕНИЯ

Е. Куриловичем [Курилович 1962] (в предшественниках которого – Ф. де Соссюр [Соссюр 1977], А. Пуत्याта, М. В. Ломоносов [Ломоносов 1952] и многочисленные лингвисты античности, а в последователях – В. Г. Руделёв [Руделёв 2002 (1987)]) была предпринята попытка опереться на свидетельства самого языка в исследовании строения слова в слоговых языках. Его подход основан на допущении, что начало слога по своему строению тождественно началу слова, а конец слога – концу слова. Почти сразу же Курилович пишет: «Как следует оценить такой метод? Эффективность его оказывается лишь частичной» [Курилович 1962:268], – и всё же строит на нем свою концепцию.

Давно известно, что есть законы начала слова и есть законы конца слова, которые связаны с необходимостью маркировать границы слов в потоке речи. В этом смысле начало и конец слова морфологизированы, и допущение об их тождественности началу и концу слогов, находящихся в середине слова, представляется чрезмерно сильным допущением.

Можно попробовать «китайский» или точнее – «прецедентный» подход: исследовать строение односложных слов. Но и в этом случае нет гарантии, что односложные слова и слоги устроены тождественно: односложным словам пограничные сигналы необходимы так же, как и многосложным. Известны случаи влияния морфонологических явлений на односложные слова. Например, беглость гласного в слове *лёд-льда* (при лит. *ledús* ‘лёд’) или *лев-льва* (при д.-в.-н. *lëwo*, <лат. *leō*, греч. *λέων*) [Фасмер 2004, 2:471] появляется как сигнал конца слова: «вокализм аналогического происхождения, подобно *лён, льна* и др. случаям» [Фасмер 2004, 2:474]. Аналогия же – механизм морфологической системы, способ реализации интересов морфологии.

На это указывает и Р. И. Аванесов: «...в конечном счёте различные типы слогов в русском языке определяются закономерностями начала неначального слога, конца неконечного слога, начала начального слога и конца конечного слога» [Аванесов 1954:101]. Как видим, по Аванесову, терминальные (начальные и конечные) слоги и нетерминальные (неначальные и неконечные) обладают разными закономерностями, а следовательно, терминальные слоги не могут помочь в познании нетерминальных.

А. И. Моисеев предпринял интересную и в целом продуктивную попытку описания русского слога, обойдя проблему слогоделения [Моисеев 1975]. Для этого он обратился к односложным **леммам** (формам слов, представленным в словаре). В МАСе-1, по данным А. И. Моисеева, таких слов оказалось ≈ 3150 , что представляется вполне репрезентативным множеством.

Привлечение односложных *словоформ* («текстовых слов», представленных на письме последовательностями букв между двумя пробелами) позволило бы увеличить это число, отчасти скорректировать частоты редких типов, но вряд ли позволило бы обнаружить новые типы слогов.

В целом позиция и подход А. И. Моисеева к анализу русских слогов нам близки. Возражения вызывают следующие положения:

- 1) неразличение исконной и заимствованной лексики;
- 2) неразличение по «звучности» фрикативных (щелевых) и эксплозивных (взрывных) согласных и, как следствие, допущение (вслед за Р. И. Аванесовым и М. В. Пановым) «плато звучности» – «равнозвучных» участков в слоге;

3) «практически, например при изучении слогоделения, приходится иметь дело главным образом с двучленным противопоставлением позиционных типов слогов: начальный слог – неначальные слоги, в их числе и конечный; конечный слог – неконечные слоги, в их числе и начальный» [Моисеев 1975:114]. К азам компаративистики относится различение начальной, срединной и конечной позиций звуков в слове [Бурлак 2005:323]. Не менее важно это различение и для теории слога.

Начальные слоги в русском языке отягощены проклитиками в самом широком их понимании, включая приставки. Это искажает структуру инициала и всего слога.

Конечные слоги (особенно их финали) содержат морфологические ограничения на количество и качество звуков, что также сказывается на конечных слогах.

Срединные слоги максимально свободны от морфологических обременений, что и делает их полноценными (эталонными) представителями системы русских слогов.

Главная оппозиция звуков в слоге: «**слогообразующий** звук в отличие от **не-слогообразующих**». Доказательство простое: без слогообразующего звука слога не бывает, а без не-слогообразующих – бывает: *и, а, у, о, э(-то)* и даже «Операция “*Ь*” и другие приключения Шурика».

При этом несколько поспешно ставят знак равенства между слогообразующими и гласными (обозначая их символом Г), не-слогообразующими и согласными (обозначая их символом С).

Кроме **гласных** – вокалов, всегда образующих слог, и **согласных** – консонантов, никогда не образующих слога, существует промежуточное множество фонем – **сонанты**, которые в зависимости от позиции в речевой цепи могут образовывать слог или не образовывать его. Образуют слог сонанты в окружении консонантов (*n^EРст, з^oРств, з^oРб*) или после консонантов на конце слова (*вэ-т^EР, баэ^oР, боб^oр*) и не образуют его – в соседстве с вокалом (*вэ-тра, ба-гра, бобра*)⁷. Таким образом, сонанты обладают свойствами как вокалов, так и консонантов, представляя тем самым нейтрализацию оппозиции «слоговой : неслоговой» и доказывая фактом этой нейтрализации существование такой оппозиции. Сонанты (в зависимости от позиции) – то слоговые, то неслоговые, а в общем случае – ни те ни другие.

Именно сонанты обеспечивают целостность системы фонем. Особенно ярко это проявляется в том, что слоговые варианты глайдов И/Й, У/В – /И/, /У/ традиционно относят к гласным, а их неслоговые варианты /Й/, /В/ относят к согласным. Правда, при этом приходится делать оговорки, чтобы объяснить, отчего глухие консонанты перед «звонким согласным» /В/ не озвончаются: *ответ*, а не **oДвет*; *свет*, а не **Звет*; *квас*, а не **Гвас*; и т. д.

Итак, первый принцип классификации звуков в слоге – способность к слогообразованию, равная «плюсу» – у вокалов, равная «минусу» – у консонантов и равная «нулю» – у сонантов.

⁷ При этом слоговость безударного сонанта факультативна (совсем как у французской фонемы «э») [Щерба 1948:101–111]. Ср. у А. В. Кольцова: «Густолиственный // Твой зеленый шлем // Буйный **вихрь** сорвал // И развеял в прах» («Лес») и «Царь-ханжа летит, как **вихорь**, // С саранчою удалцов // Москву-матушку платить – // Кушать мясо и пить кровь!» (Русская песня, «В Александровской слободке...»).

Второй по значимости принцип классификации звуков в слоге был подмечен ещё Ф. де Соссюром: это принцип, связанный с физиологическим субстратом речи: смыканием-размыканием (имплозией-эксплозией). Для произнесения фрикативных консонантов надо разомкнуть рот – образовать щель, проходя сквозь которую воздух будет тереться и образовывать свистящий или шипящий звук. Для произнесения эксплозивных консонантов, наоборот, надо закрыть рот, создав, смычку, преграду, прорывая которую воздух образует «взрывной» консонант.

Открыть можно только закрытый рот, а закрыть – только открытый. Так, физиологический субстрат требует чередования смыканий-размыканий рта (имплозии и эксплозии). Именно поэтому соседство «смыкателей» рта, как и соседство «размыкателей», вызывая артикуляционное неудобство, имеет тенденцию к устранению. Примеры в самых разных языках многочисленны. Немало их и в русском (примеры даны ниже).

Итак, *консонанты* подразделяются на два множества: размыкатели и смыкатели. Для того чтобы произнести фрикативный, нужны более сильная струя воздуха и большее усилие, чем для того, чтобы произнести эксплозивный консонант. Видимо, поэтому фрикативные в инициали слога предшествуют эксплозивным.

Самую «тяжёлую» (4-членную) инициаль имеют слоги *-СТ-ВЛЯТЬ*, *-СТВЛЯЙ*, *-СТВЛЁН* и *-СТВЛЯЛ* в формах *о-су-ще-СТ-ВЛЯ(ТЬ/Й/Л)* – *о-су-ще-СТВЛЁН*. Рассмотрим, как устроена эта инициаль, обозначая имплозию символом «<» (размыкатель), а эксплозию – символом «>» (смыкатель):

С–Т–В–Л–Я–Т^Ь

<-> <-> <-> <->

При этом отметим, что способность к слогообразованию важнее (имеет приоритет относительно) способность образования: вокалы (размыкатели рта) сочетаются как с фрикативными (размыкателями), так и с эксплозивными (смыкателями) консонантами/сонантами.

Однако, как только это основание снимается, в силу вступает **способ образования** – фрикативные консонанты не сочетаются: предшествующий фрикативный полностью уподобляется последующему: *шить* /ш:ыт'/, *изжить* /иж:ыт'/. Не сочетаются и смычные консонанты, сходные по месту образования: *подтопить* /пат:ап'Ит'/, предшествующий взрывной уподобля-

ется последующему по глухости/звонкости (символ долготы «:» обозначает удлинение выдержки – двух взрывов подряд не происходит); ср. также *к косому* /к:асОму/. Другой способ устранения соседства смычных консонантов – «понижение», т. е. превращение предшествующего смычного в щелевой: *лёгкий* /л'Охк'ий'/; *мягкий* /м'Ах'к'ий'/ (орфография не должна нас обманывать: формы *мяКоть*, *мяКнуть* и др. указывают на фонему {К}, и следование морфемному принципу русской орфографии требует написания **мяккий*; следование же фонетическому принципу требует написания **мяхкий*, но никак не *мягкий*); *несу-нести*, но *плету* – *плеСти*, а не **плеТти*, *мету* – *меСти*, а не **меТти* (тут действует не морфемный, а фонетический принцип орфографии).

Интересно было бы исследовать позиции, в которых предпочитается тот или иной способ устранения соседства смычных.

Взаимодействие смычности у консонантов и сонантов также имеет место, правда, оно в значительной степени морфологизировано и проявляется не столь последовательно.

Хорошо известна, в частности, несовместимость смычных консонантов с сонантом /л/: *мету*, но *мёл*, а не **мёл*, *веду*, но *вёл*, а не **вёл*. Эти сочетания невозможны, потому что при артикуляции /л/ имеется смычка языка с зубами.

Слова *све-тло*, *ме-тла* и *се-дло* не являются контраргументами: между /т/-/д/ и /л/ у них имеется беглый /ε/ = {ь}: *светёлка*, *метёлка*, *седельник* (и многие другие). Не являются контраргументами и заимствования типа *а-тлас*, *а-тмо-сфе-ра*, *бы-дло* и т. п.

Интересно влияние смычности-щелинности на сочетаемость сонантов внутри слога.

Во-первых, это всегда сочетаемость носовых (М-Н) с плавными (Р-Л).

Во-вторых, такие слоги встречаются только в южнославянской подсистеме, обычно – как результат неполногласного преобразования сочетаний с плавными: *Мрак* – *МРеть*, *Млад* – *МЛе-чный*, *НРАВ*.

При этом носовые трактуются как смычные, а плавные – как щелевые.

Интересно, что сочетание НЛ внутри слога не встречается, видимо, потому, что в слоге МЛе- М – губной, а Л – дентальный, тогда как в сочетании НЛ оба звука дентальные и П-принцип запрещает такое сочетание.

Примеры, со|нли|вый, чва|нли|вый и т. п. не показательны: между Н и Л есть беглый гласный {Б}, что подтверждается чередованиями Г:Ж, К:Ч, Х:Ш, свидетельствующими о первой палатализации перед суффиксом =БЛИВ в словах *береГу* : *береЖливый*, *драКа* : *драЧливый*, *смеХ* : *смеШливый*. (Исключения, образованные от звука подражаний, например, *крик* : *крикливый*⁸, *визг* : *визгливый* и т. п., контраргументом не являются.)

Фактически фон /ж/ в слове *бережливый* выполняет две функции: представляет консонант {Г} (ср. *берегу*) и вокал {Б} в его закономерном нулевом (перед слогом с /и/) варианте: /ж/^{тб}. Соответственно, фон /ш/ в слове *смешливый* представляет консонант {Х} (ср. *смех*) и вокал {Б}: /ш/^{хб}; а фон /ч/ в слове *драчливый* представляет консонант {К} (ср. *драка*) и вокал {Б}: /ч/^{кб}.

Когда к одинаковой способности к слогообразованию добавляются одинаковый способ и одинаковое место артикуляции, сочетаемость становится невозможной.

В качестве контраргумента можно привести формы *П-Та-ха*, *Т-Кать*, в которых сочетаются два смычных консонанта, или *МНу*, *МНе*⁹, в которых сочетаются два носовых сонанта.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это различие по месту артикуляции: губной+зубной (акцессивная последовательность: снаружи внутрь).

А второе – между ПТ-, ТК-, МН- есть беглый гласный: ср. *диал.* «**Пóтка, ж.** 1. Птица (не промышленная), птичка, птаха» [СРНГ, вып. 13:284], *ТЫКать*, *сМИНать*, *МЕНя*. Из этого следует, что и в рассмотренных случаях работает принцип: плато звучности – граница слогов.

Место артикуляции можно считать низшим (третьим) уровнем, на котором действует П-принцип.

Таким образом, выстраивается иерархия РП фондов в слоге:

1) способность к слогообразованию,

⁸ «Всё гнездо в целом – звукоподражательного происхождения» [ЭССЯ, вып. 12:156]. Подтверждением этому является суффикс =К, классификатор междометий (ср. *кря=К=ать*, *хрю=К=ать*, *хны=К=ать*, *хи-хи=К=ать*, *ме=К=ать* и т. п.). *Визг* – «Звукоподражание» [Фасмер 2004, т. 1:313]. В этом слове суффиксом-классификатором является =ЗГ (ср.: *ля=ЗГ*, *вере=ЗГ* ‘пронзительный крик, визг’ [БАС-3, т. 2:416]).

⁹ В слове *МНого* гласный между М и Н обнаруживается методом внешней реконструкции [Фасмер, 2004, т. 2:633; Кретов 2010].

- 2) способ образования (смыкатель-размыкатель),
- 3) место образования. (Низший уровень иерархии применим только к фонемам и заимствованным словам.)

У этой иерархии есть фонологическое основание, раскрытое В. Г. Руделёвым [Руделёв 2002(1987)]: 1) позиция перед гласным является самой сильной со звуко-различительной точки зрения: перед гласными встречаются и различаются все сонанты и все консонанты; 2) позиция перед сонантами является сильной для всех консонантов: перед сонантами консонанты различаются по глухости-звонкости; 3) позиция перед смычными – самая слабая в звуко-различительном отношении: во-первых, встречаются только размыкатели перед смыкателями (аффрикаты потому и являются особым случаем, что они позволяют, если не «перепрыгнуть», то «обойти» закон строения слога тем, что аффрикаты оцениваются по началу артикуляции, а не по концу), а во-вторых, в сочетаниях консонантов различаются не фонемы, а **архифонемы**, состоящие из парных по глухости-звонкости фонем: [п/б] (*обсыпать* /аПсыпать; [т/д] (*отбить* /аДбит'/, *подпустить* /паТпус'т'ит''); [к/г] (*как бы* /каГбы/, *бег-то* /беКть), [с/з] (*сбыть* /Збыт'/, *излить*, но *испить* /иСп'ит''); и противопоставленные друг другу по месту образования (как отмечалось, по способу образования консонанты должны различаться: соседство одинаковых по месту и способу образования консонантов внутри слога недопустимо и устраняется).

Вернёмся к исследованию А. И. Моисеева. Рассмотрев все типы инициалей и финалей слога, различаемые исключительно количественно, А. И. Моисеев даёт исчисление всех типов теоретически возможных слогов, исходя из (довольно спорного) допущения, что любая финаль может сочетаться с любой инициалью. Более реалистичной была бы гипотеза, что длина слога ограничена величиной оперативной памяти человека 7+/-2.

Обнаружив инициалии финали, состоящие из 4 звуков, и добавив к ним слогообразующий гласный, А. И. Моисеев получил максимальную «теоретическую» длину русского слога в 9 звуков.

Однако реально максимальную длину имели односложные слова и словоформы из 7 звуков – типа *всплеск*. Сочетаний 3–4-членных инициалей с 3–4-членными финалями среди односложных слов и словоформ обнаружены не были. Не были обнаружены и семизвучные слоги типа сссГссс.

Рассмотрим односложные слова и сравним по отдельности типы инициалей и финалей, встречающихся в них, с типами инициалей и финалей слогов, встречающихся в середине слова.

Начнём с инициалей.

въ|згляд – до-гляд, при-гляд и т. п.

въ|спле|ск – вы-плеск

въ|збле|с-ки – от-блеск

въ|стреч – об-ретать

У приставочного морфа *вз-* имеется алломорф *воз-*: *вз-резать*, но *воз-разить*, *вс-крикнуть*, но *вос-кликнуть*. Алломорф *вз-* принадлежит восточнославянской подсистеме, а алломорф *воз-* – южнославянской (церковнославянской) подсистеме русского литературного языка. Есть ещё и алломорф *взо-*: *взо-братся*, *взо-рвать*, *взо-преть*, чередующийся с алломорфом *вз-*: *вз-бираться*, *вз-рывать*, *вс-париваться*.

При феноменологическом подходе А. И. Моисеева начальные слоги могут прикрываться тяжёлым и нисходящим началом (слог может быть ломаным). При системном взгляде такие «слоги» оказываются не элементарными, а двойными: первый слог содержит сонант в сочетании с нулевым вокалом:

м|гла, м|гли-ст(ый) – ср. др.-русск. *мъгла*, болг. *мъгла*, серб. *мѡгла*, словен. *тѡгла* [Фасмер 2004, т. 2:587]

м|гно-венье – миг, мигать; др.-русск. *мъгнути* [Фасмер 2004, т. 3:587–588]

р̣ь|ва-ные – раз|р̣ыв

ль|сти-вы-йе – л̣есть

р̣ь|жатъ – р̣ыгать; ст.-слав. *р̣ѣжж*, др.-русск. *р̣ѣзати*, *р̣ѣжу*

р̣ь|жи – р̣ожь

р̣ь|жав(ый) – р̣ыжий

р̣ь|туть – р̣утить, р̣ютить [Фасмер 2004, т. 3:509–510, 523, 533]

р̣ь|деть – р̣уда, р̣удый

Не следует забывать и о том, что плавные Р-Л – это сонанты, которые способны образовывать слог и реализовываться в слоговом варианте, вокалическим пазвуком обозначая слоговость сонанта, например: *ир|жа* ‘рожь’, *ир|жа* ‘ржавчина’, *ир|жаветь* ‘ржаветь’, *ир|жатъ* ‘ржать (о лошади)’, *ир|туть* ‘ртуть’ [СРНГ, вып. 12:208, 210]; *ил|гать* ‘лгать’, *ил|гунн* ‘лгун’, *иль|гота* ‘льгота’, *иль|дина* ‘льдина’, *иль|зя* ‘можно (т. е. *льзя; ср. литературное *нельзя*)’, *иль|стец* ‘льстец’,

иль|стить ‘лестить’ [СРНГ, вып. 12:184, 185, 187]; им|га ‘мга’, им|гла ‘мгла’, им|гляный ‘мглистый’, им|чать ‘мчать’, им|шина ‘мшина (болотце на сухом месте)’ [СРНГ, вып. 12:191, 195]. О том, что в данном случае мы имеем дело именно с дизным вокалическим пазвуком сонанта, свидетельствует его позиция: он выделяется пресонантно – перед сонантом. (Типологически этот процесс подобен появлению *e* в начале испанского слова с исконно «тяжёлой» инициальной первого слога: лат. *scho-la* > исп. *Es-cue-la* – в обоих случаях недопустимое в слоге сочетание звуков устраняется созданием нового слога).

Для «тёмных» слов *пáтлы*, *патлатый* можно предположить родство с корнем *тыл-* ‘зад’ или *тьл-* ‘дно’ и архаичную приставку *пá-* (ср. *пá-трубок*, *пá-сын*ок, *пá-роб*ок и т. п.).

Слово *длина* также содержит гласный (**б**) между неслоговыми (ср. ст.-слав. *продълити* [Аникин, 14:73–74]).

Таким образом, мы вправе утверждать, что П-принцип не только объясняет явное, но и помогает видеть скрытое, что согласуется с принципом «хорошее описание языка повторяет в снятом виде его диахронный анализ» [Чурганова 1973:12].

Перейдём к рассмотрению «тяжёлых» финалей в русских слогах.

Начнём со двучленных финалей в слогах структуры (1-4)512 = (S-R)AST: *о|сп*; *хво|ст*, *мо|ст*, *пла|ст*, *тро|сть*; *и|ск*, *во|ск*, *ви|зг*, *ни|ск*, *бле|ск* и т. п.

На первый (поверхностный) взгляд эти примеры опровергают наше представление о слоге и наши принципы слогоделения: в них не одна вершина, а две, и не одна, а сразу две волны звучности при одном гласном – это нисходяще-восходящие слоги!

Давайте всё же (из чистого любопытства) допустим, что слог имеет одну вершину и только восходящие и/или нисходящие участки «звучности»¹⁰.

В таком случае в этих отрезках должно быть два слога. Один из них открытый, содержащий вокал, – с ним всё ясно и споров нет.

¹⁰ Термин «звучность» нами употребляется как дань традиции и знак нашей приверженности «волновой теории слога». Содержательно «звучность» трактуется нами как условный вес фона в слоге. Соответственно, восходящая «звучность» означает *возрастание* условных весов фонов в слоге, а нисходящая «звучность» – их *убывание*. Н. И. Жинкин говорил о *слоговой дуге громкости*: «... артикуляционные позиции различны от звука к звуку, а слоговая дуга однообразна – это подъём и падение, подъём и падение» [Жинкин 1958:226].

Сложнее со вторым слогом: /сп/, /ст/, /ст'/, /ск/. Он состоит из одних консонантов, которые никогда не образуют слога. Слог без слогаобразующего элемента невозможен. Следовательно, либо это не слог, либо слогаобразующий элемент всё же есть.

Если он есть, то где он и какой? Как доказать, что он есть?

Да, слогаобразующий вокал есть: это фонема {Ъ}, реализующаяся в современном русском языке в виде О-беглого.

Поскольку эта фонема не признана, точнее – не общепризнана, то и описана она недостаточно. Желающих узнать о ней больше отсылаем к публикации [Кретов 2020], а здесь нам достаточно знать о ней, что она выполняет функцию «ангела-хранителя» конечного неслогового звука словоформы.

Типологически «охранительная» функция нашего *ера* аналогична функции французского *e-muet*, обеспечивающего произношение конечного согласного, в абсолютном конце слова (без «прикрытия» *e-muet*) не произносимого. То же происходит и в русском языке. Хотя конечный безударный *е* во французской речи не произносится, французы продолжают его обозначать на письме – в отличие от нас, переставших писать *Ъ* в конце слов после согласных в 1918 году, видимо, следуя афоризму А. С. Пушкина: «Шпионы подобны букве *ъ*. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли повсюду соваться». «Обойтись» без *Ъ*, конечно, можно (правда, только на письме), но это проявление чёрной неблагодарности по отношению к трудолюбивым фонемам, добросовестно и незаметно выполняющим свою работу, связано с серьёзными техническими и психологическими неудобствами.

Например, почему мы говорим *времен_и*, *времен_ем*, *времен_а*, *времен_ами*, *времен_ах*, но *время*? Потому что в этих падежах после основы следует гласный, предохраняющий конечный согласный от утраты. А в Именительном падеже основа **времен_* такого гласного не имеет. Как следствие конечный /Н/, утрачивается, оставляя основе на память о себе носовой тембр предшествующего гласного: **времен_#> *времеⁿ_#*, а затем гласный *ēⁿ*, удлинившийся за счёт утраченного /н/, закономерным образом «опускается» из среднего в нижний подъём, реализуясь в виде А переднего ряда и, как следствие, смягчающего /'а/, обозначаемого на письме после согласных буквой Я. Таким образом, словоформа *время* не состоит, как нас учат, из основы /вр'Ем'/ и окончания /а/, а является закономерной фонетической реализацией основы **времен_#*, не «защищённой» конечным гласным.

Тут самое время вспомнить про форму Р. мн. *времён*, после которой с 1918 года не обозначается нулевой вариант гласного {Ъ}, но который, тем не менее, продолжает защищать конечный /н/ от утраты. Отсюда такое различие: **времен_#* > *время*, а **времен_ь* > *времён*. Таким образом, Ъ – не «шпион», а «боец невидимого фронта», «гласный-невидимка» и «ангел-хранитель конечного согласного словоформы».

Несколько больше повезло *ерю* (букве Ъ, обозначающей фонему Е-беглое: {Ъ}). Параллельную работу *еря* по смягчению предшествующего согласного заметили и (отчасти¹¹ – по крайней мере, на письме) признали, тогда как их с Ъ работа по сохранению конечного согласного слова так и осталась незамеченной и непризнанной. Отказ от написания Ъ в конце слова после согласных имел ещё два отрицательных последствия: его функцию взял на себя символ пробела, ставший многозначным. До этого пробел обозначал только границу между словоформами, а с отказом от Ъ стал выполнять ещё и функцию «охранения» конечного согласного. Как представители гласных Ъ и Ь ведут себя и перед буквами Е, Ё, Ю, Я: после них, как после обозначений общепризнанных гласных, эти буквы читаются как /йэ/, /йо/, /йу/, /йа/.

Таким образом, в слоге /с'т'ь/ представлена гласная фонема {Ъ}, закономерно реализованная в слабой позиции нулевым вариантом /'∅/. В словах на *-сть/*, *-скь/* фонема {Ъ} столь же закономерно реализуется вариантом /∅/. Доказательством реальности нулевого фона в конце слова является сама сохранность конечных согласных, а в слоге /с'т'ь/ – ещё и мягкость конечных согласных.

Для позитивистов-субстанциалистов есть ещё два аргумента: после конечных *-ст/ск* приборы фиксируют гласный, а при произнесении «односложных» слов с этими финалями перед свечой пламя колеблется не 1, а 2 раза.

Все слоги с финалями 21 (TS) представлены в заимствованных словах: *сакс, такс, кекс, икс, кникс, фикс, чикс, бокс, кокс, флокс, фокс, букс, фукс, экс, люкс; шнакс, ракс, вепс, репс, степс, гипс, эл-липс, мопс, пупс*; и т. д.

Перейдём к рассмотрению двучленных финалей, содержащих сонанты.

¹¹ *Отчасти* – потому что признак мягкости приписали предшествующему согласному, превратив тем самым неслоговой позиционный вариант фонемы в самостоятельную фонему и увеличив инвентарь русских неслоговых фонем почти вдвое.

Они строятся по модели (4/3)(2/1), т. е. RT, RS, NT, NS.

Все слоги с такими финалями встречаются в заимствованных словах (мнимые исключения в исконных словах будут обсуждены ниже): 31(NS): *знейс, пейс, рейс, гюйс; а-ванс, се-анс, станс, шанс, скунс, пенс, транс; бимс*: 41(RS): *арф, марш, фарс, галс*; 42 (RT): *альт*; 32 (NT): *бейт, флейт, войт, бренд-спойт; поч-тамт, эк-спромт; бант, квант, кант, рант, франт, ну-ант, фант, а-гент, кли-ент, це-мент, тент, цент, бинт, винт, блинт, шплинт, флинт, спринт, финт, гонт, зонт, фронт, унт, бунт, грунт, шпунт, фрунт, фунт*; и др.

Слова с финалями *-вт -/фт/* (*космо-навт, тера-невт, фарма-цвет*), а также *-кт -/кт/* (*фогт*), *-дт -/тт/* (*фор-штадт, шингардт*) и т. п. позволяют сделать вывод о том, что глухость является характеристикой отдельных фонов только для «лёгких» инициалей и финалей, а для «тяжёлых» финалей и инициалей глухость является интегральной характеристикой неслоговых фондов, парных по глухости-звонкости. Как убедительно показала В. Г. Чурганова, «оглушение согласных на конце слова ... соотносится непосредственно с концом слова, т. е. морфологической границей» [Чурганова 1973:31–32].

Конечные фонетические «слоги», называемые А. И. Моисеевым *ломаными*, в фонемической интерпретации являются двусложными: *ту-ризм > ту-ри-з^вм/з^мь*, *пла-не-ризм > пла-не-ри-з^вм/з^мь*, *вар-ва-ризм > вар-ва-ри-з^вм/з^мь*.

Слоги типа 5(3-4)(1-2) нуждаются в особом обсуждении, так как представляют собой конфликт между фонетическим (состоящим из фондов) и фонематическим (состоящим из фонем) слогом.

Исконные слова с фонетической финалью RT,RS (*с^рп, ст^рлб, к^ррж, см^рть, в^рх* и т. д.) имеют в качестве инициалей слоговые варианты сонантов, представленные на поверхности сочетаниями /ор/, /ол/, /ер/, ел/, поэтому фонемическая финаль у них одночленная – T/S, а структура слога – (1/2)5(2/1). В предельно обобщенном представлении – (с)сГс.

Интересны случаи сонантно-консонантного дуализма глайда {У-В} в словоформах: *би|тф^с, мо|ли|тф^с, бра(тс=у)|тф^с, ве|ще|стф^с, у|бий|стф^с, у|бран|стф^с*.

На поверхности представлены финали 21 /тф/, в и 121 /стф/. Фонемически же это отдельные слоги структуры 235: *би|тф^с, мо|ли|тф^с, бра(тс=у)|тф^с, ве|ще|стф^с, у|бий|стф^с, у|бран|стф^с*. Коллизия вызвана противоречием между фонемикой и морфонологией,

представляющей интересы морфологии: консонантный конец русского слова должен быть глухим – это сигнал конца слова, поэтому слог строится по законам фонемике: (1)235, а реализуется по законам морфологии: (1)215.

В словоформе *a|ген|тств^в* реально произносится не /ц=тс/, а /с/: [а|г'Эн|стф^в]. По законам русского языка никак иначе это произноситься и не может. Последний *фонемический* слог 1235=STNA.

Слогами с трёхчленными финалями А. И. Моисеев считает *тек|ст*, *пунк|т*, *цен|тр* и т. п. Но, во-первых, это заимствованные слова, а во-вторых, все они фонемически двусложны: *тек|ст^ь*, *пунк|т^ь*, *цен|тр^ь*.

В слове *центр* финаль может реализовываться и в модели 25 = T^чR – *цен|т^р*:

а в стену бил рукой Тюльпанов
звал напрасно цент[е]р сил
рас над камнем сад тюльпанов
дождик светлый моросил.

(Д. Хармс. *Тюльпанов среди хорев. 1929 [НКРЯ]*)

Фонетически трёхчленная финаль 321=NTS представлена в заимствовании *сфинкс*. Примечательно, что в греческом, из которого воспринято это слово, /кс/ является аффрикатой, и, следовательно, в нём финаль двучленна: 32=NT. Приводимые А. И. Моисеевым примеры *спек|тр*, *мон|стр* 2-сложны.

Различение *вос-ходящих*, *нис-ходящих* и *вос-ходяще-нис-ходящих* слогов следует принять и ввести в употребление: они компакты, понятны, удобны, ибо характеризуют слог в целом, а не по началу (прикрытый-неприкрытый) и концу (открытый-закрытый) порознь.

Для полноты картины следует применить к одночленным (неприкрытым открытым) слогам типа *э-то*, *и-ду*, *а-то*, *о-са*, *у-ха* и т. п. термин «неподвижные» или «стоящие», что вполне соответствует неизменности их звучности и антонимично «ходящим» (*воз-/низ-*) слогам.

Предложенный А. И. Моисеевым для чисто вокальных слогов термин *ровные* слог не удачен тем, что 1) *ровность* подразумевает *протяжённость*, а слог из одного вокала – скорее точка, чем отрезок прямой, 2) это же прилагательное применяется к «равнозвучности» двух соседних фонем при характеристике «ходящих» слогов: «Слоги с тяжелыми началами и концами имеют обычно более сложный акустический рисунок: **ровно-восходящий** (*сто*), **нисходяще-ровный**

(иск), нисходяще-восходящий (мгла), восходяще-нисходяще-**ровный** (воск), восходяще-нисходяще-восходящий (вобл) и другие» [Моисеев 1975:114].

Следующие типы слогов, выделяемые А. И. Моисеевым, демонстрируют несостоятельность приравнивания инициали/финали слога к инициали/финали («односложного») слова:

нисходяще-восходящий (м|гла),
восходяще-нисходяще-ровный (во|ск),
восходяще-нисходяще-восходящий (во|бл).

Идя таким путём, можно обнаружить и *нисходяще-восходяще-нисходяще-ровный* слог:

м|гли|ст
 звучность: 3 245 12
 примеры:

...в низинках дороги воздух был **мглист**, прохладен и упруг... (Дмитрий Каралис. Роман с героиней // Звезда. 2001 [НКРЯ]).

Воздух **мглист** и тяжел, в нем стоит серая мгла, гарь. (А. В. Туркул, И. С. Лукаш. Дроздовцы в огне. 1937–1948 [НКРЯ]).

Пытливо смотрю я на горизонт, надеясь увидеть препятствие, о которое ломается лёд, — остров, желанный остров, но, увы, ничего не вижу. Правда, горизонт **мглист**, а погода пасмурна... (В. И. Альбанов. Дневник. 1914 [НКРЯ]).

Между /м/ и /г/ есть беглый гласный: ст.-слав. *мъгла*, др.-русск. *мьгла*, *мегла*, *мъгла* [СлРЯ XI–XVII вв., 9:51–52], рус. диал. псковск. *му́гла*, блр. диал. полесск. *му́гла*, укр. диал. закарпатск. *мо́лга*. [ЭССЯ, 21:93–94].

Таким образом, форма *мглист* имеет три слога: *мъ-гли-сть* – и все они восходящие.

Подведём итоги.

Из 25 теоретически возможных структурных типов слогов (см. далее табл. 1), по данным А. И. Моисеева, реализовано 20 (преимущественно в составе односложных слов), а по нашим данным – 9 (символом «*» помечены неприемлемые с нашей точки зрения примеры: двусложные или заимствованные):

- 1) Г: *А! О! Э! А-у! о|на, у|дар (о|а|зис, э|хо* и т. п.);
- 2) сГ: **щи** (*ты, да, мы, ра-бо-та, пе-ре-ра-бо-та-ли* и т. п.);
- 3) Гс: *он, ось, ум, ус, ил (а|ул, ар|ба* и т. п.);
- 4) ссГ: *сто, три, два, сна, спи (бра, бра|во* и т. п.);
- 5) сГс: *сон, дом, лод|ка (рам-(ка), ром, пар~(та)* и т. п.);

7) сссГ: **стра**|хи, **стре**|лок, **стро**|ить, **стру**|я, **здра**|ви|ца, но|**здря**
(м|гла, в|ста|вать и т. п.);

8) ссГс: (стол, стой, стон, стул, стой-ко, стар-ший и т. п.);

12) сссГс: (страх, страж, стран|ный и т. п.);

15) ссссГс: (осуще)-**ствлять** (в|згляд, в|стреч и т. п.);

*6) Гсс: и|скъ, у|сть, о|спъ, о|сть (акт, альт и т. п.);

*9) сГсс: мо|ст, ме|сть, ве|сть, че|сть, (ра)-до|сть, **парк** и
т. п.);

*10) Гссс: (и|скр, о|стр и т. п.);

*11) ссссГ: (ф⁶ь|стре|ча, ф⁶ь|сле|ски и т. п.);

*14) сГссс: (пун|кт, н⁶р|ст, тек|ст, филь|тр и т. п.);

*14) ссГсс: ст⁰лб, у|кра|сть (спорт, на|спорт, и т. п.);

*16) сссГсс: стра|сть, м⁶|гли|сть, в⁶|ск⁰лзь и т. п.);

*17) ссГссс: (спек|тр, сфинкс и т. п.);

*18) сГсссс: мон|стр, (сви|де)-тель|ств и т. п.);

*19) ссссГсс:(в⁶|сле|ск, в⁶|збле|ск и т. п.);

*20) ссГсссс:(братств / брац|тф⁶ь/ и т. п.). Здесь работает
4-е правило (Цементирующей функции слога); 2-е правило (Приоритет восходящей звучности) обходится посредством аффрикаты /ц=тс/ с условным весом 2.

Т а б л и ц а 1

Типы фонемических слогов в современном русском
литературном языке

№	Тип слога	Пример
1	V	а
2	CV	на
3	VC	он
5	CVC	дом
4	CCV	сто, (зве)зда
6	CCVC	стол
7	CCCV	скло ¹² , стра(хи), (се)стра
8	CCCVC	строй
9	CCCCVC	(о су ше)ствлял

¹² «СКЛО, СТКЛО. Устар. и обл. Стекло» [БАС-3, 25:681].

Различение фонетических и фонемических слогов позволило перейти от наблюдения и констатации, представленных в исследовании А. И. Моисеева, к сущности и объяснению, связанным с фонемическими слогами.

Выяснилось, что многие одновокальные слова являются фонемически многосложными.

Оказалось возможным обнаруживать фонемы, реализуемые нулём звука, но выполняющие при этом свои функции.

Размер фонемической инициали – 0–4, а размер фонемической финали исконных слов – 0–1. Теоретически возможное количество комбинаций – 10. Из них реализовано 9 (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

№	Фонем	Инициаль	Медиаль	Финаль	Пример
1	1	0	1	0	а
3	2	0	1	1	ось
2	2	1	1	0	на
5	3	1	1	1	сын
4	3	2	1	0	сто
7	4	2	1	1	стой
6	4	3	1	0	скло, (осуще)стви
9	5	3	1	1	строй
8	5	4	1	0	(осуще)ствля(я)
10	6	4	1	1	(осуще)ствлял

Обнаружены ударные дифтонги с плавными сонантами ^oР, ^eР, ^oЛ, ^eЛ. Безударные сонанты образуют слоги факультативно: слоговой и неслоговой варианты безударного сонанта находятся в отношениях свободного варьирования. При этом вокалические пазвуки сонантов ведут себя подобно редуцированным {Ъ} и {Ь}.

Установлено, что слог в русском языке выполняет двуединую морфонологическую функцию: во-первых, объединяет морфемы в слова (исключение составляют приставки, равные открытому слогу, энклитики, например, *-ся* и архаичный суффиксальный стык глагола после степенных суффиксов: *=ну*, *=и*, *=е*, *=а*, *-ыва*; во-вторых, совпадение границ слога и морфемы является сигналом границы слов (единственное исключение – архаичная позиция после степенных суффиксов глагола).

Сам язык свидетельствует, что так называемый «постфикс» -ся является самостоятельным словом и самостоятельным членом предложения, а отрицательные частицы *не* (*некто*), *ни* (*никто*) и глагольные приставки с гласным в финали так и не стали частью современного русского слова (сколько бы мы их ни писали слитно).

Таким образом, мы убеждаемся, что восходящий к М. В. Ломоносову и опирающийся на чистую феноменологию «прецедентный метод слогаделения» оказывается амбивалентным: он может как помогать при слогаделении, так и вводить в заблуждение.

Простейший пример. Как разбить на слоги словоформу *оно*? Наличие словоформы *он* подсказывает решение: *он-о*. А словоформа *но* подсказывает другое решение: *о-но*. Какое правильное? Е. Курилович вводит принцип слогаделения: «(I) согласный... стоящий перед гласным, относится к последующему слогу» [Курилович 1962:270], по которому надо делить *о-но*. А затем даёт принцип «(II) К имплозии (концу слога. – А. К.) относится максимальная часть группы, допустимая в конце слова. К эксплозии относится максимальная часть группы, допустимая одновременно в начале слова» [Курилович 1962:272]. По этому принципу, исходя из имплозии надо делить *он-о*, а исходя из эксплозии – *о-но*. Уже на следующей странице Е. Курилович вынужден признать: «Принцип (I) является исключением из принципа (II): согласный перед гласным никогда не будет частью имплозии» [Курилович 1962:273]. Таким образом, теориеобразующий принцип (II) уже с самого начала дезавуируется. Автор пытается спасти теорию, предлагая считать интервокальный согласный принадлежащим одновременно двум слогам и вводя слогаделение *он-но*, называя его «фонологическим» [Курилович 1962:284].

Таким образом, единственный собственно лингвистический подход к слогу оказывается под сомнением¹³.

Впрочем, тот же Е. Курилович даёт подсказку: «Правильная классификация согласных должна основываться на той роли, которую они играют в структуре эксплозивных (начальных, предшествующих слоговому звуку. – А. К.) групп» [Курилович 1962:299], – и далее: «...мы выдвигаем методологическое требование: установление системы консонантизма какого-либо языка должно опираться на предварительное изучение слогаделения и начальных групп слога. В конце концов

¹³ Несколько забегаая вперед, отметим, что фонологическое обоснование слогаделения в русском языке, опирающееся на понятия эксплозии и имплозии, было предложено В. Г. Руделёвым [Руделёв 2002 (1987)].

именно потому, что это требование сознательно не применялось, до сего времени терпели крах все попытки фонологической классификации согласных» [Курилович 1962:304]. Правда, для того чтобы это требование реализовать, надо иметь выделенные слоги, а для этого – иметь правила слогоделения и теорию слога. Налицо порочный круг: А невозможно без Б, Б невозможно без В, а В невозможно без А.

К этой подсказке Е. Куриловича мы вернёмся в главе 3.

Авторитетный русист и теоретик языкознания М. В. Панов в своей итоговой работе – учебнике для вузов по русской фонетике [Панов 1979] – говорит о двух теориях слога: «сонорности» и «эксплозии-имплозии». С. В. Князев [Князев 1999] добавляет к этому «теорию оптимальности» [McCarthy 1986; Prince 1993]. Поскольку наше исследование по-своему развивает волновую теорию русского слога (иначе – «теорию сонорности»), ограничимся рассмотрением критики этой теории, содержащейся в трудах представителей ЛФШ М. В. Панова и С. В. Князева.

Тут не обойтись без краткой предыстории волновой теории слога.

Глава 2

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ СЛОГА

На русскую почву её перенёс Р. И. Аванесов, благоразумно умолчав об источнике своего вдохновения: в эпоху бескомпромиссной борьбы с «безродным космополитизмом» и «буржуазным идеализмом в науке», – когда писалась статья, это было небезопасно. Поэтому у Р. И. Аванесова нет ни слова об О. Есперсене, зато есть ссылки на Л. В. Щербу и М. В. Ломоносова. Ленинградские фонологи первыми раскрыли источник вдохновения Р. И. Аванесова: «Применительно к русскому языку упрощённый вариант сонорной теории [О. Есперсена. – А. К.] даёт Р. И. Аванесов, стремящийся раскрыть механизм слогоделения» [Зиндер 2007:290]¹⁴, ср. [Матусевич 1976:168]. В безопасное для Р. И. Аванесова время это подтвердил и М. В. Панов: «В наше время теорию сонорности слога (выдвинутую О. Есперсеном) развивает в своих работах Р. И. Аванесов» [Панов 1979:78], продолживший разработку теории Р.И. Аванесова [Панов 1979; 1995]. При этом и Л. Р. Зиндер, и М. И. Матусевич приводят классификацию О. Есперсена: Зиндер – 10 классов звучности, а Матусевич – с объединением этих классов в «семь групп».

Проанализируем версию Л. Р. Зиндера как более полную (табл. 3) [Зиндер 2007:289].

¹⁴ Текст известного учебника Л. Р. Зиндера «Общая фонетика» (первое издание 1960 года) восходит к тексту его одноименной докторской диссертации, защищенной в 1955 году.

Рассматривая эту классификацию с точки зрения теории слога, нельзя не удивиться её чрезмерной детальности. Во-первых, если в слоге гласный всегда один, зачем различать три уровня звучности гласных? Что это даёт слогоделению? Так уровни 8-9-10 «схлопываются» в один. Во-вторых, зачем различать глухие и звонкие согласные, если в слоге глухие и звонкие согласные не могут соседствовать: (/сн'ул/, но /зб'ул/)? Так классы 1-4 «схлопываются» в два: щелевых и смычных. В-третьих, зачем различать боковые и дрожащие, если они никогда не соседствуют в слоге? Так классы 6-7 «схлопываются» в один. В итоге от 10 классов звучности в слоге полезными могут быть только 5.

Т а б л и ц а 3

*Сонорность немецких звуков по О. Есперсену
(в порядке возрастания)*

№	Класс	Звуки	№ модифицированный
1	Глухие смычные согласные	<i>p, t, k</i>	2
2	Глухие щелевые согласные	<i>f, s, x, ç</i>	1
3	Звонкие смычные	<i>b, d, g</i>	2
4	Звонкие щелевые	<i>v, z, ç</i>	1
5	Носовые	<i>m, n, ŋ</i>	3
6	Боковые	<i>l</i>	4
7	Дрожащие	<i>r</i>	
8	Гласные верхнего подъёма	<i>i, y, u</i>	5
9	Гласные среднего подъёма	<i>e, ø, o</i>	
10	Гласные нижнего подъёма	<i>a, ɔ, œ</i>	

Что же заставило О. Есперсена различать в два раза больше классов, чем необходимо?

Ответ на этот вопрос находим у Н. И. Жинкина: «Ещё в 1871 году Вольф¹⁵ производил измерения слышимости разных звуков речи, применяя очень простую методику. Опыт производился в тишине, ночью, в местности, окруженной лесом. Диктор получал инструкцию *произносить отдельные звуки речи с одинаковой силой*. Исследователь и его помощники постепенно отходили от диктора на такое расстояние, на котором данный звук переставал слышаться. Это расстояние, измерен-

¹⁵ *Wolf Oskar*. Sprache und Ohr. Akustisch-physiologische und pathologische Studien, Braunschweig, F. Vieweg und Sohn, 1871. – VI, 252 p. illus. (incl. music) col. pl., diagrs. S. 71.

ное в шагах, являлось показателем *слышимости* или *громкости* данного звука речи». Вольф получил результаты, представленные в табл. 4.

Аналогичные данные получил и Руссло. О. Есперсен¹⁶ сделал из этих фактов далеко идущие выводы. <...> На основе различий сонорности звуков О. Есперсен, как указывалось выше, строит свою теорию слога и ударения. **Слог образуется из сочетания разносонорных звуков** (выделено мной. – А. К.). Сам Есперсен считает, что среди фонетистов не может быть сомнения в точности установленных рядов сонорности» [Жинкин 1958:173].

Т а б л и ц а 4

Разногромкость звуков речи в шагах (по Вольфу)

A	360	Sch	200
O	350	M, N	180 (в сочетании с a)
Ei=Ai	340	S	175
E	330	F	67
I	300	K, T	63
Eu	290	R	41
Au	285	B	18
U	280	H	12

Нельзя сказать, чтобы О. Есперсен не творчески использовал таблицу О. Вольфа, но и нельзя сказать, чтобы он преодолел её гипноз. Не следует также забывать, что данные О. Вольфа и таблица О. Есперсена характеризуют «сонорность» звуков немецкой речи. Это не мешает Л. Р. Зиндеру с её помощью членить на слоги русские слова, правда, записанные латиницей [Зиндер 2007:290]. Русскую версию полной шкалы звучности даёт в своём учебнике В. Н. Перетрухин (табл. 5) [Перетрухин 1973:97].

Т а б л и ц а 5

Звучность	Характеристика звуков	Звуки
1	2	3
10	Гласные нижнего подъёма	[a]
9	Гласные среднего подъёма	[э], [о]
8	Гласные верхнего подъёма	[и] [ы] [у]

¹⁶ *Jespersen Otto*. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig : B. G. Teubner, 2 Aufl., 1913. S. 191. VI, 260 S.

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3
7	Согласные, сонорные, дрожащие	[р]
6	Согласные, сонорные, боковые	[л]
5	Согласные, сонорные, носовые	[м] [н]
4	Согласные, шумные, звонкие, щелевые	[в] [з] [ж] [й] [h]
3	Согласные, шумные, звонкие, взрывные	[б] [д] [г]
2	Согласные, шумные, глухие, щелевые	[ф] [с] [ш] [х]
1	Согласные, шумные, глухие, взрывные	[п] [т] [к]

Научная состоятельность эксперимента О. Вольфа получила оценку в монографии Н. И. Жинкина¹⁷.

Несмотря на мнение О. Есперсена, сомнения в точности установленных рядов сонорности всё же закрадываются.

Главный, если не сказать ключевой, вопрос состоит в том, какое содержание вкладывать в термин «сонорность»? Было доказано, что *сонорность* – не громкость и не звучность (впрочем, *звучность*¹⁸ – столь же неуловимая характеристика звука, как и *сонорность*). У О. Вольфа

¹⁷ «Инструкция, дававшаяся Вольфом и Эсенем дикторам, – говорить с одинаковой силой – психологически невыполнима. Никто из дикторов и сами экспериментаторы не могли проверить одинаковость этой силы. Такая инструкция могла быть обращена только к слуховому контролю, а это значит, что дикторы выравнивали по слуху громкость произнесения. Они усиливали акустически слабые звуки и ослабляли сильные. Однако и при выравнивании звуки оказались разными по мощности. Это значит, что они оцениваются слухом в разных шкалах квантования. Звуки *a* и *i* кажутся выровненными, т. е. равногромкими, хотя акустическая мощность *i* меньше, чем *o* или *a*. Звук *i*, пройдя только три-четыре ступени вверх, уже достиг уровня повышенной громкости по сравнению со своим исходным уровнем, звуки же *a* или *o* должны пройти шесть-семь ступеней для того, чтобы достигнуть такого же превышения своего собственного исходного уровня. Опыты с отдельными звуками представляют психологический интерес, так как даже в этих условиях обнаруживаются разные шкалы для разных звуков речи. Однако эти опыты не могут быть признаны точными, если принять во внимание, что разные дикторы неизбежно будут выравнивать звуки на разных абсолютных уровнях. При этом следует учесть весьма разную слуховую чувствительность дикторов, произвольно регулирующих громкость своего произнесения» [Жинкин 1958:175].

¹⁸ *Звучность* определяется через прилагательное *звучный* – «Ясно, чисто, отчётливо звучащий; звонкий». *Звонкий* – «(1) Громкий, отчётливо звучащий; *звучный*» [БТС-2010].

и О. Есперсена сонорность оказывается *слышимостью* (чем больше – в шагах – *различимость* звука, тем выше его *сонорность*).

На каком основании сделан вывод о том, что щелевые согласные «сонорнее» смычных? На показаниях приборов? Но показания сами по себе ничто, пока им не дана интерпретация, а интерпретации, как и «чины, людьми даются, а люди могут обмануться». Смешно впадать в благоговейный трепет лишь от того, что Вам говорят: «Это показания приборов». Всё дело в интерпретации этих показаний. Достаточно сослаться на анализ обращения с показаниями приборов Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой, данный М. В. Пановым: «Ввиду логической несостоятельности выводы, представленные в статье Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой, принять нельзя» [Панов 1995:37]. Вполне определённа и позиция А. И. Моисеева: «Теперь в славянских языках, в частности и в русском языке, слоги могут быть открытыми и закрытыми (*до-ма, до-мом, дом* и т. п.)» [Моисеев 1980:69]. Даже Л. Р. Зиндер высказался об опытах и выводах Л. В. Бондарко дипломатично, но вполне определённо: «Такое решение вопроса о слоговой делении, **если в какой-то (!) степени отвечает (!!)** тому, что имеет место в русском, не может быть признано универсальным» [Зиндер 2007:292]. А вот мнение А. Л. Шарандина: «...вывод Л. В. Бондарко и принцип деления лишь на открытые слоги также в определённой степени находятся в противоречии с фактами реального функционирования слов русского языка» [Шарандин 2006:169]. Степень, «в какой такое решение отвечает» и «в какой находится в противоречии», известна: по данным, приводимым (без прямой ссылки на источник) самой Л. В. Бондарко, «слоги типа Г, СГ, ССГ составляют около 78 %» [Бондарко 1977:140]¹⁹. Теория, объясняющая 78 % фактов и не объясняющая 22 %, имеет право на существование лишь в том случае, если другие теории обладают ещё меньшей объяснительной силой.

Надёжнее показания самого языка, данного нам в виде речи. На что можно опереться в решении этого вопроса? На известную закономерность, в соответствии с которой норма встречается чаще, а аномалия реже. Например, что встречается чаще в начале слова – СТ или ТС=Ц? Раскроем любой словарь, допустим, орфографический [РОС 2007], и посмотрим (табл. 6).

¹⁹ Вероятно, имеется в виду соотношение открытых и закрытых слогов в речи, потому что в словаре, представляющем язык, пропорция иная: «В односложных словах и грамматических формах... закрытые (слоги. – А. К.) – (преобладают. – А. К.) над открытыми (2925 и 225, 13:1)» [Моисеев 1980:73].

Т а б л и ц а 6

Встречаемость начальных кластеров слов (в количестве столбцов)

Кластеры	Тип ST	Тип TS	Кластеры
СП	18	7	ПС
СТ	36	19	Ц=ТС: <i>тсс, тсуга</i>
СК	7	1	КС
ПП	2	0,3	ППШ: <i>пишено, пишик, пишют</i>
ПТ	5	0	ТШ: <i>т-ш-ш</i>
ПК	2	0	КШ: <i>киатриш</i>
Всего:	70	27,3	Пропорция 2,6:1

Как видим, в начале слова кластеры типа ST (щелевой+смычный) встречаются в 2,6 раза чаще, чем кластеры TS (смычный+щелевой). При этом кластеры TS встречаются преимущественно в заимствованиях или звукоподражаниях, т. е. на периферии системы языка. Из приведенных в таблице исконным является лишь слово *пишено*, происходящее от «прич. прош. страд. **ръѣтъ* “растолченный” от **ръхати* “толочь” ... (см. *пихать*)» [Фасмер 2004, 3:417]. Как видим, в корне между П и Ш есть беглый гласный {Ь}, проявляющийся в /И/ в глаголе *пихать*. Аномальность начального кластера ПШ (а возможно, и наличие корневого вокала) ощущается носителями русского языка, о чём свидетельствуют диалектные формы *пашено-пошено, пашеница-пошеница* [СРНГ, вып. 25:304–305].

Таблица показывает поведение сочетаний щелевых и смычных в словаре, описывающем язык. А в речи: из 10 239 слогов, извлечённых из романа М. И. Булгакова «Мастер и Маргарита», более 7 % слогов содержит начальный кластер ST. По данным работы Т. В. Борисовой [Борисова 2015], выполненной под нашим руководством и основанной на поэтических текстах XVIII–XX веков, доля слогов с начальным кластером типа ST составляет 9,23 % от 358 392 обследованных слогов, что явно многовато для аномального сочетания. Трудно поверить, что каждый десятый русский слог – аномальный.

В связи с этим понятны затруднения В. В. Шеворошкина в их интерпретации: «...анализ звукосочетаний, обладающих незначительной сложностью, приводит к заключению о наличии особого свойства спирантов, позволяющих им находиться в позиции, плохо объясняемой с точки зрения теории “волны sonorности”, исходящей из положения о правильности слогов типа TP-E-PT и “неправильности” слогов с начальным СТ- или конечным -ТС» [Шеворошкин 1973:573].

Действительно, спиранты обладают «особым свойством», предполагаемым В. В. Шеворошкиным, и состоит это свойство в их меньшей сонорности по сравнению с эксплозивными согласными класса Т. Как следствие, слоги с начальным СТ- и конечным -ТС оказываются «правильными» и прекрасно объясняются теорией «волны сонорности».

Имеется выбор из двух интерпретаций:

1) нормой для начала русского слова является двувершинность начального слога, аномалией – восходящая звучность (если считать, что щелевые звучнее взрывных: *ско-ро* = 215-45, но *пше-но* 125-35);

2) нормой для начала русского слова является восходящая звучность, аномалией – двувершинность (но из этого автоматически следует, что взрывные «сонорнее» щелевых: *ско-ро* = 125-45, но *пше-но* 215-35).

Можно ориентироваться на показания приборов, не позволяющие выявить закономерность, или – на показания самого языка, выявить закономерность позволяющие. Мы выбираем второе и утверждаем: сонорность смычных согласных выше, чем сонорность щелевых²⁰. Поскольку термин *сонорность* не определён²¹, мы можем вкладывать в него собственное содержание:

²⁰ Напоминаем, что речь идёт об условном весе «сонорности» фонем.

²¹ Формально это не так. М. В. Панов даёт определение сонорности: «Под сонорностью понимается (кем? Видимо, М. В. Пановым. – А. К.) то, что обычно (значит, не всегда. – А. К.) вкладывается (кем? – А. К.) в этот термин: степень участия тона в образовании звука» [Панов 1995:29]. Итак, *сонорность* определяется через *тон*. У слова *тон* много значений. Более всего подходят два: «1) Музыкальный звук определённой высоты в отличие от шума». Следовательно, *сонорность* – *высота* звука? Насколько известно, ни сам М. В. Панов, ни Р. И. Аванесов не измеряли звуки русской речи высотой звука. Да и вряд ли степень участия звука определённой высоты может быть различной. Посмотрим второе значение: «4) Характер, оттенок звучания инструмента или голоса. *Нежный, ласковый тон. Властный, надменный тон. Переменить тон. Говорить, сказать в тон.* (с той же интонацией, в той же манере, с тем же настроением) *На высоких, повышенных тонах разговаривать* (раздражённо, ссорясь) *Перестань говорить таким тоном!* [БТС-2010]. Тоже не похоже. Получается, что сонорность – «степень участия характера, оттенка звучания голоса в образовании звука». Как градуировать «характер или оттенки звучания» голоса, непонятно. Есть ещё одно толкование: «Характер звучания голоса, его тембровая окраска; тональность I 2». [Ефремова 2000:781]. *Тон* толкуется через *тембр*, а *тональность* возвращает к *высоте* звука. Смотрим *тембр*: «Характерная окраска звука, сообщаемая ему обертонами, призвуками, по которой различаются друг от друга звучания одной и той же высоты». Подтверждается: высота звуков ни при чем: важны *обертоны* и *призвуки*. Смотрим *обертон*: «Дополнительный, более высокий

для нас с о н о р н о с т ь – это **условный вес**, присваиваемый классу фонем, образующих *фонематический* слог, в соответствии с которым слог может быть представлен и объяснён как волна сонорности.

Ранее к заключению о наименьшей звучности фрикативных пришёл проф. МГУ Г. А. Хабургаев: «смычные согласные оказываются

тон, сопровождающий основной и придающий ему особый оттенок, тембр; призывку» и возвращаемся к *тону*, *тембру* и *призывку*.

Поиск в другом направлении: «Особое место среди *периодических* колебаний занимают *простые* колебания. <...> К простым относятся ... колебания камертона, звук которого и называют *чистым тоном* или просто *тоном*» [Кодзасов 2001:551]. Итак, *тон* – это *простые периодические колебания*. Однако «звуковые колебания, возникающие в речи, относят к *сложным (периодическим и непериодическим. – А. К.) колебаниям*. <...>... **гласные** и **сонорные** ... обычно называют *квазипериодическими* речевыми звуками» [Кодзасов 2001:557]. «Разложение *сложного периодического колебания* на простые синусоидальные составляющие называется спектральным разложением (или разложением Фурье). Простые колебания, которые входят в состав такого разложения, называются *гармоническимисоставляющими* или просто *гармониками* сложного периодического колебания. <...> Гармоники, отличные от основного тона, часто называют также *обертонами*. <...> Частоты гармоник *сложного периодического колебания* образуют упорядоченный набор величин, полностью задаваемый основной частотой. Эта упорядоченность придаёт сложным периодическим звукам слуховую окраску «музыкальности», которая отличает в целом этот класс звуков от непериодических звуковых колебаний» [Кодзасов 2001:560]. «*Сложные непериодические колебания*... характеризуются отсутствием регулярности в характере изменения колеблющейся величины во времени. Среди непериодических звуковых колебаний можно выделить две главных разновидности: это звуки *импульсного* типа (щелчки, хлопки, взрывы) и *длительные шумы* (свисты, скрипы, шипение). <...> В речи присутствуют оба типа непериодических звуков. Они возникают при произнесении шумных согласных» [Кодзасов 2001:564]. Результат не утешителен: *тон* как составляющая сложных периодических колебаний, присущ только гласным и сонантам. Шумные согласные тона лишены, зато есть возможность инструментально различать внутри сложных непериодических колебаний **импульсные**, свойственные взрывным согласным, и **длительные** шумы, свойственные щелевым согласным. Если понимать под *сонорностьютон*, как это предлагает, М. В. Панов, то, видимо, шкала должна иметь не только положительную часть – для гласных и сонантов, но и отрицательную – для взрывных и щелевых консонантов. Научная обоснованность такой шкалы вызывает сомнения. Надежду на возможность единой, но, разумеется, **не ориентированной на тон** шкалы даёт следующее обстоятельство: «Переход от линейчатых спектров, типичных для периодических звуков, к сплошному спектру непериодического звука можно представить как результат постепенного увеличения (вплоть до бесконечности) **длительности периода колебаний** (или, что то же самое, постепенного уменьшения **расстояния между гармониками** вплоть до нуля)» [Кодзасов 2001:565].

более звучными, чем фрикативные» [Хабургаев 1974:106]. Логика его рассуждения такова:

1) «все слоги (старославянского языка. – А. К.) строились по принципу возрастающей (или восходящей) звучности» [Хабургаев 1974:105];

2) следовательно, предыдущий звук слога менее звучен, чем последующий: «Носовые менее звучны, чем плавные, поэтому в старославянском языке они обычны в положении перед последними (например: *нравъ, мръти, земля* и т. д.)» [Хабургаев 1974:105].

Иными словами, по Г. А. Хабургаеву, **сонорность** звука определяется его положением в слоге: после менее звучного и перед более звучным.

Вернёмся, однако, к версии волновой теории Р. И. Аванесова. Её слабые стороны были предопределены следующими решениями.

1. Р. И. Аванесов предложил различать всего 3 уровня сонорности: 3 – у гласные – сонорные – шумные согласные. В результате в слоге оказывалось плато звучности: «[хал/ста], [нап'ор/стѣк], [дан/ской], [мар/ской]. <...> Важно отметить, что *во всех* приведённых случаях **последующий слог начинается с восходящей звучности** (1 + 3 + ...; 1 + 1 + 3...; 1 + 2 + 3...)» (выделено мной. – А. К.) [Аванесов 1954:89], которого не замечал ни сам Аванесов, ни обычно внимательный и строгий в своих построениях М. В. Панов. Отвечая на справедливое замечание Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой о недостаточности 3-членной шкалы звучности, он пишет: «На самом деле взрывные и щелевые, например, [с] и [к], **по сонорности** не отличаются друг от друга» и (вот она рука мастера!) «Они различаются **по слышимости**, могут различаться по *громкости* и т. д. Всё это верно, но в основу рассматриваемой теории слога положена только *сонорность* звука. Поэтому членение *до-ска* вполне отвечает теории; слогораздел на месте наибольшего сонорного контраста: 24-114 (выделено мной. – А. К.)» [Панов 1995:30].

2. Тут мы подошли ко второму слабому месту теории Р. И. Аванесова. Сначала он произвольно ограничился 3 уровнями сонорности, а затем столь же произвольно предложил критерии слогоделения: 1) «слогораздел проходит после гласного (после 3), где имеется **резкий спад звучности**»; 2) «слогораздел проходит после сонорного перед шумным, так как именно в этом случае **обеспечивается возрастающая звучность в начале следующего слога** (выделено мной. – А. К.)». Почему слогораздел должен ориентироваться

именно на **резкий** спад звучности, совершенно не понятно. Логика волны звучности предписывает спад звучности относить к предшествующему слогу, возрастание звучности – к последующему. Но при уравнивании сонорности щелевых и смычных получается **не возрастание, а плато звучности**, чего упорно не замечают ни Р. И. Аванесов, ни М. В. Панов, ни Л. Л. Касаткин, делящий [ку-пцы] и даже [бу-ква-л'нь], [ва-лна], [на-рвать], [ко-лба], [ка-нверт], труднее всего принять членение [а-ргъ-ни-за-тъ-рский], признаваемое П. П. Касаткиным одним из допустимых вариантов слогораздела [Касаткин 2001:51–53]. Постулат об оглушении /P/ перед /C/ до уровня /C/ или перед /Г/ до уровня /Г/ вызывает впечатление искусственности и представляется надуманным: у сонантов нет оппозиции по глухости-звонкости.

Так, правда, не без сомнения в собственной правоте, членил слова и Р. И. Аванесов: «Если верно, что при сочетании двух сонорных слогораздел *чаще, видимо*, проходит перед сочетанием, благодаря чему предыдущий слог является открытым (ср. [ва/лна], [ба/л'н'иць], [упо/рнь], [ка/рман], [по/мн'у], [са/нл'ивъй]), то из сопоставления слогоразделов типа [кай/ма], но [ка/рман] *можно бы* сделать вывод, что по степени звучности и сонорные неодинаковы: звук [й] более звучен, приближаясь к собственно гласным, т. е. слоговым» (выделено мной. – А. К.) [Аванесов 1954:90]. Р. И. Аванесов сомневался не зря: это решение неверно, и вывод о близости [й] к гласным на шкале сонорности также ошибочен. Совершенно непонятно, почему предыдущий слог должен быть во что бы то ни стало открытым. Такое членение навязывается произвольно заданным принципом «резкого спада звучности», приводящим к нарушению второго принципа – «возрастающей звучности».

Развитие аванесовской концепции М. В. Пановым, принятое во многих вузовских учебниках, вызывает недоумение.

Во-первых, М. В. Панов, никак этого не объясняя, вводит 4 степени сонорности [Панов 1979:71–72]: 4-я – гласные, 3-я – сонорные. В отличие от Р. И. Аванесова, он подразделяет шумные согласные на звонкие – 2-я и глухие – 1-я, как бы не замечая, что это абсолютно ничего не меняет, поскольку звонкие и глухие согласные никогда не соседствуют в слоге: глухие перед звонкими озвончаются (*сдать* = /зд'ат'/ при *сорвать, срез*), звонкие перед глухими оглушаются (*истить* = /исп'ит'/ при *изорвать, изрезать*).

Во-вторых, забыв о сомнениях и колебаниях, Р. И. Аванесов уверенно приписывает звуку /й/ индекс $3\frac{1}{2}$, что также ничего не меняет, кроме того, что шкала становится 5-членной: 1-2-3- $3\frac{1}{2}$ -4.

В-третьих, добавляется ещё один индекс: «0 – пауза (реальная или потенциальная)» [Панов 1979:72], также ничего в слогеделении не меняющая, но вдобавок, ещё и не соответствующая действительности: «Слоговые дуги в составе отдельного слова, как правило, не достигают нулевого уровня, а подхватываются новым звуковым давлением. Аналогичная картина наблюдается при произнесении фразы, где ниспадающие дуги громкости не опускаются до нулевой ступени. Тем самым достигается единство фразового произнесения» [Златоустава 1997:186].

В-четвертых, при разборе слова *литавричик* звуку /ш:’/ почему-то приписана звучность 2, как и звуку /в/ (видимо, трактуемому как звонкий шумный согласный). По поводу *литавричика*: М. В. Панов полагает, что волновая теория сонорности позволяет объяснить наводимые размером членения *ли-та-в’р-щик* и *су-пра-с’ль-ских*. В оценке возможностей этой теории М. В. Панов прав, а вот объяснение, предлагаемое им, принять нельзя: у него «создающие слог» сонанты имеют звучность неслоговых – 3, тогда как по логике теории слоговые аллофоны сонантов должны иметь ту же звучность (4), что и «создающие слог» гласные. При этом не «создающий слог» /й/ на том же развороте имеет звучность $3\frac{1}{2}$ [Панов 1979:72–73]. Если тут и есть логика, то какая-то специфическая. О сонантах же необходим отдельный разговор, и он впереди.

Но одно нововведение, кстати, подсказанное Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой, было продуктивным: «Что же касается носовых и плавных, то действительно: плавные [л-л’-р-р’] сонорнее носовых [м-м’-н-н’]. В более детальной классификации их нужно оценить разными баллами: плавные – 3, носовые – (два с половиной)» [Панов 1995:30]. Так, к 1995 году шкала М. В. Панова превращается в 6-членную: 1-2- $2\frac{1}{2}$ -3- $3\frac{1}{2}$ -4.

М. В. Панов замечательно компактно излагает «теорию» Р. И. Аванесова: «Где, по этой теории, проходит слогораздел? В местах **наибольшего контраста** по сонорности. <...> (Это правило дополняется другим: **согласный, непосредственно предшествующий гласному**, всегда с этим гласным **составляет единство**)» (выделено мной. – А. К.) [Панов 1979:72–73].

Для словоформы *окончившая* М. В. Панов предлагает членение [а-кон’-ч’и-фш’-й’] (рис. 1).

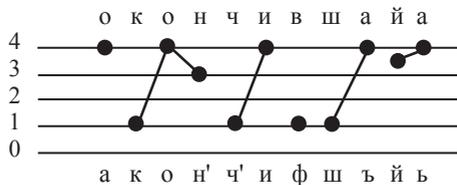

Рис. 1. Членение словоформы *окончившая* по М. В. Панову

Сначала следует обратить внимание на то, что линии 2 и 0 не работают, а это означает умножение сущностей без необходимости.

Правило наибольшего контраста и в этом случае привело к созданию плато звучности /ф/-/ш/, что Р. И. Аванесов и М. В. Панов упорно называют «восходящей звучностью», видимо, потому что она есть на отрезке /ш/-/ь/.

Резюмируем: «принцип максимального контраста» неконструктивен, ибо приводит к плато звучности на последующем слоге или к его двувершинности.

Если речь идёт о слоге как о *волне* (сонорности), то логично исходить из образа волны, у которой есть восходящая и нисходящая части, есть пик, но нет плато. Ср.: 1) понимание слога у Л. Л. Касаткина: «...слог представляет собой волну сонорности с нарастанием и спадом звучности. Сколько в слове пиков, вершин сонорности, находящихся между провалами, спадами сонорности, столько в нем и слогов» [Касаткин 1999:280]; и 2) у С. В. Кодзасова: «Слог в общем случае состоит из вокалической вершины и консонантных склонов, консонантные “края” слога могут отсутствовать» [Кодзасов 2001:305]. Что касается плато звучности, то оно всегда указывает на границу между слогами.

Если исходить из *волны* (сонорности), то граница между волнами-слогами должна проходить не «в местах наибольшего контраста», а на границе нисходящей и восходящей звучности.

Г. А. Хабургаев предложил следующую градацию звучности:

Начало слога		→	конец слога	
Согласный				Гласный
фрикативный	смычный (взрывной или аффриката)	носовой сонорный или <i>в</i>	плавный	

и сформулировал правило: «более звучный звук, как правило, был невозможен в положении перед менее звучным или равным ему по звучности» [Хабургаев 1974:106–107]. Указание на недопустимость сочетания в слоге звуков равных по звучности представляется принципиально важным.

Особенно интересна интерпретация /в/: «Неслоговые гласные ([й], [в]. – А. К.) практически равны по звучности сонорным. Поэтому в старославянском языке [в] < *у оказывается возможным перед плавным (как любой другой согласный: *врата*, *ловльж* и т. п.) и вместе с тем, как и сонорный, может находиться после любого шумного согласного перед гласным (*творити*, *сквозь* и т. п.)» [Хабургаев 1974:105]. В этом наблюдении для нас важно указание на амбивалентность /В/, а следовательно, и /Й/. Важен и метод: звучность определяется по позициям, занимаемым звуком в слоге. В старославянском это просто: слог завершается гласным или слоговым сонантом, звучность только возрастает. Исключения из этого правила Г. А. Хабургаев находит на приставочном стыке: *исходити*, *въсходити* [Хабургаев 1974:107]. Но это не вся правда: в одном и том же памятнике – Супрасльской рукописи, написанной в середине XI века одним писцом, – находим и другие написания: *изходити* (звонкость *З* указывает на скрытое присутствие *Ъ* между *З* и *Х*, препятствующее оглушению *З*→*С*) и *изъходити*; ср. также *изъхватити* наряду с *исхватити* [СтСл-1994:257]. Налицо нарушение закона восходящей звучности в письменной практике, а не в языке.

Глава 3

СИНДИГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОГА

Один из принципов устройства мироздания сформулирован Платоном в диалоге «Софист»:

«Чужеземец: Возьми, например, [глаголы] “идет”, “бежит”, “спит” и все прочие слова, обозначающие действие: если бы кто-нибудь произнёс их по порядку, то этим он вовсе не составил бы речи.

Тэт: Да и как бы он мог составить?»

Чужеземец: Таким же образом, если произносится: “лев”, “олень”, “лошадь” и любые другие слова, обозначающие всё, что производит действие, то и из их последовательности не возникает речь. Высказанное никак не выражает ни действия, ни его отсутствия, ни сущности существующего, ни сущности несуществующего, пока кто-либо не соединит глаголов с именами. Тогда всё налажено, и первое же сочетание [имени с глаголом] становится тотчас же речью – в своем роде первую и самую маленькую из речей. <...> Подобно тому, как некоторые вещи совмещаются одна с другой, другие же нет, так же и обозначения с помощью голоса: одни не сочетаются, другие же, взаимно сочетаясь, образуют речь» [Платон 1993:336–337].

Как видим, для Платона принцип сочетания вещей распространяется и на «обозначения с помощью голоса» – речь. В приведённом фрагменте сформулирован один из двух принципов устройства мироздания: *члены одной парадигмы не образуют синтагмы*²². Назовём

²² Синтагматика и парадигматика – это не разные оси языка, это две стороны единой синтагматико-парадигматической оси. Синтагматика – способ проявления, выявления, обнаружения парадигматики, поэтому синтагматика и парадигматика заведомо не могут давать разных результатов. В целях интеллектуальной профилактики предпочтительнее пользоваться термином-универбом «синдигматика». Из этого следует, что М. В. Панов, обнаружив принципиальную несводимость синтагмо- и парадигмо-фонем, обнаружил

его «природным принципом» или «П-принципом» (табл. 7). Действительно, *лев, олень, лошадь* – члены парадигмы А; *идет, бежит, спит* – члены парадигмы не-А. Члены одной парадигмы не образуют синтагм, и из этого следует, что **члены одной синтагмы принадлежат**

серьезнейшую трещину в своей концепции. Реакция М. В. Панова на это, по-человечески, совершенно понятна: он постарался её заделать. Во-первых, он обособил язык от действительности: язык – сам по себе, вся остальная действительность – сама по себе. Во-вторых, призвал на помощь принцип дополнительности Нильса Бора и объявил, что парадигмо-фонемы – это «волны», а синтагмо-фонемы – «кванты», и «лишь вместе они описывают фонетическую (NB! – не фонологическую! – А. К.) систему языка» [Панов 1967:292]. Хотелось бы понять, какой необходимой связью корпускулярно-волновой дуализм в физике элементарных частиц связан с синтагматикой-парадигматикой фонем в русском языке. В-третьих, он назвал синтагмо-фонетику «фонетикой слов», признав тем самым её родство с теорией ЛФШ, а парадигмо-фонетику – «фонетикой морфем», оставляя ее за МФШ [Панов 1967:291] и, тем самым, постарался представить зазор между парадигмо- и синтагмо-фонетикой зазором между МФШ и ЛФШ, по остроумному замечанию А. А. Реформатского, переместив, подобно Р. И. Аванесову, свою концепцию из Москвы в Бологое. В-четвёртых, он ещё раз (впервые – с «волнами» и «квантами») применил запрещённый в науке приём – сравнение (как известно, *Comparaison n'est pas raison*): «Пусть одни и те же дела разбираются одновременно двумя судами – один исходит из презумпции виновности, другой – из презумпции невиновности. Тогда приговоры по одному и тому же делу часто были бы в этих двух судах различны. Различен оказался бы состав осужденных, различна статистика преступлений и т. д. Так и в фонетике: синтагматический анализ исходит из “презумпции нетождественности”, парадигматический – из “презумпции тождественности”; поэтому они строят разные ряды фонетических единиц, устанавливают разные закономерности, обосновывают разные выводы» [Панов 1967:13]. Рисуеться воображаемая картина, ей в соответствие ставится реальность языка и при этом подразумевается, что воображаемая картина и объясняет противоречия, обнаруженные в языковом материале. О талантности М. В. Панова свидетельствует, кроме всего прочего, и тот факт, что на большую часть научной общественности эти приемы, похоже, подействовали. Но только не на А. А. Реформатского, с оценкой которого мы солидарны.

Между тем ошибки М. В. Панова продуктивны: разрешение (а не принятие) обнаруженного им противоречия способно вывести к новому фонологическому знанию. Путь к нему до неприличия традиционен: достаточно принять идущую от Платона идею о нераздельности синтагматики и парадигматики (ср. *новый постулат о синтагматике-парадигматике* Ю. С. Степанова [Степанов 2003:302–303] и *частный принцип синтагматико-парадигматической функциональной согласованности* Г. П. Мельникова [Мельников 2003:79–84]) и вернуться к самоочевидной для учёных XIX века мысли: «теория – это история в очищенном от случайностей виде».

разным парадигмам. Что представляют собой синтагмы 1-3? Реализацию хорошо знакомого принципа: *противоположные заряды притягиваются* (A+не-A), *одноименные – отталкиваются* (A↔A).

Т а б л и ц а 7

	Парадигма А	Парадигма не-А
Синтагма 1	лев	идет
Синтагма 2	олень	бежит
Синтагма 3	лошадь	спит

Итак, первый принцип устройства бытия – это принцип неживой и живой природы, известный из химии, физики, биологии. Платон показал, как этот принцип проявляется в устройстве элементарного предложения.

Применим этот принцип к исследованию устройства русского слога. Слово *папа* имеет два слога: *па-па*, – построенных по модели «не-гласный+гласный». По этой же модели построены слоги в словоформах *па-то-ка*, *Бо-ро-ди-но*, *по-на-за-ка-зы-ва-ли*. Взаимодействуют множества: Г и не-Г, гласных (слоговых) и не-гласных (неслоговых).

А если мы возьмём слог (и словоформу) *три*? Перед нами выбор: либо признать, что принцип в данном случае не работает (ведь и Т, и Р – не-гласные), либо допустить, что Р не является ни гласным, ни согласным. И это действительно так.

Ведь *гласные* – это фонемы, которые всегда образуют слог. *Согласные* – это фонемы, которые никогда не образуют слога. А [Р] принадлежит третьему множеству фонем – *сонантам*, которые в зависимости от позиции образуют или не образуют слог. Сонанты безразличны к оппозиции «слоговой – неслоговой». Глубокое исследование сонантов было осуществлено в 1970-е годы Ю. С. Степановым и Дж. И. Эдельман [Степанов 1976], но, к сожалению, до сих пор не получило должного распространения.

Рассмотрим это положение на ряде примеров.

Мистер Твистер, бывший министр (Маршак). *ТвИ-стер* рифмуется с *минИ-стэр*, так как Р образует самостоятельный слог.

Чтоб не достаться спрутам или крабам, // Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, // Мы покидали тонущий корабль... (Высоцкий). Рифма *крА-бам* – *корА-бэль*. Л – слоговой.

Шел я верхом, шел я низом, Строил мост в социализм. (Маяковский). Рифма *нИ-зом* – *социалИ-зэм*. М – слоговой.

Слоговым может быть и Н: *Мстил Серёга за слёзы любимой, За зарытый в земле Летний сад, За великого города гимн, За любимый свой Ленинград.* (Розенбаум). Рифма любИ-мой – гИ-мэн. Н здесь образует слог.

Слоговые сонанты реализуются, выделяя перед собой особый вокалический пазвук (у нас он обозначен как *ə*), произносимый перед сонантом. На этот пазвук может упасть ударение, и тогда слоговой сонант становится ударным: *корАбэль – корабЕльный, минИстэр – министрЕрский*. Но, поскольку мы «загипнотизированы» письмом, то думаем, что если в *министерский* Е и Р – две разных буквы, значит, и два разных звука, две разных фонемы. Между тем симметрии между буквами, звуками и фонемами нет. Напротив, здесь наблюдается полная асимметрия: две буквы ЕЛ/ЕР и два звука /ел/ или /ер/ соответствуют одной лингвистической единице (аллофону) – {Л} или {Р} слоговым.

Два звука, обозначающих одну слоговую фонему, в лингвистике принято называть *дифтонгами*. Однако ни в одном описании русского языка не говорится, что в русском языке есть такие дифтонги²³. И в этом есть смысл: ведь слоговые сонанты в русском языке являются не самостоятельными фонемами, а позиционно обусловленными вариантами фонем – аллофонами, находящимися в отношениях дополнительного распределения с неслоговыми сонантами: неслоговые сонанты реализуются в соседстве со слоговыми фонемами, а слоговые – между согласными или между согласным и концом слова.

Слоговость или неслоговость сонантов зависит порой не от позиции, а от воли (если угодно – от прихоти) говорящего. Ср. две различных рифмы В. В. Маяковского на слово *социализм*: *нИ-зом-со|ци|а|лИ|-з'м, слИзь-со|ци|а|лИз'м*. В первом случае у слова 5 слогов, во втором – 4. Это значит, что слоговой и неслоговой аллофоны сонорных находятся в отношении свободного варьирования.

В русском языке есть два особых сонанта – это глайды {У-В(Ф)} и {И-Й}. Их отличие от остальных сонантов состоит в том, что их немаркированный аллофон слоговой, тогда как у прочих сонантов немаркированный аллофон – неслоговой. Для глайдов норма – слоговость, для плавных и носовых сонантов – неслоговость. Видимо, поэтому глайды с таким трудом находят признание как сонанты.

²³ В фундаментальном исследовании Л. Л. Касаткина есть целый раздел, посвящённый дифтонгам в русских говорах, но о дифтонгах *Ер, Ел, Ор, Ол* не упоминается [Касаткин 1999].

Примеры на И-Й: *житие – житье; свидание – свиданье*. В данном случае варианты слова не распределены по позициям, а находятся в отношении свободного варьирования. Можно сказать и *Он пошёл на свидание*, и *Он пошёл на свиданье* – содержание высказывания не изменится. Ср. также *Наталья-Наталия, Геннадьевич-Геннадиевич*. Когда элементы находятся в отношениях свободного варьирования, это не два разных инварианта, не две разных фонемы И и Й, а два варианта (аллофона) одного инварианта (фонемы) равнозначных с точки зрения смысловозначения.

Второй русский глайд – {У-В} (с вариантом |Ф|). Например, слово *медведь* образовано из сочетания *меду-едь* ‘тот, кто ест мёд’. Когда это два самостоятельных слова, то между ними может наблюдаться зияние, т. е. два слоговых фона на границах слов могут соседствовать. Но как только эти слова объединяются в одно слово, то внутри слова зияние становится невозможным, и У в этой позиции (внутри слова, рядом с гласным), реализуется в неслоговом варианте, в виде У неслогового: *Вот смерклось. Были все готовы // За у т р а бой затеять новый* (М. Ю. Лермонтов). *Заутра* = *за* + *утро*. По-хорошему, и писать бы надо было отдельно с *О* на конце. Когда ударение переносится на предлог, *ЗА* из проклитики превращается в часть слова, и возникает зияние |а+у|, внутри русского слова запрещенное. В соседстве со слоговым фоном сонант |У| должен реализоваться в неслоговом варианте: *зАвтра*. Но здесь |В| находится перед глухим |Т| и должно оглушаться, что и происходит: мы произносим *за|ф|тра*. Фонема {У} закономерное (т. е. позиционно обусловлено) реализуется аллофоном /Ф/.

Если Р, Л – это плавные сонанты, М, Н – носовые сонанты, то И-Й и У-В/Ф – сонанты-глайды. *Глайды* – «фонемы-хамелеоны». Их специфика заключается в том, что, когда они реализуют свой слоговой вариант, они все признаки перенимают у гласных (например, в и.-е. языке слоговые аллофоны сонантов различались по долготе и краткости). Когда же глайды реализуют свой неслоговой вариант, они перенимают все признаки у согласных. Если согласные изменяются по глухости-звонкости, твердости-мягкости, то на это способен и глайд У-В: В – Ф, В’ – Ф’. Единственная ситуация, в которой В не может «скрыть» своего сонантного происхождения, – это положение после глухого согласного.

Перед сонантами глухие согласные Т, С и т. д. остаются неизменным, так же, как и перед гласными: *оторвать-сорвать, отрезать-срезать, отнять-снять, отмыть-смыть*. А перед звонкими

согласными Т и С озвончаются: *отбить* мы произносим как [адБИТ'], а *сдать* – как [з|дать]. Если бы В был звонким согласным, как учат в школе, то он бы должен был, как и любой звонкий согласный, озвончаться предшествующий глухой. Посмотрим, как ведут себя глухие перед В: *ответить, свесить, отварить, сварить*. Озвончения не происходит: [В] ведет себя как сонант. Эту «страшную правду» от детей в школе скрывают, а студентам в университетском курсе преподают как маленький курьез: отклонение, которое надо учесть.

Так мы приходим к выводу, что в русском языке не две парадигмы звуков, а как минимум три: согласные, никогда не образующие слога, гласные, всегда образующие слог и сонанты, в зависимости от позиции (а порой – и желая говорящего) образующие или не образующие слог. К вопросам слогообразования сонанты индифферентны: в соседстве со слоговыми они слога не образуют, между неслоговыми и/или концом слова – образуют. Следовательно, П-принцип в слове *три* работает: Р – негласный и не согласный, а Т – не-сонант.

Почему же тогда возможна форма *стой*? Ведь и С, и Т – согласные, никогда не образующие слога. Опять перед нами выбор: либо признать, что П-принцип не работает (потому что С и Т – консонанты), либо, что С и Т принципиально различны.

В чём же это различие? Согласные делятся на два множества: ф р и к а т и в н ы е («размыкатели рта», по Ф. де Соссюру), произносимые с приоткрытым ртом: С, З, Ш, Щ, Ж, Х, – и в з р ы в н ы е (в терминологии Соссюра – «смыкатели рта»): П, Б, К, Г, Т, Д. Аффрикатy Ц и Ч начинаются как взрывные, их уместно, как это и сделал Г. А. Хабургаев, классифицировать по их взрывному началу. В аффрикатах имеет место нейтрализация оппозиции смычные:фрикативные. Аффрикатy – это способ «обойти» некоторые запреты в языке, «соединив несоединимое» в одной фонеме: в слове *цеп* реализована формула 252 нормального слога, без аффрикатy мы имели бы аномальный слог **тсеп* и формулу 2152 с двумя вершинами звучности.

Итак, среди согласных надо различать «взрывные (также эксплозивные – смыкатели рта) и не-взрывные (щелевые или фрикативные – размыкатели рта)».

А как объяснить сочетание сонантов: М+Р, М+Л и Н+Р в словах *мрак, млечный, нрав*? Следуя П-принципу, надо признать, что и сонанты в русском языке составляют два множества: «плавные – неплавные» (R↔не-R).

Чтобы правильно описывать сочетаемость звуков в русском слоге, достаточно пяти множеств: S-T-N-R-O (согласные фрикативные, согласные эксплозивные, сонанты не-плавные, сонанты плавные и гласные А, О, Э, Ы, а также [У], [И] и прочие слоговые аллофоны сонантов).

А как быть с *M+N* в слове *множество*? Тут вроде бы подряд два носовых сонанта. Можно добавить ещё и *мне, мной* (ср. *мен_я*) *мну, раз-мин=аю*) *мн=ить* (*по-мн=ить* – *по-мин=ать*)... Ответ прост: между М и Н есть нулевой гласный – {Ъ} или {Ь}, о котором также умалчивают грамматики русского языка, но пишет в своих трудах профессор В. Г. Руделёв [Руделёв 2002]. Когда {Ъ} или {Ь}, реализуемый нулём звука, чередуется с Е-И или О-Ы, его можно обнаружить внутренней реконструкцией – с опорой на факты русского же языка. Когда русский язык фактов чередования не даёт, приходится привлекать факты родственных языков: Ср. старосл. *мъногъ*, готск. *managas* 'многий', д.-в.-н. *manag* 'иной, некоторый', др.-ирл. *menicc* 'частый, многочисленный', литовское *minià* 'толпа' [Фасмер 2004, т. 2:633].

А как же со случаями *кто=къ+то, где = къ+де, ткут-тыкают*? Здесь П-принцип позволяет нам обнаруживать единицы, которых мы не слышим, но которые, тем не менее, есть. Тут уместно вспомнить свидетельство Р. О. Якобсона: «Когда я подошёл в моей книге “о чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским” к этой главной проблеме “словораздела и его роли в стихе”, я прежде всего использовал и развил “плодотворнейшее понятие потенциальности языковых явлений, защищаемое А. Матезиусом в его интересной работе “O potencialnosti jevu jazykovych” (“О потенциальности языковых явлений”, 1911), которое выявило тот факт, что слово присутствует в нашем сознании, не нуждаясь в непременных акустических границах. Тогда учёные и начали постепенно понимать, что *существуют элементы, которые не требуют никакой двигательной или слуховой реализации, но которые, тем не менее, играют важнейшую роль в структуре стиха* (выделено мной. – А. К.)» [Якобсон 1985:247].

Так, методично (т. е. методом Платона) анализируя русскую речь, мы выявляем глубинные и существенные составляющие русского языка, пользуясь логикой: если наш принцип верен и он не допускает сочетания в одном слоге двух носовых, а сочетание, тем не менее, наблюдается, то 1) либо носовые принадлежат разным слогам (*кА-менный*), 2) либо между ними есть вокал и они – опять-таки принадлежат разным слогам (*мБ-не/ме-ня, по-мБ-нить/по-ми-нать, мБ-но-гий*),

3) либо один из них – слоговой (ср. рифму: *лю-бИ-/мьй/ – гИ-/м'н/*), и тогда они принадлежат одному слогу, но принцип не нарушается: неслоговой и слоговой сонант принадлежат разным множествам-парадигмам.

Процесс и результат проведённого анализа можно представить в следующем виде – см. табл. 8.

Т а б л и ц а 8

не-А					А
не-R				R	
не-N		N	4		
не-Т	Т				
S		3			
1	2	3	4	5	

Как видим, П-принцип не только действует, но и позволяет получать нетривиальные результаты применительно к русскому языку.

А теперь дадим наполнение табл. 8 и сформулируем некоторые постулаты нашей теории.

В табл. 8 дано наполнение формулы **условных** (мы подчеркиваем это!) **весов сонорности** STNRA (12345). Важны не показания приборов (которые ещё надо корректно интерпретировать, чтобы не прийти к выводу об открытости всех слогов [Бондарко 1977:139]), а последовательности звуков, наблюдаемые в речи, и наша способность или неспособность их объяснить (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

КЛАСС	Фрикативные	Эксплозивные и аффрикаты	Носовые сонанты и глайды (неслоговые)	Плавные сонанты (неслоговые)	Гласные и слоговые сонанты
	S	T	N	R	A
1	2	3	4	5	6
ВЕС	1	2	3	4	5
1	С-З	П-Б	М	Р	А
2	Ш-Ж	Т-Д	Н	Л	О
3	Х	К-Г	В*		Е
4	Щ	Ц	Й*		Ы
5	Ф-В*	Ч			У*
6	Й*				И*

О к о н ч а н и е т а б л . 9

1	2	3	4	5	6
7					Ъ**
8					Ь**
9					слоговые аллофоны сонантов N-R

* После S или T – в инициали и после вокала – в финали глайды /Й/ и /В/ ведут себя, как сонанты класса N (не озвончая глухих звуков и не оглушая звонких) и имеют вес 3. В остальных случаях они ведут себя, как шумные щелевые согласные класса S (/В/ даже «завербовал» себе греческий глухой аллофон /Ф/, чтобы походить на нормальный звонкий согласный) и имеют вес 1²⁴. /В/ делает всё, чтобы его приняли за шумный согласный, воспроизводя корреляции по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости, но настоящие согласные классов S и T упорно не желают видеть в нём согласный, видя в нём сонант. /У/ является слоговым аллофоном /В-Ф/, а /И/ – слоговым аллофоном /Й/.

** {Ъ} и {Ь} обозначают особые фонемы русского языка: О-беглое и Е-беглое. Нулевые аллофоны этих фонем обладают тем же весом, что и ненулевые.

Легко заметить, что мы, вслед за Г. А. Хабургаевым, фактически принимаем шкалу сонорности О. Есперсена с одной поправкой: меняя местами смычные и щелевые.

Сформулируем постулаты нашей теории.

1. Теория русского слога описывает и объясняет только исконную лексику. (В заимствованных словах слоги строятся по законам языка-источника.)

2. Слог – единица речи, следовательно, складывается он из *фонов*.

3. *Фоны* представляют *фонемы*, от чего абстрагироваться нельзя, поскольку фонемы могут реализовываться в виде позиционно обусловленного нуля звука.

4. Начальные-неначальные и конечные-неконечные слоги русского языка имеют одинаковую структуру и описываются единой системой правил.

5. Место ударения не влияет на слоговоеделение.

²⁴ Ср. свидетельство В. В. Шеворошкина: «в русском языке [в] в сильной позиции является сонантом, а [в] в слабой позиции представляет собой спира́нт <...> определяющим для отнесения звука в подкласс сонантов или спира́нтов является отсутствие или наличие ассимиляции этого звука с соседними шумными по глухости/звонкости» [Шеворошкин 1973:164].

6. Нуль звука должен входить в инвентарь аллофонов русского языка.

7. Чаще всего нулевым аллофоном бывают представлены фонемы {Ъ} и {Ь}, реализуемые в виде чередования О||Ю или Е||Ю, соответственно.

8. Нулевой аллофон вокала так же полноценно выполняет слогообразующие функции вокала, как и безударный ненулевой.

9. Вес вокала или слогообразующего аллофона сонанта равен 5.

10. Русский слог строится по закону восходяще-нисходящей звучности и состоит из подъёма и спуска и в идеальной максимальной версии имеет 4-членную инициаль, построенную по восходящей звучности (например, *осуце-СТВ.Лял*), и 2-членную финаль, построенную по нисходящей звучности – в фонетическом слоге и 1-членную финаль – в фонемическом слоге (*в^ерх*, *з^орб*). Медиаль может быть как вокалом, так и слоговым аллофоном сонанта. Разумеется, слог может состоять и из одного звука: */a(!/?)/*, */o!/, /y(!)/*, */u(!)/*, */э!/,*

11. При слогоразделе целесообразно следовать принципу разумной достаточности и прибегать к введению ненаблюдаемых сущностей исключительно при необходимости.

Глава 4

ПРИНЦИПЫ РУССКОГО СЛОГОДЕЛЕНИЯ

В соответствии с волновой теорией слоговоеделение в русском языке определяется следующими принципами.

Принцип одновершинности слога (ПрОВ) означает не допустимость в слоге двух вершин или плато звучности, а допустимость восходящей инициали (эксплозии) и нисходящей финали (имплозии). Основан он на элементарном, принимаемом всеми принципе: сколько вершин (а значит, и волн) звучности, столько слогов. Кроме того, он полностью соответствует зрительному образу волны: подъём – пик – спад. Плато звучности указывает на границу слогов.

Принцип приоритета восходящей звучности (ПриВоЗ) означает: если в соответствии с принципом одновершинности звук может быть отнесён как к нисходящей части предшествующего, так и к восходящей части последующего слога, он относится к восходящей части последующего слога.

По существу, принцип приоритета восходящей звучности выводится из того, с чем все согласны: «в сочетании ...ГСГ... согласный относится ко второму слогу» [Панов 1995:29]. Деление ГС-Г означает приоритет нисходящей звучности, а деление Г-СГ – приоритет восходящей звучности. Приоритет восходящей звучности подтверждается и типологически: «...универсальным нейтральным слогом необходимо признать слог структуры CV. Слоги этого типа наиболее частотны в любом языке» [Кодзасов 2001:459]. К этому можно добавить весьма продуктивное понятие группофонемы (сочетания СГ), предложенное В. К. Журавлёвым и продемонстрировавшее большую объяснительную силу [Журавлёв 2005; 2007].

А теперь поясним, как работает слогораздел в нашей версии. В качестве примера возьмём слово *сестра*. Как справедливо пишет Л. Л. Касаткин, «слогораздел в этом слове один: [с'и-стра]» [Касаткин 2001:52]. Вопрос: почему? Для Л. Л. Касаткина и М. В. Панова – потому что между Е и С максимальный перепад звучности (рис. 2).

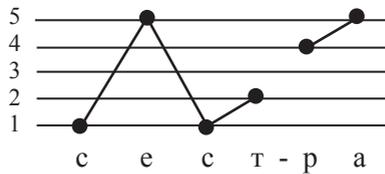

Рис. 2

Для нас перенос *сест-ра* невозможен, потому что при таком переносе нарушается ПрОс (принцип одновершинности слога): в первом слоге оказывается две вершины звучности: Е и Т.

Рассмотрим перенос *сес-тра* (рис. 3).

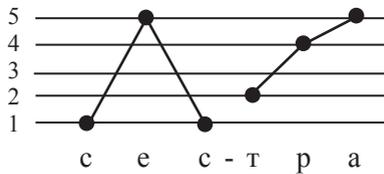

Рис. 3

Он тоже невозможен, потому что нарушается принцип приоритета восходящей звучности: С может относиться к нисходящей части предшествующего слога или к восходящей части последующего. В соответствии с принципом приоритета восходящей звучности С должен принадлежать последующему слогу, а отнесён к предшествующему.

И, наконец, в членении *се-стра* (рис. 4):

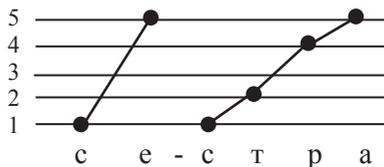

Рис. 4

– соблюдены оба принципа слогаделения.

Аргументы об отсутствии слогов русском в русском языке, приводимые С. В. Кодзасовым, таковы: «Обычно говорят, что речь распадается на слоги. За этим скрывается интуиция носителя языка, свя-

званная с его способностью при скандировании разбивать слова на кусочки, каждый из которых содержит гласный или вокализованный (произносимый с гласным призвуком) сонорный: *тро-пин-ка*, *Пе-т^р*. Однако в русском языке при скандировании многих слов членение произвольно: *о-стрый/ос-трый/ост-рый*; *мо-ско-вский/мос-ков-ский/мос-ковс-кий* и т. п. В то же время во многих языках слоговоеделение всех слов совершенно однозначно» [Кодзасов 2001:453–454].

Отметим, что произвольность скандирования слов людьми и неоднозначность слоговоеделения в языке – не одно и то же: «С помощью пауз слово *сестра* можно разбить действительно тремя разными способами. Но это не слоговоеделение. В обычной речи мы никаких пауз между слогами не делаем. Где проходит слогораздел, когда мы слово *сестра* произносим обычно, естественно, без пауз? Сразу в трех местах: *се|с|т|ра?* Нет, это невозможно. Тогда бы получилось четыре слога, а не два. <...> Итак: ...изучать слоговоеделение, обращаясь к грамотным людям, нельзя: они будут сообщать нам свои знания правил переноса, а не то, что мы хотим узнать» [Панов 1979:70–71]. Отметим, что тем самым М. В. Панов критикует и теорию Р. И. Аванесова, основанную на анализе результатов скандирования²⁵.

Как же выглядит членение слов *острый* и *московский* в соответствии с предлагаемой версией волновой теории?

«Совершенно однозначно» (рис. 5).

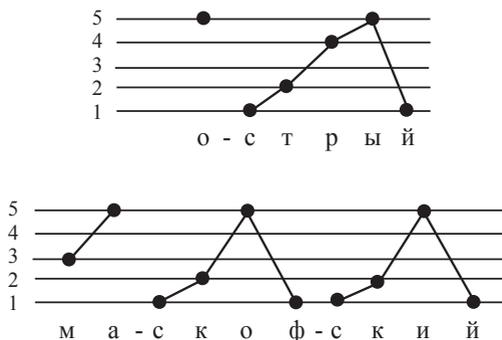

Рис. 5

²⁵ «Материал настоящей статьи добыт при помощи непосредственных наблюдений над своим и чужим произношением, а также при помощи эксперимента, заключающегося в своеобразном скандировании – в *раздельном, с паузами между слогами, произношении* (выделено мной. – А. К.) по ритму, заданному наблюдаемому лицу наблюдателем (например, при помощи метронома или ритмического хлопания в ладоши)» [Аванесов 1954:88–89].

Членение *ос-трый* (51-2451) будет нарушением приоритета восходящей звучности, а членение *ост-рый* (512-451) – нарушением принципа одновершинности слога.

Членение *мо-ско-вский* = [ма-ско́-фск'ий] (35-125-11251) неверно, ибо в нём в «слоге» *-фский* нарушен принцип одновершинности: имеется плато звучности *-фс-*. Как уже отмечалось, плато звучности всегда является сигналом границы между слогами. Вариант *мос-ковский* (351-251-1251) неприемлем из-за нарушения приоритета восходящей звучности в слоге *мос-*: по принципу приоритета восходящей звучности /с/ должен относиться к восходящей части последующего слога. Этот же принцип нарушен в первом слоге при переносе *мос-ковс-кий* (351-251-251), а во втором слоге нарушен принцип одновершинности: имеется плато звучности *-фс-*.

Рассмотрим «настоящие трудности» сонорной теории слога в понимании М. В. Панова: *ветвь, ветх, букв*, – в которых якобы «последние сочетания глухих согласных создают слог». «Теория здесь даёт осечку» [Панов 1995:30].

«С точки зрения теории слога как волны сонорности это необъяснимо» только при приписывании фрикативным большей звучности, чем у смычных.

С точки зрения предлагаемой версии волновой теории проблем нет: *ветвь* имеет звучность 1521, *ветх* – 1521, *букв* – 2521. Везде нормальная волна звучности и никакой необходимости во втором слоге. Об этом же свидетельствуют и поэты во главе с Б. Л. Пастернаком:

Ты в ветре, веткой пробуящем,
 Не время ль птицам **петь**,
 Намокшая воробышком
 Сиреневая **ветвь!**
 (Б. Л. Пастернак. Ты в ветре, веткой пробуящем...1917–1919)

Их – что туч.
 Все черно.
 Говорят о конце обороны.
 Обыватель устал.
 Неминуемо будет **праветь**.
 «Мин и Риман», –
 Гремят
 На заре
 Переметы перрона,

И Семеновский полк
Переводят на Брестскую **ветвь**.
(*Б. Л. Пастернак. Москва в декабре (Девятьсот пятый год, 7). 1925–1926*)

Губами жевать красную **ветвь**
Губ. Глазами синевы дерн
Глаз. Из сапога ночи выдернул
Рассвет
Желтую ногу
И опустил в утренних облаков гуд.
(*А. Б. Мариенгоф. Руки галстуком. 1919*)

Благодарю за слепоту.
Любви игольчатая **ветвь**
Ты выхлестнула голубые яблоки.
Сладка мне темь закрытых зябко **век**,
Незрячие глаза легки.
Я за тобой иду.
(*А. Б. Мариенгоф. Тучелет. 1920*)

Остались – монументов **медь**,
Парадов замогильный топот.
Грозой обломанная **ветвь**,
Испепеленная Европа!
Поникла гроздь, и в соке – **смерть**.
(*И. Г. Эренбург. Остались – монументов медь... 1922*)

Это золото встало по бредню
На убаве неметь и **робеть**,
Перед дующим поверху сретеньем
Кольхатъ облегченную **ветвь**.
(*Г. Н. Петников. Осенний офорт. 1916–1919*)

Куда мне за вами **лететь**
Средь облачных гряд?
Засохшую, черную **ветвь**
Огнем поपालят.
(*Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Куда мне за вами лететь... (Последние дни, 8). 1916*)

Мутишь ты сердце. Без черта, без бога
Пьяных волос эта **ветвь**...
Луг этот сонный, гуси, дорога...
Поезду – мимо **лететь**.
(*Н. Н. Зарудин. В поезде. 1925*)

не то загадка, не то участь
окна, прошедшего сквозь **ветвь**,
и там, где низ коснулся слуха,
уже времен коснулся **верх**.
(В. В. Казаков. *среди ночного разговора... 1981–1982*)

И там они хранили темный норов
Среди болотниц, лешаков и **ведьм** –
Неведомо когда степных угоров
До моря дотянувшаяся **ветвь**.
(Д. Самойлов. *Эстимаа. 1978*)

А нам с тобою не **зеленеть**,
Не голубеть и не розоветь.
Мы не гора, не море, не **ветвь**.
Мы люди – и мы седем.
(К. М. Симонов. *Снова сбросила холод седой земля... 1962*)

О звери серые, не опуская **век**,
смотрите в ночь, где красные трамваи,
визжа, визжа вдоль улицы съезжают,
и темный сад свою подьмлет **ветвь**.
(Л. Л. Аронзон. *Возвращение. 1961*)

Из окон, сквозь пол, со стен
Льется и крушится голос сирен.
Голос, как в ветре согнутая **ветвь**.
Голос, пронзительнее, чем **смерть**,
(В. М. Лебедев. *Ночной полет. 1944*)

...а бедные книги твои,
без земли, без тропы, без канав, без порога,
опадут в пустоте, где ты вырастил **ветвь**,
как базарный факир, то есть не без подлога,
и недолго ей в дымчатом воздухе **цвель**.
(В. В. Набоков. *Слава. 1942*)

Слышь:
Где-то хрустко
Мнет **ветвь**
Иль куница,
Иль **медведь**,
Или рысь.
(В. В. Каменский. *Ночь лесная. 1939*)

(Так в безветрии

Смеют озера

Шуметь

О морях, кочевавших

Пустыней когда-то.

Так, задев мимоходом

Намокшую **ветвь**,

Лисье, рыжее солнце

Уходит в закаты.)

(П. Н. Васильев. *Мугол (Соляной бунт, 12). 1932–1933*)

На темный зов в **ответ**

Прильнула детской головой

К плечу больная **ветвь**.

(В. П. Катаев. *Цветок магнолии. 1931*)

керосиновая **ветвь**

озаряет полумрак

ты чудесник мне **ответь**

сон ли это?

(А. И. Введенский. *человек весёлый Франц... 1929–1930*)

Горемычно

одному в лесу,

тьма ведет

суконкой по лицу:

хоть и вспомнишь

после –

это **ветвь**,

на минуту

сердцу –

помертветь.

(Н. Н. Асеев. *Партизаны (Семен Проскаков, 4). 1927–1928*)

И наконец:

Заботой тайною хранима

Перед иконой золотой

Стоишь ты, **ветвь** Ерусалима,

Святыни верный часовой!

(М. Ю. Лермонтов. *Ветка Палестины. 1837*)²⁶

²⁶ Примеры взяты из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru).

М. В. Панов нашёл у Б. Л. Пастернака единственный пример на два с половиной века русской поэзии (точнее – на 160 вхождений из 10 904 313 слов всего поэтического подкорпуса) и из этого сделал проблему для теории слога. Приведённые примеры (а неприведённых ещё больше) убедительно свидетельствуют об односложности слова *ветвь*.

Если же рассмотреть уникальный пример М. В. Панова, то и здесь для волновой теории слога нет никакой проблемы.

Слово *ветви* свидетельствует, что после Т идёт фонема {В}, которая в позиции после Т ведёт себя как сонант Р-Л-М-Н, способный развивать слоговость в конце слова. В приведённом М. В. Пановым примере: ||в'э-т^вф'| || есть противоречие: {В} образует слог, как сонант, а оглушается в конце слова в /Ф/, как консонант. И это в одно и то же время! Разумеется, такие коллизии не могут быть нормой, но для теории слога деления тут никакой проблемы нет: ||в'э-т^вф'| || = 15-25, ||б'у-к^вф'| || = 25-25. Да, два слога. Но теория это прекрасно объясняет.

Объём всего поэтического подкорпуса НКРЯ составляет 10 904 313 слов. Для словоформы *букв* найдено 117 вхождений.

И тогда вы узнаете свой же томительный почерк,
И увидите, как возникает обрубок из **букв**, –
Да, все так и случится, как я на беду напрозорил:
Две души, два испуга – ни ног у проклятых, ни **рук**...
(В. Блаженный. *Арсению Тарковскому*. 1980)

Из хаоса неверных **букв**,
Сложившихся в слова неясные –
В края, где в основаньи всех **наук**
Нагие числа, чистые, прекрасные.
(Б. А. Слуцкий. *Счетные работники*. 1952–1956)

У любви простое имя: Вронский.
Восемь кованных, спокойных **букв**.

Вдоль седых проспектов топот конский,
Вдоль сановных зал холодный **стук**
Каблуков и сабель...
(М. Вега. *Петербургское*. 1955)

Такие звуки есть **вокруг**,
Иными стать их не заставишь,
Не выразишь посредством **букв**,
Не передашь посредством клавиш.
(Л. Н. Мартынов. *Такие звуки есть вокруг...* 1950)

Как ствол до гибели доносит
Болячки закорузлых **букв**,
Так и во мне пустоголосит
Насечек чуждых давний **звук**.
(Г. Н. Оболдуев. *Насечки*. 1947)

На коже слюдяной писал он: ... в чаше **букв**
Шел человек. Про жизнь шумел корявый **бук**
(В. В. Державин. *Первоначальное накопление*. 1934)

Пишем мы,
что день был золот,
у ночей
звезда во **лбу**.
Им же
кожу лишь мозолят
тысячи
красивых **букв**.
(В. В. Маяковский. *Товарищу машинистке*. 1927)

Нос, твердозначен
Лоб, буква **букв** –
Ять, ять без сдачи
В подписи **губ**.
(М. И. Цветаева. *С моря*. 1926)

Будет нарисовано
золотом **букв**:
«ДОКТОР КИРСАНОВ,
прием до **двух**».
(С. И. Кирсанов. *Моя автобиография*. 1925)

Девичий трепет рифмы страстной
стремится в плен созвучных **букв**,
как стан, покорствующий властным
среди завистливых **подруг**.
(В. И. Преловский. *В дремотной тьме стакана «Мокко»...*
1922.04.23)

Я чую след в почтовом знаке,
 Среди чащ и дат, в наклоне **букв**:
 Нюх увязавшейся собаки
 Не потеряет смуглых **рук**.
 (И. Г. Эренбург. *Со временем – единоборство...* 1922)

От черного зора и красных кос
 В глазах твоих – темный **круг**.
 И целое дерево райских роз
 Цветет меж библейских **букв**.
 (М. И. Цветаева. *Аймек-гуарузим – долина роз...* 1917.09.18)

Имя твое – птица в руке,
 Имя твое – льдинка на языке,
 Одно единственное движенье **губ**,
 Имя твое – пять **букв**.
 (М. И. Цветаева. *Имя твое – птица в руке...*
 (Стихи к Блоку, 1). 1916.04.15)

Грозди заката на стеклах пенсне
 Судьба клылата по моей вине
 На синем небе пожары **букв**
 Найдите где бы не было **рук в**
 Марающей пене будней коней
 Я был Сиене где небо синей.
 (Д. Д. Бурлюк. *Театральная площадь*. 1914)

Ни конца нет, ни покою с той поры для страстных **мук**:
 Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из **букв**.
 (В. Я. Брюсов. *Грущу с яблоней в саду я деревьями посадил...*
 (Из латинской антологии, 2). 1911)

И тут нашёлся один пример на двусложное произношение:

Под этой бурей дело ваших **вну-ков**.
 Вам памятник создаст несокрушимый.
 Не золото стирающихся **бу-к^в**.
 Предаст святые ваши имена.
 Далекому потомству – песнь народа
 Свободного; а песнь не умирает!
 (М. Л. Михайлов. *Пятеро*. 1861–1862)
 (Разбиение на слоги и выделение рифм мои. – А. К.)

Теперь посмотрим, что со словом *ветх*. Объем всего поэтического подкорпуса в НКРЯ –10 904 313 слов. Найдено 9 документов, 9 вхождений – все свидетельствуют об односложности слова *ветх*.

Один из примеров содержит рифму:
 Мир становится сух, прозрачен и **ветх**.
 Он уже осыпается весь
 (Начиная со звезд). Недолгий **век**
 У вселенной, у нас, у всех.
 Скоро – мгла, это грустная вещь.
 (И. В. Чиннов. *Уже огороды не стоит стеречь... 1972*)

А ещё один пример свидетельствует о двусложности:

– Ох и **ветох** был, однако, –
 Кто-то говорит.
 «Ох, и брешь ты, собака», –
 Думает старик.
 (А. Т. Твардовский. *Как Данила помирал. 1937*)

Итак, почти на 11 млн словоупотреблений мы нашли по одному случаю подтверждения двусложности 3 указанных М. П. Пановым в качестве необъяснимых для сонорной теории слов. При этом двусложность относится к односложности следующим образом: ветвь – 1:159, 1:116, 1:9.

Составляют ли случаи *бу-кв* и *ве-тох* неразрешимую проблему для волновой теории? Нет: *бу-к^в* = 25-25, *ве-тох* = ||в'э'-т^х||, = 15-251. При этом X не развивает никакой слоговости. Между T и X вокалическая (а следовательно – слогаобразующая) эпентеза /Ь/, вызванная потребностью размера в дополнительном слоге – *аналти́ксис*.

Такое бывает при освоении чужих слов: ср. греч. Αίγυπτος, в котором между смычными нет гласного и русск. *E|zu|nem*, в котором П и Т разделены беглым гласным {Ь}: *E|zu|ma*. В просторечии же соседство смычных даже на границах слогов стремится к устранению:

Мишка тут же впал в экстаз –
 После литры **выпитой** –
 И говорит: «Они же нас
 Выгнали с **Египета!**»
 (В. Высоцкий. *Мишка Шифман*)

Все рассуждения М. В. Панова о способности шумных развивать слоговость имеют под собой весьма слабую фактологическую базу, а обсуждаемые примеры (кстати говоря, извлечённые из самой что ни на есть отдалённой периферии речевых явлений: их частотность – 0,09 на миллион) могут быть объяснены проще и естественнее.

«Вторая трудность» волновой теории, как справедливо отмечает М. В. Панов, «такая: по этой теории слогораздел проходит в месте наибольшего сонорного контраста звуков» [Панов 1995:30], что приводит к членению *о-бсто-я-тель-ство*, *ра-бских*, выделению сочетаний-монстров [пст], [пск], которые «отходят к следующему слову [sic!]²⁷ [Панов 1995:31]. Казалось бы, если принцип наибольшего контраста приводит к трудностям, от него следует отказаться. Однако М. В. Панов заявляет следующее: «В русском языке нет фактов, которые противоречили бы такому решению» [Панов 1995:31]. Тут, видимо, предварительно следует договориться о терминологии: что считать *фактом* в русском языке. Если отсутствие в русском языке слов, начинающихся на *ПСТ*, не факт; если единственное (не считая суффиксальных производных) русское слово, начинающееся на *ПСК* – *Псков*, являющееся трансформацией др.-русс. *Пльсковъ*, позднее (1389 год) – *Пъсковъ*, при народном *Опсков* [Фасмер 2004, 3:397] – не факт, то, действительно, остаётся лишь развести руками.

Сохранение *П* перед *С* возможно только благодаря «охранительной» работе нулевого варианта редуцированного, незаметно делающего своё дело. Наша трактовка слова *Псков* такова: ||пъ-скоф|| = 25-1251. Как видим, если бы редуцированный вправду утратился, шансов на сохранение у кластера *ПСК* не было бы.

Слова же *обстоятельство* и *рабских* никаких проблем для волновой теории не представляют: *об-сто-йа-тель-ство* = 52-125-15-254-1235, *раб-ских* = 452-1251. В итоге получаем инициалы *СК* и *СТ*, широко представленные в русском языке: *скок*, *скор*, *скарб*, *скорбь*, *стой*, *сто*, *стал*, *стыл*.

Вряд ли оправданно то большое внимание, которое М. В. Панов в своей статье уделяет несуществующим в русском языке словам: *отк*, *окт*, *отк*, *осх*, *охс*, *оих* и *охи*. Единственное существующее слово – *опт* (**Опт** -а *оптовый*, *оптовый*, *оптом* 1) купля и продажа товаров

²⁷ Разумеется, тут опечатка: не к *слову*, а к *слогу*. К сожалению, ни редакторы – Е. А. Земская и С. М. Кузьмина, ни создатель оригинал-макета А. Шипунова не воспользовались возможностью исправить эту опечатку при издании двухтомника трудов М. В. Панова [Панов 2004:414].

большими количествами, партиями; 2) товар, продаваемый в таких количествах [БТС-2010]) имеет более древнее альтернативное написание: *обть*²⁸. Членение этого слова таково: ||*оп-ть*|| = 51-15. Не будь конечного редуцированного, согласному *Т* в конце слова не уцелеть бы.

Совершенно не понятно, почему «оказывается», что «наряду с делением на слоги *мор-жи* **возможно** и деление *мо-ржи, ко-ржик, со-ве-рши*. Возникают слоги типа *-ржи, -рши*, которые являются не волной сонорности, а впадиной сонорности: 324, 314» [Панов 1995:41]. Казалось бы, всё просто: если получается «впадина сонорности», то «оказывается», что членить *мо-ржи, ко-ржик, со-ве-рши* не «возможно». У нас выходит именно так: *мор-жи* (354-15), *кор-жик* (204-152), *со-вер-ши* (15-154-15).

Начинает это рассуждение М. В. Панов словами: «Противоречит теории сонорности такой факт» [Панов 1995:41]. Теперь мы получили ответ на вопрос, что является *фактом* для М. В. Панова. Такой «факт», воистину, «упрямая вещь».

В словах *льды, ржи, льстец, льцу, рты* М. В. Панов видит краткий гласный ^ь, который мы считаем вокалическим пазвуком (призвук) слогового сонанта – способом реализации слоговым сонантом его слоговости.

Соответственно, весь последующий ход рассуждений меняется, и мы членим *ль-ды* (*лѣд*), *рѣ-жи* (*рож*), *ль-стец* (*лесть*), *ль-цу*, *рѣ-ты* (*рот*) – без «впадин сонорности». Следовательно, нет никаких оснований для членения *мо-ржи*. Единственно возможное членение этого слова – *мор-жи* (354-15).

Рассмотрим трудности теории волны сонорности, на которые указывает С. В. Кодзасов: «В современном русском языке имеется много случаев нарушения принципа восходяще-нисходящей звучности слога: *льстивый, мзда, рубль, соблазн, монстр*» [Кодзасов 2001:458]. *Монстр* и *адъюнкство* (наше членение /ад-йунк-тъ-ство/) исключаем сразу, как заимствования (терпимость русского языка к нарушению его фонетических законов может составить предмет отдельного исследования), хотя в *монстре*-то ничего не нарушается: *мон-стръ*

²⁸ Кстати, «Большой академический словарь русского языка» в качестве наиболее ранней словарной фиксации указывает словарь В. И. Даля, тогда как «Словарь русского языка XVIII века» не только фиксирует это слово, но и даёт ссылку на первое издание «Словаря Академии Российской». Прискорбно, что авторы «Большого академического словаря» не учитывают наработки коллег, издающих «Словарь русского языка XVIII века».

(353-1245 при Р-неслоговом) и *мон-ст^ър* (343-125 при Р-слоговом). Оба варианта находятся в отношении свободного варьирования. Аналогично – *со-бла-знь* (15-245-135) с Н-неслововым. Слово *рубль* рассмотрено выше. Признай С. В. Кодзасов существование редуцированных в современном русском языке, многие вопросы отпали бы. В слове *ль-сти-вый* (45-125-151) ничего не нарушается (ср. *лесть*). Аналогично – в слове *мь-зда* (35-125), ср. *возмездие*.

Слова *мрак* (3452), *нрав* (3451), *корм* (2543), *челн* (2543) никаких вопросов не вызывают.

Интереснее слова *займ* = [1513], *льну*[л'ну] = 435, *лью* [л'йу] = 415.

Слово *займ* следует сравнить с его более кодифицированным вариантом *заём* [за-йом], свидетельствующим о наличии {Б} между Й и М. Только в безударной позиции Б реализуется нулевым аллофоном, а в ударной – /ʔ/. Следовательно, *за-йём* членится 15-153.

Форму *льну*²⁹ следует сравнить с (*при*)*липать*: в форме *льну* нулевыми аллофонами представлены сразу две фонемы: {Б} и {П}. Информативно обращение к церковнославянской форме: **Прильпе** язык к гортани моей (Библия. Ветхий Завет, Псалтырь, гл. 21, ст. 16). Ср. русский перевод стиха: «Сила моя иссохла, как черепок; язык мой **прильпнул** к гортани моей» [Серов 2005]. Ср. также: «ЯЗЫК ПРИЛИП К ГОРТАНИ – у кого, чей. Неожиданно для себя замолчать, не суметь произнести ни слова. Имеется в виду, что лицо (X) утратило способность говорить вследствие сильного волнения, удивления, страха и т. п. Говорится с неодобрением, неформ.» [Фразеологический словарь русского языка]. Ещё пример: **Прильпе** земли душа моя, живи мя по словеси Твоему (Библия. Ветхий Завет. Псалтырь, гл. 118, ст. 25).

Следовательно, форма *льну* членится *ль-(н)ну* = 45-(2)35 и нарушения принципа восходяще-нисходящей, т. е. волновой звучности не содержит.

Перейдём к форме *лью* [л'йу]. Формы прошедшего времени *лил*, повелительного наклонения *лей* и ц.-слав. *ляти* (ср. *излияние*, *возлияние*) свидетельствуют о наличии беглого гласного между Л и Й. Об этом же свидетельствует и мягкость [л'] в соседстве с Й. Не отделяя гласный Л от Й, мы бы имели не [Л'Й], а [Л']. Какой же это гласный? Либо нулевой аллофон {Б}, либо {И}, в соседстве с Й закономерно

²⁹ Ср. ЛЬНУТЬ – «приставать, **прилипать** к чему-л. (о предметах)» [БТС-2010].

реализующийся в виде [Й] (это правило действует в исконных словах и не действует в церковнославянизмах).

Следовательно, *лью* членится как [л^и-йу] = 45-15.

Слово *бед-ствен-ный* проблем в членении не вызывает: 252-12353-351.

Слово *му-д^р-ство-вать* = 35-25-1235-152 также членится без особых проблем. Корень *му-д^р-* двусложен, о чём свидетельствуют примеры из НКРЯ и народных сказок: *На пятый год травой тимофеевкой засеяли всю долину, чтобы кислоту всю в почве истребить. – Мудёр мужик, – говорили гожевцы на Жмыха. – Всю Гожевку на корм теперь поставил.* [А. П. Платонов. Луговые мастера. 1928]; *До-прежь того, вот что я тебе скажу, матушка: барин у нас **мудёр** был.* [А. И. Эртель. Записки Степняка. 1883]; *Соломон и говорит: «Что же ты, господи, всех выводил из аду, а меня одного покидаешь?» Господь сказал: «Ты сам **хитёр-мудёр**, дак выходи на свои мудрости!»* [Афанасьев. 1984–1985].

Глава 5

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО СЛОГА

Рассмотрим принципиально важный вопрос о соотношении границ слога и морфемы.

С грамматической точки зрения русский слог является одним из пограничных сигналов: границы слога и морфемы совпадают только на границах слов. Внутри слова границы морфем и слогов принципиально не совпадают³⁰.

Ценные наблюдения в этом отношении сделаны проф. А. Л. Шарандиным: «...флективная морфема, как правило, не представлена самостоятельным слогом, ср.: *сто-ла, сто-лом, зо-ло-той*, и т. п., – тогда как префиксальная морфема стремится к самостоятельности в слоговом делении: ... *под-бить* и т. п.» [Шарандин 2006:179]. К примерам слогоморфемности приставки можно добавить ещё *по-обедать, на-орать, вы-учить, за-слать, у-мыть, во-брать, про-бить, при-быть, о-стыть, со-звать* и др. Ср. также наблюдение Н. С. Трубецкого: «Русские предлоги обладают в точности такими же фонологическими

³⁰ Ср. вывод Л. В. Бондарко, в котором соседствуют верное и ошибочное утверждения: «...между членением речи на произносительные единицы (слоги) и на смысловые единицы (морфемы, слова, фразы) нет совпадения, скорее даже существует противоречие» [Бондарко 1977:139]. Верно это утверждение относительно *морфем*, и ошибочно относительно *слов* и *фраз*. Частично верно применительно к русскому языку и утверждение Ю. С. Степанова: «**Реализация слога**, будучи либо свободной, либо связанной смысловым членением речи, **сигнализирует** тем самым **границу** корня, аффикса, **слова**, группы слов и т. д.» (верная часть выделена. – А. К.) [Степанов 1975:92]. Смутное предположение функции слогораздела при желании можно вычитать и у Р. И. Аванесова: «Место слогораздела в некоторых случаях определяется наличием или отсутствием морфологического стыка, а при наличии такого стыка – его характером (стык предлога и следующего слова, приставки и корня, корня и суффикса)» [Аванесов 1954:88].

признаками, что и префиксы» [Трубецкой 1987:76]. Это означает, что приставочный стык до сих пор ведёт себя, как граница между словами, и приставки³¹, как свидетельствует сам язык, до сих пор не стали полноценной частью слова, в значительной степени сохранив свою фонетическую и семантическую автономность.

Рассмотрим пример:

ПЕ|РЕ-О-С-ВИ|Д-Е-ТЕЛЬ-Ь|СК³²-ТВ-О|ВА-Н-И|(Й)-Е.

Символ «-» обозначает границы морфем, символ «|» – границы слога.

Сочетание символов «|-» указывает на совпадение границ морфемы и слога. Эти случаи выделены серым. Как видим, для двух приставок из трёх (*пере-* и *о-*) границы морфемы и слога совпадают. Для приставки *с-* это уже не так. Два следующих исключения связаны с архаичным (ещё праиндоевропейским) суффиксом *-тель*, который сохранился практически неизменным благодаря позиции перед гласным глагольной основы. Суффикс *-тв* и суффикс страдательного причастия прош. вр. *-н* (ср. *пожалова(ть) – пожалова-н*) также архаичны (на это указывает их консонантное начало: как установили лингвисты Казанской школы во главе с И. А. Бодуэном де Куртенэ, в праславянскую эпоху тематические гласные имён отошли флексиям или последующим суффиксам и праславянские суффиксы получили вокальное начало³³). При сочетании суффиксов *-ьск* и *-тв* внутри слога возникло плато звучности /*кт*/, которое и было устранено: /*сктво*/ = 12335 → /*ство*/ = 1235. При этом в позиции перед смычным фонема {*К*} закономерно (по закону восходящей звучности слога, продолжающего действовать на суффиксальном стыке наряду с законом слогового сингармонизма [Кретов 1998; Кретов 1999]) реализуется нулём звука, ср.: *свидетельск(ий)* > *свидетельск+тв(о)* > *свидетельств(о)*.

Этот случай даёт повод к теоретическому отступлению. Рассматривая отношения синтагматики-парадигматики, Г. П. Мельников

³¹За исключением древнейших: *су-* в *сугроб*, *сумрак*, *супесь*; *ку-/кн* в *кудри*; *кнороз*; *он-/вн* в *онучи*, *внимать*; ср. их предложные формы: *с(ъ) н-им*, *к(ъ) н-ему*, *в(ъ) н-ём*. Ср.: [Гамкрелидзе 1984, I:365].

³²Зачёркиванием обозначается «непроизносимый звук» – фонема, реализуемая нулём звука.

³³Об этом см.: [Бодуэн 1963, II:19–29]; *Богородицкий В. А.* «О морфологической абсорбции» и «Этиод по психологии речи» (Русский Филологический Вестник. 1881. Т. VI; 1882. Т. VIII); *Аппель К. Ю.* (Там же. Т. VI. С. 93–142); *Крушевский Н. В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Наследие, 1999.

подчёркивал: «при системном изучении объекта, например, языка, мы должны не просто иметь в виду, что парадигматика зависит от синтагматики, а синтагматика от парадигматики, но также учитывать, что в ходе становления системы, ее развития протекает ещё и процесс взаимосогласования синтагматических параметров элементов системы с парадигматическими... <...> Однако поскольку синтагматические и парадигматические характеристики системы способны изменяться и, следовательно, идти «на взаимные уступки», то возникает вопрос: а при каком соотношении этих характеристик нащупывается точка такого оптимума? И вот тут-то, для ответа на этот вопрос, мы уже не можем обойтись диадой категорий “синтагматика-парадигматика”. Оптимальное равновесное состояние между синтагматикой и парадигматикой наступает тогда, когда она как целое, как элемент надсистемы, приобретает такие свойства, такие потенции к взаимодействиям с другими системами надсистемы, которые делают ее способной приобрести ту синтагматическую значимость в сети этих взаимодействий, какая соответствует запросам надсистемы, т. е. приближается к функции, выполняя которую система содействует повышению уровня устойчивости надсистемы. Таким образом, мы снова имеем дело с триадой категорий: парадигматика, функция, синтагматика, – которая ещё с одной стороны освещает процесс становления, развития и функционирования системы в надсистеме» [Мельников 2003:81–82]. Принципиально важны следующие положения системной лингвистики: «в триаде “парадигматика-функция-синтагматика” *парадигматика* соотносится с категорией *материи*... *функция* системы соотносима с категорией *формы* как того внешнего устойчивого фактора, который способствует процессу внутренних перестроек в материале, и... *синтагматика*, т. е. сложившаяся сеть взаимосвязей и взаимодействий между элементами материала в процессе адаптации системы под воздействием функциональных запросов надсистемы, т. е. *содержание* процесса перестройки, поскольку синтагматическая структура оказалась конечной *формой* системы, *воплощенной* в подвергшуюся “перестройке” материи» [Мельников 2003:83].

Логика Г. П. Мельникова «от парадигматики к синтагматике» онтологична – это логика становления объекта от причины к следствию. Наша же логика «от синтагматики к парадигматике» гносеологична. Она идёт от наблюдаемого следствия к ненаблюдаемой причине.

Главное в приведенном рассуждении – роль функции, задаваемой надсистемой, в оформлении материи и превращении её в содержание.

Преобразование *свидетельск+тв(о) > свидетельство(о)* как раз и демонстрирует *взаимосогласование* соседних морфем и превращение последовательности *сктво* (12235) в последовательность *тв(о)* (1235) под действием закона восходящей звучности слога, обеспечивающего несовпадение границ морфем и слогов внутри слова и обслуживающих тем самым интересы морфонологической (а значит, и синтаксической³⁴) надсистемы. Функция слога в русском языке – цементировать морфемы в слово и маркировать его внешние границы – определяет его синтагматику. Из этого следует, что при сомнениях в слоговом членении слова и выборе предпочтительного варианта следует исходить из функции слога, принимая решение, при котором совпадение границ слога и морфемы будет иметь место на границах слова.

Выше мы отнесли к суффиксу *-тель*, поскольку мягкость /л'/ является принадлежностью основы: *свидетель(а), свидетель(ам), свидетель(ах)*. Но {B} является одновременно и принадлежностью суффикса *-ьск(ий)*: ср. *бог > бог-ьск(кий) > бо|же|ский, всяк > всяк-ьск(ий) > вся|че|ский, пастух > пастух-ьск(ий) > па|сту|ше|ский*. Как видим, перед заднеязычными суффикс реализуется в варианте *-ьск(ий)* и при этом гласный относится к предшествующему слогу. Так и в варианте с нулевым гласным *-ьск(ий)*, мы вправе считать, что нулевой гласный принадлежит предшествующему слогу и /л'/ представляет, как конец суффикса *-тель*, так и начало суффикса *-ьск(ий)*. Следовательно, на стыке суффиксов *-тель+ь|ск-* граница морфем и слогов не совпадает: начало морфемы *-ьск(ий)* отходит к предшествующему слогу.

Таким образом, предлагаемый вариант слогоделения помогает обнаружить архаизмы праиндоевропейской давности в слове.

Почему это архаизмы? Дело в том, что праиндоевропейский язык был по преимуществу слогоморфемным: в нем границы морфем и слогов, как правило, совпадали³⁵. В эту эпоху предложение фактически собиралось из морфем [Гамкрелидзе 1984, I:362]. При переходе

³⁴ Ср. известный лингвистический афоризм, чаще всего приписываемый Р. И. Аванесову: «В морфологии нет ничего, чего бы ранее не было в лексике и синтаксисе».

³⁵ Так, Schwebeanlaut Э. Бенвениста [Бенвенист 1955] является следствием того, что корень (точнее – основа, связанная с лексическим, т. е. внеязыковым значением) должен был быть равным слогу, что, в свою очередь, было связано с силовым характером ударения в раннепраиндоевропейском языке. Подробнее об этом см.: [Степанов 1974].

к иному строю языка и формированию слов – единиц, больших, чем морфема и меньших, чем предложение, – возникла потребность в обозначении внешних границ слов и скреплении морфем внутри слова. Эта потребность и вызвала к жизни изменение типа слога и появление закона восходящей звучности в слоге.

Перестроившийся по закону восходящей звучности слог стал связывать, скреплять морфемы в слово, наряду с другими пограничными сигналами: ударением (формула Потемби), чередованиями на морфемном стыке, а после «падения редуцированных» – беглостью гласных и оглушением звонких согласных на флексивном стыке. Можно сказать, что в славянских языках не только ударение, но и слог выполняет функцию, подобную сингармонизму в тюркских и шире – в урало-алтайских языках.

Рассмотрим ещё примеры:

ВО|Д-О-ГРЯ|З-Е-ТОР|Ф-О-ПА|РА|ФИ|Н-О-ЛЕ|Ч-Е|Н-И|Й-Е.

Предлагаемый вариант слогоделения помогает обнаружить границы слов. Так сам язык свидетельствует, что перед нами не одно слово, а словосочетание: ВОДО ГРЯЗЕ ТОРФО ПАРАФИНО ЛЕЧЕНИЕ.

А в слове Э|ЛЕК|ТР-О-ФОТО-ПО|Л-У-ПРО-ВО|Д-Н-И|К-О|В-Б|Й обнаруживаем не только сочетание слов ЭЛЕКТРО ФОТО ПОЛУ, но и сегментную автономность приставки ПРО-

В слове ПРИ-СТА|Н-О-ДЕР|Ж-А-ТЕЛЬ-(Ь)|СК-ТВ-О|ВА-ТЬ границы морфем и слогов совпадают, отделяя приставку ПРИ-, слово ПРИСТАНЬ и архаичный суффикс -ТЕЛЬ. Сходная картина (выделение слов, приставок и суффикса -ТЕЛЬ) – в словах:

ЧА|СТ-О|Т-О-ПРЕ-О|Б-РА|З-О|ВА-ТЕЛЬ-(Ь)|Н-ЫЙ,

ПРО|ТИ|В-О-ПРА|В-И-ТЕЛЬ-(Ь)|СК-ТВ-ЕН|Н-ЫЙ,

ЧА|С-Т-Н-О-ЗЕ|М-Л-Е-ВЛА|Д-Е-Л-Ь|Ч-Е|СК-ИЙ,

ПРА|ЗД-Н-О-ША|Т-А-ТЕЛЬ-Ь|СК-ТВ-О|ВА-ТЬ,

ЧА|СТН-О-ПРЕД-ПРИ-НИ|М-А-ТЕЛЬ-(Ь)|СК-ИЙ.

Слово ЧЕ|Л-О-ВЕ|К-О-НЕ-НА-ВИ|С-Т-Н-И|Ч-Е|СК-ИЙ интересно в нескольких отношениях. Во-первых, налицо сочетание слов ЧЕЛОВЕКО и НЕНАВИСТНИЧЕСКИЙ. Во-вторых, первая часть ЧЕЛОВЕКО отчётливо членится надвое: ЧЕЛО и ВЕКО, что соответствует его этимологии [ЭССЯ 4:49-50; Кретов 2009:245–250]. В-третьих, выясняется, что НЕ – проклитика, а не приставка, как это обычно указывается, а вот НА-, будучи полноценной приставкой, ведёт себя, как проклитика (предлог): не желает интегрироваться в слово.

Слово НЕ|ДО|Б-Р-О|ЖЕ|Л-А|ТЕЛЬ-(Ь)|СК-ТВО|ВАТЬ свидетельствует о сочетании слов НЕ ДОБРО и ЖЕЛАТЕЛЬСТВОВАТЬ. Конечно же, НЕ тут – отрицательная частица. Сколько бы её ни писали слитно, приставкой она не станет.

Слово СА|М-О|ПРИ|С-ПО|СА|Б-Л-И|ВА|ЙУ|Щ-ИЙ|СЯ даёт повод для обобщения: архаичной является сама позиция после вокалической (оканчивающейся на гласный) основы глагола³⁶: тут граница слога и морфемы совпадает у всех суффиксов: -ТЕЛЬ, -Н, -УЩ и др. Вариант -ЮЩ содержит эпентезу Й, устраняющую зияние внутри слова. Но самое интересное в этом слове – свидетельство энклитичности СЯ. Оказывается, ПРИСПОСАБЛИВАЮЩИЙСЯ – не одно слово, а как минимум два: ПРИСПОСАБЛИВАЮЩИЙ и СЯ (о приставках уже говорилось, и оставим их пока в стороне). Оказывается, что не только частицы-приставки, но и так называемый «постфикс» СЯ обладает структурной автономией в русской речевой цепи. Из этого следует вывод: все русские возвратные глаголы являются словосочетаниями с возвратным местоимением СЯ = СЕБЯ (ср. *вести себя*). Это не открытие: новое – это хорошо забытое старое (см. обзор литературы вопроса в [Янко-Триницкая 1962]). Глубоко правы болгары, македонцы и поляки, пишущие СЕ, SIĘ (= рус. СЯ) отдельно от глагола.

Слово НЕ|У|СО|ВЕР|Ш-ЕН-Ь|СК-ТВ-О|ВА-Н|Н-О|СТЬ, ожидаемо отделяющее частицу НЕ и приставки У- и СО-, даёт повод для новой темы обсуждения: речь идёт о слоге СТЬ. Сходные по структуре слоги находим в словах *хво-ст, гво-здь, и-ск, пи-ск, пу-ск, пу-сть*.

Тут самое время рассказать об открытии проф. В. Г. Руделёва, опубликованном им в 1967 году [Руделёв 1967].

Метод В. Г. Руделёва является развитием идей Н. С. Трубецкого и может быть назван «теорией нейтрализации».

Положение 1. «Любое противопоставление двух фонем является лишь логически возможной оппозицией, и только нейтрализуемые противопоставления суть действительные оппозиции языка» [Руделёв 2002:14].

Положение 2. «Процедура функционального отождествления оппозиций гласных фонем... ударного слога и оппозиций предударного слога (тождественная дистрибуция – положение после твёрдых согласных) позволяет выявить нейтрализацию (о:а)... Таким образом,

³⁶ Русский глагол вообще, в отличие от имени, сохранил архаичную, близкую к праиндоевропейской, структуру: «Славянские диалекты <...> сохраняют архаичный облик...» [Мейе 2001:104].

устанавливается первая действительная оппозиция гласных (о→а) с маркированным членом (о)» [Руделёв 2002:15].

Положение 3. «Все остальные оппозиции, выявленные из нейтрализаций (а:ы), (а:у), (у:ы), не являются действительными оппозициями и расщепляются на серии (а : ы = а → х ← ы; а : у = а → х ← у; у : ы = у → х ← ы. – А. К.), в каждой из которых обязательно присутствует неизвестная фонема (х)» [Руделёв 2002:15].

Положение 4. «Фонема (х), репрезентантом которой является звук (ъ), квалифицируется в связи с этим как особая фонема общей системы (Х), отсутствующая в так называемой “сильной” позиции» [Руделёв 2002:15].

Положение 5. «В связи с тем что фонеме (х) не свойственно ни одно положительное значение какого-либо ДП (дифференциального признака. – А. К.), она квалифицируется как **вокалический нуль**» [Руделёв 2002:16].

Вскоре была найдена и сильная позиция вокалического нуля: «Предположим, что для описания русского языка вполне достаточно пятичленной вокалической парадигмы признаков (о, 'о), (у, 'у) (а, 'а), (э, е), (ы, и). Тогда в каждом русском слове потребуются найти по крайней мере одну из перечисленных гласных. Но вот сталкиваемся с редкими, правда, и весьма специфическими словами вроде “б”, “п”, “в”, “ф”, которые представляют названия “звуков речи”. <...> Сколько фонем в слове “б”? Если только одна..., то оказывается, что слово оканчивается на звонкую согласную, между тем в русском языке действует закон, по которому в конце слов звонкие не произносятся, так как они смешиваются с глухими. Таким образом, нельзя считать, что слово “б” и аналогичные слова оканчиваются на гласную фонему, ибо только перед гласными сохраняются противопоставления по «звонкости-глухости» в русском языке. Но какая из перечисленных пяти фонем находится в этом слове после согласного? <...> Остается принять, что в указанных словах после согласных находится ненаблюдаемая шестая русская гласная фонема, которая как будто специально создана для слов типа “б”, “в” и подобных, но на самом-то деле обслуживает и другие сферы... Эту шестую русскую гласную фонему ввиду её ненаблюдаемости и неприметности можно назвать вокалическим нулём и обозначить ... (ъ, ь). ...следует отметить, что фонема (ъ, ь) или “вокалический нуль” оказывается употребимой в сильных позициях. Если каждое полнозначное слово в русском языке имеет ударение, то ударным следует признать и слово типа “б”, “п”» [Руделёв 1975:32–33].

Правда, тут следует уточнить, что в русском литературном языке «закон, по которому в конце слов звонкие не произносятся, так как они смешиваются с глухими», является не фонетическим, а морфонологическим: «оглушение согласных на конце слова не связано с какими-либо фонологическими позициями, а соотносится непосредственно с концом слова, т. е. морфологической границей» [Чурганова 1973:31–32]. Следовательно, сильную позицию для конечных звонких согласных В. Г. Руделёв нашёл в периферийной подсистеме русского языка – «фонетической подсистеме междометий» и звукоподражаний, в которой не только «различаются гласные [а]–[о] без ударения» [Панов 1979:15], но разрешено зияние: *аа, ау, уа* и сочетания «без гласных» (на самом деле – с вокалическим нулём): *ишш, чиши, тсс, тишш, чшсс*.

«Вокалический нуль», обнаруженный В. Г. Руделёвым в современном русском языке, – не что иное как инобытие «редуцированных» Ъ и Ь, слухи о падении которых (как нам уже доводилось писать [Кретов 2001]) сильно преувеличены. Вообще, эта идея высказывалась и ранее, правда, лишь для того, чтобы её отвергнуть: «Идя путём, предложенным Л. В. Щербой, мы могли бы доказать и наличие двух фонем [О] в современном русском языке, одного чередующегося с нулём (т. е. {Ъ}. – А. К.), другого не чередующегося» [Кузнецов 1941:196].

«Вокалический нуль» присутствует в описании русского именного словоизменения А. А. Зализняка: «* – 2) на строке – знак чередования беглой гласной с нулём» [Зализняк 2002:366]. В аналогичной функции используется символ «*» и А. К. Поливановой при описании русского субстантивного основообразования [Поливанова 1976]. Морфонологи вообще не могут обойтись без редуцированных: «...“нулевая гласная морфонема” обозначается в работе знаком Ø» [Чурганова 1973:35]. У Т. В. Булыгиной в работе 1975 года представлены «морфонема» {ь}-{ь} [Булыгина 1975]. У И. Б. Иткина фонеме {Ъ} соответствует «нулевая морфонема {Ø}», «ноль-смягчающий» [Иткин 2007:263], между тем как фонеме {Ь} вместо ожидаемого «ноль-несмягчающего» соответствует «чередование *о ~ А*», притом, что символ *А* трактуется как «незначимое отсутствие (пустая цепочка)» [Иткин 2007:21]. Разумеется, нельзя не упомянуть и работы зарубежных русистов, в первую очередь, последователей Р. О. Якобсона: [Halle 1961], [Lightner 1972], [Ворт 2006]. Описание М. Халле как нельзя лучше соответствует «вокалическому нулю», открытому В. Г. Руделёвым: «Это (указание на беглость гласной. – А. К.) делается при помо-

щи символа, который вставляется на то место слова, где появляется беглая гласная, например: {t'ur#k}... {t'urk+a} <...> # можно охарактеризовать признаками вокальности и неконсонантности; вместо других признаков будут стоять нули, т.е. # – это гласная без указания различительных признаков гласных» [Халле 1962:319].

По существу, спор идёт лишь о том, как называть Ъ и Ь – фонемами или морфонемами; обойтись же без их признания, учёта и интерпретации при описании фактов современного русского языка не удаётся.

Как же изменилась «жизнь» редуцированных после «падения»? Их аллофоны (ненулевой и нулевой) постарались закрепиться и семаиологизироваться: ср. ю.-слав. (ст.-слав → церк.-слав) *собор* и вост.-слав. *сбор* (< прасл. *sъborъ). В церковно-славянском языке «падения» редуцированных не произошло: они проявились (в *О* или *Е*) во всех позициях, поэтому непонятны затруднения некоторых лингвистов при передаче болгарской фамилии Гълъбов – это *Голобов*.

«Беглость» редуцированных была морфологизирована и стала выполнять функцию пограничного сигнала – обозначать конец слова.

Нулевой аллофон «исчез» примерно так, как исчезает из вида человек, тень которого остаётся на виду. Что же за «теневую работу» выполняют редуцированные?

Одна из них более заметна: нулевой аллофон {Ь} (у И. Б. Иткина – {’Ø}) смягчает предшествующий согласный: *ель, семь, день, степь, тварь, ось, суть, явь*; мягкость согласного воспринимается на слух и в доказательствах не нуждается.

Другая «работа» менее заметна: нулевые аллофоны редуцированных (совсем, как *e-tuét* во французском языке) выполняют «охранную» функцию: сохранения конечного согласного. Вокализация сонантов в конце слова после согласных также выполняет функцию пограничного сигнала, маркируя конец слова).

Как доказать, что функция сохранения конечного согласного у Ъ есть?

Рассмотрим парадигму слова *время*:

время
времен_и
времен_ем
времен_а
времён

времен_ам
времен_ами
времен_ах.

Во всех формах, кроме Род.мн., основа *времен-* сохранилась потому, что за ней следовал гласный /u/, /e/ или /a/. В форме *времен* основа сохранилась как бы вопреки отсутствию гласного, а в Им.ед. *время* основа *времен-* как бы не сохранилась вообще: формально сохранился лишь сегмент *врем-*.

Простейшее объяснение состоит в том, что все словоформы парадигмы имеют основу *времен-*, только в Род.мн. за ней следует «нулевой гласный» *Ъ*: *времянь*, а в Им.ед. – за основой *времен*Ø – ноль гласного, поэтому сегмент *-ен-* закономерно реализуется в виде /'a/ через цепь трансформаций: /en/ → /ē'/ → /'a/. Это объяснение находится в полном согласии с исторической фонетикой: «...конечный согласный основы в именительном падеже был утрачен под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (например, *сѣма* < **сѣтѣн*, где в конце слова **-ѣн* > [ɛ]³⁷), в то время как в остальных падежных формах перед гласными окончаний он сохранился (например, в род.П.: *сѣмен-е*)» [Хабургаев 1974:179]. Логично принять, что *я* в форме *время* – позиционно обусловленное инобытие сегмента *-ен-* в абсолютном конце слова. Таким образом, /'a/ представляет сразу две фонемы: /e/ и /n/. Такие би-функциональные звуки мы называем *бифонами* [Кретов 2010].

Почему же вслед за Л. В. Бондарко мы не членим слово *коть* на *ко-* и *-ть*? Потому что следуем принципу разумной достаточности, прибегая к нулевым фонемам и особенно к фонеме [ъ], лишь тогда, когда иного объяснения не существует.

Например, слово *хвост* 13512 мы членим: *хво-сть* 135-125, – обходясь без искусственного и разрушительного для научной логики постулирования слоговости шумных согласных.

В слове *рубль* (веса сонорности 4524) возможны два варианта разрешения коллизии и, как следствие, произношения: 1) /л/ после /б/ и перед /ь/ становится слоговым: /*пу-б'л'*/ 45-25 (в просторечии – *п'у-бель*) или (в просторечии же) утрачивается: /*пул'*/ 452. При этом конечный *ь* не пропадает: он смягчает /*n'*/ и оберегает его от утраты.

³⁷ Предпочтительнее было бы говорить о долгом *ε*: по закону компенсации с утратой носового сонанта предшествующий ему гласный должен бы удлиниться. Этим удлинением могла бы быть объяснена последующая трансформация долгого (!) *e*-носового в долгий же *a*-смягчающий.

Глава 6

РУССКОЕ СЛОГОДЕЛЕНИЕ И «ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ»

Рассмотрим версию русского слога деления, предлагаемую С. В. Князевым как приложение «теории оптимальности» к русскому слогу. Для этого нам придётся, во-первых, разобрать используемые им принципы, а во-вторых – его аргументы в пользу большей сонорности фрикативных.

Рассмотрим четыре принципа «теории оптимальности» в версии С. В. Князева.

«1. Первый такой принцип является по своей природе акустическим – это так называемый принцип восходяще-нисходящей дуги звучности или сонорности в слоге (Sonority Sequence Principle, далее – SSP), сформулированный ещё в работах: [Whitney 1865; Sievers 1901; Jespersen 1909]. Согласно этому принципу степень сонорности сегментов увеличивается от начала (инициали, onset) к ядру (слоговому элементу, nucleus) слога и уменьшается от ядра к его концу (финали, coda)» [Князев 1999:86].

Этот принцип настолько очевиден, что тут не о чем спорить. Более того, наш ПОВ (Принцип ОдноВершинности слога) можно было бы назвать «принципом восходяще-нисходящей сонорности» (ВНС). Это название хорошо в максимальном случае STRANT (*ма-гу-странт*), START (*старт, спорт*) и т. п., но неудачно в остальных, потому что наводит на мысль о невозможности слогов типа А (из одних гласных), SA, TA, NA, RA или слогов неприкрыто-закрытых слогов типа AS, AT, AN, AR³⁸.

Обсудим понимание звучности С. В. Князевым: «Под степенью звучности (сонорности) в этом случае понимается уровень громкости, обратно пропорциональный степени сужения в речевом тракте

³⁸ Наш многолетний педагогический опыт показывает, что поначалу студенты затрудняются в интерпретации слогов типа А или АТ.

при артикуляции данного звука» [Князев 1999:86]. Во-первых, в системе научной терминологии синонимия нежелательна, поэтому *звучность* лучше не отождествлять с *сонорностью*. Во-вторых, отождествление *звучности* с *громкостью* неприемлемо, на что указывали и Н. И. Жинкин, и М. В. Панов: любой звук может быть произнесён тихо и громко. Строить на столь зыбком основании теорию слоговоеделения – заранее обрекать себя на провал. Правда, есть и дополнительный критерий: громкость обратно пропорциональна «степени сужения (уважаемый автор не указывает, чего. – А. К.) в речевом тракте». Из статьи не видно, чтобы С. В. Князев занимался исследованием того, что и как сужается в речевом тракте. Основанная на этом критерии теория должна была бы быть артикуляторной, но даже Н. И. Жинкин, тщательно изучавший этот предмет [Жинкин 1958], не предложил теории слоговоеделения. Таким образом, понимание *звучности* С. В. Князевым оказывается научно несостоятельным.

Показателен следующий пассаж: «...не представляется достаточно обоснованным (С. В. Князеву – неотразимый научный аргумент! – А. К.) и положение о том, что “тенденцию к восходящей звучности нельзя понимать фонетически, как стремление к непрерывному нарастанию интенсивности звука” [Гаспаров, Сигалов 1974:58]. Наоборот, именно такое её понимание (если иметь в виду, что *в инициали предпочитается именно резкое нарастание звучности*) **может позволить** (а ведь может и не позволить. – А. К.) **объяснить** целый ряд явлений, имевших место в праславянском языке, например:

- *ds, *ts> *ss > [s] (*нѣсъ, вѣсъ*)
- *bs > *ps > [s] (*зрѣсъ, оса*)
- *kx > [x] (*рѣхъ*)
- *dt > *tt > [st] (с немаркированным [s]: *вести*)
- *pn, *bn, *tn, *dn > [n] (*съпати*)
- *skn > [sn] (*блъснути*)
- *tm, *dm > [m] (*дамь*)
- *pt, *bt > [t]» [Князев 1999:92–93].

Неподготовленному читателю может показаться, что подход С. В. Князева позволил ему обогатить палеославиистику целым рядом открытий. Однако, приводя примеры из учебника старославянского языка, он умалчивает (или не знает?), что процессы

- *ds, *ts> *ss > [s] (*нѣсъ, вѣсъ*)
- *bs > *ps > [s] (*зрѣсъ, оса*)

*kx> [x] (*рѣхъ*)

*pt, *bt> [t] (*длато*)

давным-давно и прекрасно объяснены законом восходящей звучности в слоге, охватывающим 8 фонетических процессов [Ван-Вейк 1957:74–75]. Особенно изумляет пример *съпати* (sic!) на *преобразование* *pn, *bn, *tn, *dn> [n]. Действительно, у Г. А. Хабургаева в учебнике (из которого весьма небрежно и взяты указанные строки [Хабургаев 1974:156–158]) есть глагол *съпати*, но он приведен в скобках как подтверждение наличия П в корне, а итогом процесса *pn>[n] является глагол *уснуть* (ст.-слав. *оусньжити*). По-видимому, С. В. Князем спутал праслав. *n=N с русским n=П.

Нет нужды у славистов обращаться за помощью к С. В. Князеву и для объяснения преобразований

*pn, *bn, *tn, *dn> [n] (*съпати*)

*skn> [sn] (*блъснути*)

*tm, *dm> [m] (*дамь*).

Именно не объясняющий их закон восходящей звучности позволяет отнести эти процессы к протославянскому периоду³⁹ и увидеть их сходство с аналогичными процессами в италийских языках [Кретов 1999]. Причиной упрощения этих сочетаний, является, скорее всего, неудобство артикуляции смычных шумных перед смычными же носовыми. Как следствие – полная регрессивная ассимиляция с последующим преобразованием *nn>n, а начинается процесс ассимиляции смычных носовыми сонантами с озвончения глухих шумных перед n/m: -tn->-dn->-nn- и т. д. [Нидерман 1949:131–132]. Ассимиляция dn>nn известна и русским народным говорам Северо-Запада, ср. знаменитое «*менный коуш упал на нно*».

«2. Второй универсальный принцип организации слога – “принцип дисперсии сонорности” (Sonority Dispersion Principle, далее – SDP) – можно назвать перцептивным [Clements 1990; Kenstowicz 1993:283; Trask 1996:327]. Этот принцип заключается в том, что нарастание сонорности в слоге должно быть как можно более резким (в случае, когда инициаль состоит из более чем двух сегментов, – ступенчатым, т. е. **элементы инициали не должны находиться рядом на шкале**

³⁹ К протославянским процессам относится и преобразование SR→STR, трактовку которого Г. А. Хабургаевым прямо-таки с упоением критикует С. В. Князев. То, что Г. А. Хабургаев ошибочно связал этот процесс с законом восходящей звучности, ни в коей мере не колеблет ни сам закон, ни выделенные Г. А. Хабургаевым классы звучности.

сонорности) – типа *ta, tra*, а спад ее – постепенным, типа *aj, ajm*» [Князев 1999:86] (выделено мной. – *А. К.*).

Возможно, какие-то языки и можно описать посредством «принципа резкого нарастания (т.е. скачка. – *А. К.*) сонорности», но русские звуки в слоге не знают, что «элементы инициали не должны находиться рядом на шкале сонорности». Сам принцип, взятый *ad hoc*, очень напоминает столь же произвольный принцип «максимального контраста», справедливо критикуемый С. В. Князевым у Р. И. Аванесова и М. В. Панова. По нашим данным [Борисова 2015], самые употребительные слоги типа СГ имеют следующую частотность в речи (рис. 6). Размер выборки – 358 392 слога.

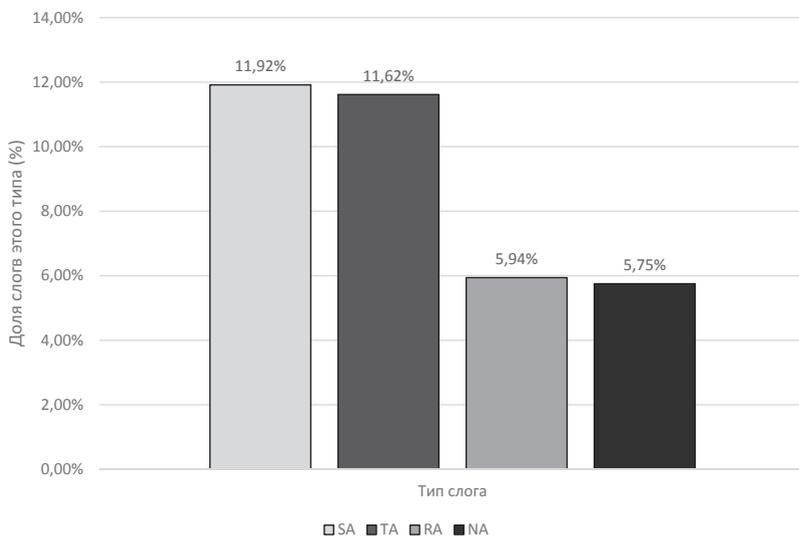

Рис. 6. Относительная употребительность слогов типа СГ в русской поэзии XVIII–XX вв.

Приведённые данные противоречат «принципу скачка сонорности». Для С. В. Князева самыми незвучными являются смычные согласные, однако даже вместе с аффрикатами они встречаются реже, чем «более звучные» (по Князеву) фрикативные. Аналогично менее звучные носовые в сочетании с гласными должны встречаться чаще, чем плавные, но и тут всё наоборот: плавные, наименее удалённые по звучности от гласных, встречаются чаще, чем более удалённые носо-

вые сонанты. Сходится только то, что шумные в сочетании с гласными встречаются чаще, чем сонанты, но это можно объяснить без всякого «скачка сонорности», например, принципом экономии усилий.

Кроме «универсальной тенденции помещать консонантные элементы в том месте, где их восприятие наиболее удобно» [Князев 1999:86–87] существует не менее универсальная тенденция – помещать консонантные элементы в том месте, где их артикуляция наиболее удобна. Правда, для С. В. Князева эта тенденция как бы не существует.

Рассмотрим функционирование русских слогов структуры ССГ. В соответствии с «символом веры» С. В. Князева самыми употребительными должны быть слоги с максимальным скачком звучности в инициали, т. е. смычный+плавный+гласный (TRA), а самыми редкими – противоречащие принципу «скачка сонорности» слоги типа носовой+плавный+гласный (NRA).

Действительная картина представлена на рис. 7.

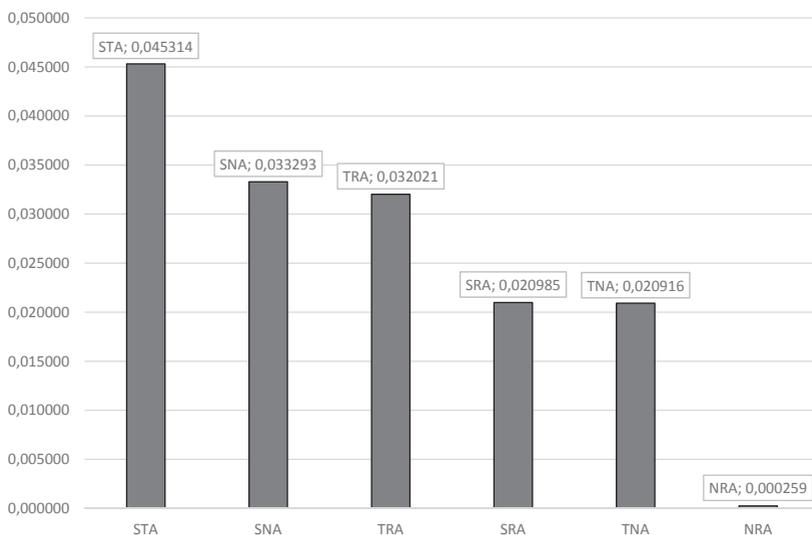

Рис. 7. Относительная употребительность слогов типа ССГ в русской поэзии XVIII–XX вв.

Как видим, наиболее употребительными являются как раз слоги типа STA и SNA, имеющие минимальный контраст звучности по

С. В. Князеву, а самый контрастный по звучности слог в понимании учёного – TRA – занимает лишь третье место. Самым редким, как и самыми частотным, является слог с минимумом контраста NRA. Показательно, что слога типа TSA не встретилось вообще. Похоже, русские инициали не знают, что им надо иметь скачок звучности, и ведут себя ненадлежащим образом. Можно предположить, что употребительность слогов обратно пропорциональна их «себестоимости» (условная величина, предположительно коррелирующая с «речевым усилием» или сложностью, неудобством артикуляции). Сравнивая STA>SNA>SRA, предполагаем, что в последовательности T>N>R «себестоимость» возрастает. Последовательность TRA>NRA эту гипотезу подтверждает. А вот последовательность TRA>SRA>NRA ставит под сомнение предположение S>T. Перед R T>S. Просматривается и ещё одна закономерность: ниже «себестоимость» у сочетаний различных по способу образования (щелевой+смычный; смычный+щелевой). А вот Р и Л как раз *не смычные*, поэтому щелевые, представленные S, реже («неохотней») с ними сочетаются. Вот, собственно, и вариант ответа, почему неудобное SR трансформируется в удобное для S и R (и, конечно же, для T) сочетание STR (щелевой+смычный+не-смычный).

Впрочем, С. В. Князев не нуждается в подобных данных: ему достаточно сказать «**реально** устроен механизм слоговогоделения в СРЛЯ» так-то [Князев 1999:94] и всё. В итоге принцип «скачка звучности» приводит его к выводу: членение «*у-тка*, видимо, лучше, чем *ут-ка*» [Князев 1999:87]. Как говорится, комментарии излишни.

Вывод: «принцип скачка звучности» ничего не объясняет и ничего не даёт для русского слоговогоделения.

«3. Третий универсальный принцип организации слога – принцип максимального начала слога (Maximal Onset Principle, далее – МОР) [Курилович 1962; Pulgram 1970; Vennemann 1972; Hooper 1972; Kahn 1976; Ito 1989; Steriade 1990]. Он заключается в том, что открытый слог, в целом, предпочтительнее закрытого, т. е. последовательность $ГC_1C_2...C_3Г$ членится на слоги как $Г-C_1C_2...C_3Г$ » [Князев 1999:87].

В такой интерпретации МОР неприемлем, ибо приходит в противоречие с SSP'ом: постулируется не восходяще-нисходящая, а исключительно восходящая звучность, коль скоро все неслоговые между двумя гласными отдаются последующему слогу. А в итоге, поскольку финалей у слогов не будет, то инициали будут иметь и восходящую, и нисходяще-восходящую, и неизменную звучность.

Для русского языка «принцип открытого слога» несостоятелен, поскольку, даже по данным самой Л. В. Бондарко, объясняет не более 78 % случаев. Теория, не объясняющая каждый пятый случай, – сомнительное подспорье. Возьмём наиболее употребительные слова русского языка: *быть, он, как, весь, из, от, так, свой, год, мочь, вот, наш, мой, нет, стать, сам, там, раз, день, чем*, и т. д., и т. п. [Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики]. Как-то трудно принять, что все они аномальны. Для старославянского, малагасийского и даже японского языка принцип открытого слога подошёл бы, но не для русского.

Если же трактовать МОР иначе, то формулировку «открытый слог в целом предпочтительнее закрытого» можно было бы отождествить с бесспорным принципом «ГСГ → Г-СГ, а не ГС-Г», на который мы и опираемся, формулируя принцип «приоритета восходящей звучности».

«4. Четвёртый принцип является дистрибутивным и ограничивает третий: в начале слога допускаются только сочетания согласных, представленные в данном языке в начале слова и не противоречащие первому принципу (далее – МОР')» [Князев 1999:87]. Принцип «начала слова» можно было бы принять, если бы кем-то было доказано, что русский является исключением из всех языков и в нём нет внешнего сандхи и признаков начала и конца слова. Во всяком случае этот принцип ближе к здравому лингвистическому смыслу, чем два предыдущих. Сразу возникает вопрос: почему этот принцип не распространяется на финаль? Возможно, потому, что в соответствии с третьим принципом финали нет: все слоги только открытые.

Как руководство к действию формулировка принципа представляется чрезмерно ригористичной: именно данная последовательность звуков должна быть в начале слова, чтобы её можно было допустить в начале слога. Тут не учитывается богатейшая практика дистрибутивного анализа и упускается из виду различие между языком и речью: возможности языка никогда не исчерпываются речью⁴⁰. Возможности языка реализуются в речи и фиксируются исследователями во многом случайно. При использовании метода Ломоносова – Соссюра – Куриловича, который будем называть «прецедентным», следует исходить из возможностей языка, а не из показаний речи. Разумеется, возможности языка выявляются при

⁴⁰ Нам уже доводилось писать на эту тему: [Кретов 2006:13–31].

анализе и осмыслении (но не при безотчётной фиксации) явлений речи.

Интересно работает у С. В. Князева этот принцип в слове *чистка*⁴¹ (потому что есть *ткать*, но нет **сткать*), приводящий к плато звучности: *ТК*. В соответствии с этим принципом Е. С. Гинзбург не имела права членить *юмори-стка*: «– Так, стало быть, стенографистку требуете, ни больше ни меньше? **Юмори-и-стка!** Кажется, снова в редакции себя вообразили?» [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут. Ч. 1 (1967); НКРЯ].

Как видим, главное достоинство «теории оптимальности» состоит в её полной произвольности: можно декларировать любые принципы, применять их как угодно, задавать им любую иерархию. При этом, что особенно удобно(!), концы с концами сходиться не должны. Достаточно потом подсчитать плюсы и выбрать вариант, в котором их больше.

В целом претензия «теории оптимальности» на универсальную теорию слоговоеделения во всех языках мира, как показывает опыт С. В. Князева, необоснованна.

В принципе, волновую теорию в нашей версии тоже можно одеть под «теорию оптимальности».

Принцип 1. ПОВ. Принцип ОдноВершинности слога. В инициали сонорность возрастает, в финали убывает. Плато звучности в слоге исключены.

Принцип 2. ПВЗ. Принцип приоритета Восходящей Звучности. Если согласный по принципу 1 может быть отнесен к нисходящей части предыдущего слога или к восходящей части последующего, он относится к восходящей части последующего слога.

Принцип 3. ПРД. Принцип Разумной Достаточности. Если можно обойтись без обращения к ненаблюдаемым сущностям, это надо сделать.

Принцип 4. ПЦФ. Принцип «Цементирующей Функции слога». Если (при прочих равных) выбор слогораздела определяется несова-

⁴¹ Наше членение слова *чистка* таково: *чи-сть-ка* = 25-125-25. Доказательством наличия позиционно обусловленного (перед слогом с гласным полным образованием) нулевого аллофона {ʔ} является форма *чисток* с ненулевым аллофоном. Возможность теории обнаруживать ненаблюдаемые элементы языка мы считаем достоинством, а не недостатком. Именно за ненаблюдаемость ларингалов К. Бругман критиковал теорию Ф. де Соссюра. К счастью, фонология и лингвистика вообще, давно преодолела звуковой фетишизм.

дением границ морфем и слогов внутри слова и совпадением их на краях слов (табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Слогоделение слова КОШКА

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
ко-шка	+	+	+	+	Победитель
<i>кош-ка</i> ⁴²	+	*!	(+)	(* ⁴³)	
ко-шь-ка	+	+	*!	(+)	Ср. кошек

Форма будет похожей, а суть – нет.

Наша волновая теория опровергает всё, что С. В. Князев приписал показательно «высеченной» им теории сонорности, а также постулируемую им (в духе западной толерантности и научного агностицизма) «неединственность решений при слогоделении», за что С. В. Кодзасов как раз и критиковал «неслоговые», т. е. не слогоморфемные, хотя и очень даже слоговые языки.

Рассмотрим случаи наших расхождений в слогоделении с С. В. Князевым (табл. 11–16).

Т а б л и ц а 11

Слогоделение слова ЗАВТРА

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
за-фтра	+	+	+	+	Победитель. Отделён этимологический предлог
<i>заф-тра</i>	+	*!	(+)	(+)	Нарушен приоритет восходящей звучности
зафт-ра	*!	(*)	(+)	(+)	Две вершины звучности

⁴² Здесь и ниже *курсивом с подчёркиванием* выделен вариант, предпочитаемый С. В. Князевым.

⁴³ Да! Очень важно, чтобы отсутствие признака обозначалось звёздочкой (*), и ни в коем случае не минусом (-)!

Т а б л и ц а 12

Слогоделение слова АБСТРАКТНЫЙ

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
абстракт-ный	+	+	+	+	Победитель
абстра-ктный	*!	(*)	(+)	(+)	Плато звучности
<u>аб стракт-ный</u>	*!	(*)	(+)	(*)	Плато звучности в предыдущем слоге

Т а б л и ц а 13

Слогоделение словоформы КОРМЛЮ

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
кор-млю	+	+	+	+	Победитель
ко-рмлю	*!	(*)	(+)	(+)	Две вершины
<u>корм-лю</u>	+	*!	(+)	(*)	

Т а б л и ц а 14

Слогоделение слова ЧИСТКА

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
чи-сть-ка (чи-сток)	+	+	+	+	2 фонетических слога (<i>чи-стка</i>) и 3 фонологических
чи-стка	*!				Невозможно из-за плато звучности <i>ТК</i>
<u>чист-ка</u>	*!		(+)	(*)	2 вершины: <i>ИиТ</i>
чис-тка	+	*!	(+)	(+)	

Т а б л и ц а 15

Слогоделение слова ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
эк-сплу а та ция	+	+	+	*	Победитель
э-ксплу атация	*!	(*)	(+)	(*)	2 вершины: <i>К</i> и <i>У</i>
<u>экс-плу атация</u>	+	*!	(+)	(*)	

Слогоделение словоформы МЫСЛЬЮ

Возможные кандидаты	ПОВ	ПВЗ	ПРД	ПЦФ	Комментарий
[<i>мы-сль-йу</i>] ср. <i>м'ыслей</i> .	+	+	+	+	Победитель. В слоге <i>СЛ'ЙУ</i> было бы 2 вершины: <i>Л'</i> и <i>У</i> . * <i>Л'Й</i> невозможно: был бы <i>Л'</i>
[<i>мыс-л'йу</i>]	*!	(*)	(+)	(+)	Две вершины
[<i>мысл'-йу</i>]	*!				Две вершины: <i>Ы</i> и <i>Л</i>

Как видим, для «сонорной теории»⁴⁴, вопреки утверждению С. В. Князева, не составляет труда «создать модель, которая во всех случаях давала бы слогоделение», ею постулируемое.

В поисках системы правил для неё С. В. Князев вплотную подошёл к описываемому варианту [Князев 1999:100], но превратные трактовки принципов, ошибки теории Аванесова – Панова и ошибочный, так и не доказанный им постулат о наименьшей звучности смычных согласных не позволили ученому увидеть и по достоинству оценить потенциал волновой теории слога.

Разберём его аргументы в пользу большей сонорности фрикативных.

С. В. Князев пишет: «Еще один **факт** (! – А. К.), свидетельствующий о том, что фрикативные согласные сонорнее смычных: в словах с конечным сочетанием “гласный + фрикативный + носовой” типа *песнь, жизнь* и т. п. это сочетание **скорее** односложно, чем двусложно (либо вследствие оглушения носового – в первом случае, либо в силу вокализации фрикативного во втором контраст по степени звучности снимается); в то же время сочетание “гласный + взрывной + носовой” типа *ритм, несомненно*, двусложно» [Князев 1999:91].

Впечатляет понимание С. В. Князевым **фактов**, которыми, по его мнению, являются утверждения: «А скорее В, чем С» и «А несомненно В». Вообще-то *факт* – «1) встинное событие, действительное происшествие или реальное явление; пример, случай [БТС-2010]». К нашему случаю более подходит «реальное явление»; выделяют и ещё более подходящее значение – «неальность, действительность [БТС-2010]». Вообще-то высказывания о действительности строятся по модели «А есть В», потому что факт либо имеет место в действи-

⁴⁴ Разумеется, в предлагаемой здесь версии.

тельности, либо не имеет. Появление модальности в высказывании о действительности: «скорее», «несомненно» переводит высказывания из регистра действительности в регистр веры (представлений говорящего о действительности). Онтологические высказывания подкрепляются онтологическими же аргументами. Например, если сказано «скорее», то тут же указывается, *насколько* скорее, *каким* *каких* *единицах* измерялась скорость. Отсутствие такой аргументации свидетельствует о фидеистичности (от лат. *fides* – ‘вера’) высказывания. А модальность «несомненно» прямо отсылает к *сомнению* и его антониму – *вере*. Таким образом, *факт* для С. В. Князева – это то, во что он верит, а его вера может быть большей (*несомненно*) или меньшей (*скорее А, чем В*).

Поскольку наука базируется не на вере, а на сомнении, рассмотрим, насколько верования («факты») С. В. Князева соответствуют действительности.

Рассуждая об односложности слов *песнь* и *жизнь*, полезно принять во внимание следующие примеры:

Пел за кормою последнюю **песнь**
 Серебряный ангел разлук:
 Надежда – сияет, любовь – **воскреснет**,
 Вера – сильнее мук...
 (В. М. Лебедев. *Песня отплытия (Новый Колумб, 3)*. 1930)

Нежный призрак,
 Рыцарь без **укоризны**,
 Кем ты призван
 В мою молодую **жизнь**?
 (М. И. Цветаева. *Нежный призрак...*
 (Стихи к Блоку, 2). 1916.05.01)⁴⁵.

Прежде чем считать «несомненной» двусложность слова *ритм*, не принять ли во внимание факты в нашем понимании:

Как понятие новости сузилось! **Ритм**
 как замедлился жизни и быта!
 Как немного теперь телефон **говорит!**
 (Б. А. Слуцкий. *Возвращение*. 1977)

⁴⁵ Эти примеры найдены в поэтическом подкорпусе НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

Казалось, что закат затем **горит**
и ветер нагоняет звезды снова,
чтоб освещать и стирки древний **ритм**,
и вечный ритм
течения речного.

(Б. А. Слуцкий. *Белые руки*. 1972)

И вот, пока распахивает **ритм**
Всю залежь, что на душевом наделе,
Я слышу, как товарищ **говорит**:
– Вернусь домой –
Женюсь через неделю.

(Б. А. Слуцкий. *Месяц-май*. 1959–1961)

Боенный чад
И чад типографский,
Аромат
Царский и рабский,

Колорит

Белый и черный,

Четкий **ритм**

И заключенный.

(Б. А. Слуцкий. *Списки расправ...* 1959–1961).

(Омонимия не снята.)

И в такт лирическим балладам

Романса вздрагивает **ритм**:

Она идет со мною рядом

И про любовь мне **говорит**.

(В. Т. Шаламов. *Возвращение*. 1937–1956)

«Чахотка», – доктор **говорит**...

Не прав он: это гул годин,

Которые, теснясь в груди,

Хранят походов грозный **ритм**

И пламя флагов впереди...

(Э. Г. Багрицкий. *Весна*. 1930)

И вновь всем трепетом, всей властью отреченья

От смысла, от себя — в гармонию и **ритм**.

О, жажда вечного плененья

Ее убийств, ее **молитв**!

(С. В. Барт. *Сбирая дни: колосьев кропотливый шум...* 1939)

Возможность приключений
 Не сбивает сердца четкий **ритм** –
 От души моей давно ключей нет,
 Страстью трудно тело **покорить**...
 (Н. В. Петерец. *Любовь – нить*. 1932)

Вселенной управляет **ритм!**
 Юнец танцует вислоухий,
 И зуб брильянтовый **горит**
 В оскале хищном потаскухи...
 (С. Я. Парнок. *И вот мне снится сон такой...* 1927.01.16)

Для него ль кресла с министерской спинкой?
 У паркетного треска предательский ритм.
 Разве дом это? Комнат тяжелых волынка,
 Вражья ветошь, по ордеру взятая им.
 (Н. С. Тихонов. *Вопреки алебастру, воценому полу...*
 (Выра, 7). 1927)

Как серьги несешь в порозовевших ушах
 Драгоценный прозрачный **ритм**.
 Шелком дыша, холодом дыша, ночью дыша,
 Им дикий лепесток **горит**.
 (В. А. Моница. *Как серьги несешь в порозовевших ушах...*
 1925–1926)

И в плесках мерно нисходящих
 Зарю зарею **озарит**
 Мгновений пламенно вопящих
 Неотразимо быстрый **ритм**.
 (Ф. К. Сологуб. *Сама, с лукавостью улыбки...* 1908)

Разве можно желать чужого,
 Разве можно жить не **своим**...
 Но и краски ведь тоже слово,
 И узоры линий – **ритм**.
 (Н. С. Гумилев. *Мне на ваших картинах ярких...* 1914)

В НКРЯ слово *ритм* в зоне рифмы встретилось 22 раза, при этом 18 – как односложное (см. выше) и 4 раза – как двухсложное:

Отвечай им вызовом **открытым!**
Чище, легче, проще мастерство,
Веселей и взвинченнее **ритм**,
И в дорогу! Только и всего!
(П. Г. Антокольский. *Время говорит*. 1963)

Грустным вечером за городом распыленным,
Когда часы и минуты утратили **ритм**,
В летнем садике, под разбухшим кленом,
Я скучал над гренадином **недопитым**.
(В. Г. Шершеневич. *Грустным вечером за городом
распыленным...* 1913)

Над могилою мелким **петитом**
Надгробные речи зазвучат на авось,
Так вспомни из гроба, что только я **ритм**
Этих губ не искал насквозь!
(В. Г. Шершеневич. *Принцип синтаксического
аграмматизма*. 1918.03.03)

Меж **гранитом**
Строен **ритм** —
Подневолен
Шелест волн.
(Ю. Н. Верховский. *Город*. 1908)

Соотношение 4,5:1, на наш взгляд, даёт основание для сомнений в том, что С. В. Князеву представляется «несомненным».

Следующий аргумент: «Наконец, об этом же свидетельствует тенденция к утрате конечного согласного или образованию дополнительного слога в сочетании [стф] (например, *чувств, яств* и т. п.), хотя сочетание из трёх других согласных, каждый из которых является менее звучным, чем предыдущий, в СРЛЯ не упрощается и не образует дополнительного слога: *холст, горсть*».

Как убедиться в существовании «тенденции к утрате конечного согласного»? Видимо, вместо *чувств, яств* следует произносить *чувст, яст*?

Но ведь этого нет. Странная тенденция, по-видимому, обладающая высокой степенью латентности.

Что касается тенденции к образованию дополнительного слога в сочетании [стф], то тут опять же С. В. Князев должен был бы дока-

зывать её существование. И такие доказательства есть. Так, в фильме «Женитьба Бальзаминова» (1965) Г. М. Вичин, играющий главного героя, на вопрос: «А отчего через забор?» – отвечает: «*От /чу-ст^нфс/!*».

Ошибка С. В. Князева в трактовке этих последовательностей состоит в том, что он считает /ф/ щелевым фрикативным, тогда как это аллофон неслогового аллофона глайда {У-В}, способного быть слоговым. Напомним, что в /зафтра/, /ф/ является аллофоном /У/: /з'афтра/ < з'аўтра < за'утра < за'утро. Доказательство простейшее: *чувства, яства*. Мимо внимания С. В. Князева проходит тот факт, что первый в=/ф/ в слове *чувства* перед фрикативным /с/ не произносится: по закону восходящей звучности устраняется плато звучности /фс/ = 11.

Слова *холст, горсть* фонологически двусложны: *хол-стъ* = 154-125, *гор-сть* = 254-125, а фонетически односложны. Фонетически двусложными они быть не могут потому, согласные слога не образуют, а гласный во втором слоге, «охраняющий» конечный согласный от утраты, реализуется нулевым аллофоном, который при рифмовке не учитывается. В словах *горсть, гость, кость* конечный гласный ещё и смягчает конечный согласный.

Последний аргумент С. В. Князева в пользу высокой звучности щелевых и низкой – смычных заслуживает особого комментария.

«При этом в позиции перед взрывным или фрикативным согласным в этих языках были возможны только переднеязычные [с], [з], и это совсем не отменяет того **факта**, что *фрикативные согласные в целом являются более звучными, чем взрывные*» [Князев 1999:93].

Да, говорит С. В. Князев, в старославянском языке были возможные фрикативные перед взрывными, но это ничего не доказывает, потому что это не факт, а **факт** (т. е. то, как должно быть и что я утверждаю) состоит в том, что «*фрикативные согласные в целом являются более звучными, чем взрывные*». В каком «целом», где, как и кому «являются» более звучные, чем взрывные, фрикативные, так и остаётся тайной.

Не являются в таком случае «фактом» и упрощения аффрикат, утрачивающих смычку, во фрикативные: «*g> [д'з'] > [з']» [Хабургаев 1974:146–147]. Противное закону восходящей звучности аномальное сочетание упрощается в нормальное: *дз = 21 > з = 1: нодзѣ > нозѣ, мьнодзѣхъ > мьнозѣхъ, помодзи > помози, здвѣзда > звѣзда; польдза > польза, кьнадзь > русск. князь (ср. кьназгыни); что = (тш:)'то = (21)25 > /што/ = 125.*

«Проблема сочетания “[с] + взрывной” в начале слога – это не проблема относительной звучности взрывных и фрикативных, а *проблема особого статуса [с]* (или *переднеязычных фрикативных в целом*) в структуре слога. Особый статус [с] как элемента, который не подчиняется закономерностям организации слога в индоевропейских языках (как древних, так и современных), обсуждается в фонетической литературе уже очень давно (см., например: [Anderson 1969]); обсуждение *это привело исследователей к мысли* о том, что согласный [с] является немаркированным с точки зрения организации слога – во множестве языков он, оказываясь в начале начальнослогового или в конце конечнослогового консонантного кластера, ведёт себя как “прозрачный” (transparent) сегмент, как “пустое место”. Таким образом, начальнослоговые сочетания “[с] + смычный” являются допустимыми и при актуальности закона восходящей звучности не в силу того, что фрикативные согласные являются менее сонорными, чем смычные, а *вследствие особого статуса [с]* как элемента, немаркированного с точки зрения структуры слога [Kenstowicz 1993: 258–259].

Этот **факт** позволяет объяснить и наличие сочетаний двух фрикативных (*и-сходити, въ-сходити*⁴⁶) даже в языках, очень чувствительных к малейшим различиям звуков речи по звучности, и разницу в слоговой структуре слов типа *икс* (всегда один слог), но *букв, ветвь, ветх* (возможно два слога)» [Князев 1999:93].

Факт – это фрикативные перед взрывными в старославянском (и современном русском) слоге. Этот факт мешает, и американские лингвисты стремятся его дезавуировать, предполагая «особый статус» /с/, а заодно – всех переднеязычных фрикативных. Эта мысль зарубежных учёных по поводу неудобных фактов для С. В. Князева и является «фактом».

Если объяснить регулярное появление фрикативных перед смычными нельзя, можно условиться, что это не звуки, а «пустое место». И сразу всё становится на свои места. Правда, это мало похоже на науку и научную аргументацию.

При этом как-то уходит из виду то, что шкала Г. А. Хабургаева объясняет аффрикаты как способ языковой и речевой легитимизации

⁴⁶ Фрикативные в словах *исходити, въсходити*, действительно, сочетаются, то только на стыке слогов: *ис|хо|ди|ти, въс|хо|ди|ти*; если же С. В. Князев берет старославянские слова до падения редуцированных, то они членятся *и|зь|хо|ди|ти* [СтаСл 1994:257], *въ|зь|хо|ди|ти* (ср. *въ|зь|х|ри|ти|са* Супр 112, 17 [СтаСл 1994:142].

незаконных инициальных сочетаний типа TS = 21 (взрывной + фрикативный). Все аффрикаты строятся по этой модели, включая немецкую аффрикату pf: *Pferd*, *Kopf* и т. д. Будучи аффрикатой, она может открывать и закрывать слог и слово. Представление аффрикат, как последовательности со звучностью 12 (для С. В. Князева и иже с ним), не позволяет ответить на вопрос, почему аффрикат мало, почему они есть не во всех языках, почему они уступают в употребительности сочетаниям типа ST.

Проблема «аномальности» С может быть решена, если (по аналогии с восходящими/нисходящими дифтонгами) допустить существование зеркально симметричных аффрикатам ПС, ТС, КС деффрикат⁴⁷ СП, СТ, СК. Это позволило бы объяснять такие формы, как *осп*, *моств*, *иск*, без обращения к ненаблюдаемым сущностям как односложные слова: $ос\widehat{п}=51$, $мо\widehat{ств}=351$, $и\widehat{ск}=51$.

С. В. Князев ставит знак равенства между зубными фрикативными и губно-зубным В, указывая (почему-то без ссылки на Р. О. Якобсона) на его «транспарентность» относительно глухости-звонкости. Вообще-то, в отечественной лингвистической традиции *транспарентность* – свойство сонантов. Они способны «пропускать» йотацию или палатализацию: *поощрять* – *поострить*, *вешний* – *весна*, *помышлять* – *помыслить* и *цвет*, *звезда* наряду с польск. *kwiat*, *gwiazga*.

А вот примеров на «транспарентность» с-з, ш-ж, щ С. В. Князев не приводит. Видимо, ему достаточно того «факта», что так пишут Андерсон и Кенстович.

Подведём итог. Во многом справедливо критикуя теорию сонорности в версии Р. И. Аванесова – М. В. Панова, С. В. Князев излагает её не без натяжек и искажений. Так, он приписывает ей исключительно «закон восходящей звучности», тогда как главным принципом слоговоеделения у этих лингвистов является «принцип максимального контраста звучности».

Совершенно игнорируя исследования В. В. Шеворошкина, С. В. Князев весьма неубедительно пытается оспорить мнение Г. А. Хабургаева о большей звучности смычных по сравнению с фрикативными.

⁴⁷ Термин «деффриката» предложен в работе [Кретов 2014], подробно раскрыт и проиллюстрирован в: [Кретов 2020:29–31]. Считаю необходимым добавить, что аффрикаты и деффрикаты являются двумя **едиными** элементами плана выражения (два в **одном**) и в этом смысле соотносимы с фонами.

В приводимой С. В. Князевым шкале звучности всего один глайд – *й* ([В] почему-то отсутствует). Максимальная (для сонантов) звучность глайда [Й] в таблице С. В. Князева не подтверждается языковым материалом. Напротив, вызывает сложности в интерпретации фактов.

Вместо целостной теории слога С. В. Князев, в согласии с «теорией оптимальности», предлагает пользоваться эклектическим набором разнородных – порой разумных, порой надуманных – принципов с произвольно заданной иерархией.

Практическое расхождение в слогаделении по теории оптимальности в версии С. В. Князева и волновой теории слогаделения в нашей версии не так уж и велико.

При этом версия С. В. Князева отличается большей сложностью и не даёт ответа на вопрос о функции слога в русском языке, базируясь на агностическом понимании русского языка как «волнового», а в терминологии С. В. Кодзасова и В. Б. Касевича – «неслогового».

Глава 7

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОГА ТАМБОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

А теперь обратимся к *фонологической теории слога*, развивающей теорию Е. Куриловича, оперируя исключительно лингвистическими критериями. Это теория профессора В. Г. Руделёва.

«Вся теория слогораздела применительно к русскому языку (его литературному диалекту и некоторым говорам) может быть выражена шестью правилами (порядок изменен быть не может)» [Руделёв 2002 (1987):86].

«Правило-1: Консонант или сонорный перед гласным является **эксплозивным** (знак “<”). Примеры слогоделения: ... [[’]э<хь]эхо, [[’]у<ма]ума» [Руделёв 2002 (1987):86].

Не трудно заметить, что это правило – полный эквивалент нашему правилу 2 («принцип приоритета восходящей звучности»).

Чрезвычайно ценным в теории В. Г. Руделёва является то, что вводимые правила не постулируются, а мотивируются – объясняются. Объяснением является «фонологически сильная позиция консонанта и сонора перед гласным»: консонанты сохраняют противопоставленность по глухости-звонкости, а соноры – по сонорности-вокальности. Перед гласным (в отличие от позиции конца слова) соноры могут быть только неслоговыми.

В. Г. Руделёв различает три класса звуков: Т – консонанты, Р – соноры и А – вокалы. «Правило 1, – пишет автор, – дает нам примеры слогов <ТА, <РА, <А – с эксплозивным консонантом (шумным согласным), сонором или нулевой эксплозией. Всё это разновидности одного и того же слога, который можно обозначить так: ((<Т // <Р // <) &А, где “//” – знак исключающей дизъюнкции, а “&” – знак конъюнкции. Можно дать и глобальный символ для слогов данного типа – КА, где К – любой консонант или любой сонор, кроме того, это ещё и нулевая эксплозия; А – любой гласный, в том числе и вокалический нуль» [Руделёв 2002 (1987):87].

«Правило-2: Консонант перед сонором является **эксплозивным**.

Это правило русское или касается тех языков, в которых существует корреляция по звонкости-глухости /Д₊-Т/. <...> Что же касается русского языка, то в нем правило-2 имеет следующее фонологическое обоснование: консонанты потому примыкают к эксплозивному ... сонору, что это обеспечивает им сильную позицию по звонкости-глухости, наиболее важному признаку русской фонологической системы» [Руделёв 2002 (1987):87].

Примеры слогоотделения: *ма-тро-са, о-бла-ка, по-пла-ва-ли, о-бма-на, о-дна*. Правило-2 даёт слог типа <Т<РА. Особенно ценны примеры слогоотделения: *смо-тр, ру-бль, во-пль, ка-знь*, – порождают слог типа <ТР<.

В таких слогах, по мнению В. Г. Руделёва, сонорный «не эксплозивен и не является слогоносителем». Слогоносителем в таком слоге, добавим от себя, является вокалический нуль, обозначаемый (наряду с другими вокалами) символом А, следовательно, слог типа <ТР< – частный случай слога <Т<РА и сонорный является-таки эксплозивным.

«Правило-3: Консонант или сонорный, находящийся в абсолютном исходе слова, является **имплозивным**» [Руделёв 2002 (1987):88]. Данное правило столь же банально, что и первое. Но выводится оно, то есть фонологически подтверждается, довольно сложно. «...Имплозия – это потеря некоторых релевантных качеств, это позиция **нейтрализации**. В современном русском языке (в большинстве его диалектов) положение консонанта в финале слова – действительная имплозивная позиция, поскольку подвергается дефонологизации самый важный признак системы – признак звонкости. Ср. /кот/ код и кот, /лук/ луг и лук. И так далее. Сонорные, однако, как их ни подгоняют нынешние знатоки фонетики под консонанты, не могут быть ни звонкими, ни глухими. Этот признак для сонорных нерелевантен, он релевантен лишь для консонантов» [Руделёв 2002 (1987):88–89].

Правило-3 даёт слог: «<ТАТ<, <ТАР<, <РАТ<, <РАР<, <АТ<, <АР< – всё это варианты закрытого слога с глобальным знаком К: <КАК<» [Руделёв 2002 (1987):89].

«Правило-4: Сонорный перед сонорным является **имплозивным**. Фонологически это правило подтверждается тем, что указанная позиция является слабой по признаку «сонорность-вокальность», сонорный «перед другим сонорным не вокализуется, но имплозию приоб-

ретае» [Руделёв 2002 (1987):90]. Примеры слогоотделения: *вой-на*⁴⁸, *вол-на*, *тон-на*, *кор-ма*, *тюрь-ма*, *ор-ла*, *ль-на*, *м-ну*, *м-ни*.

Неразличение градаций внутри соноров (плавных и остальных) в некоторых случаях приводит В. Г. Руделёва к неприемлемым для нас членениям: *м-рак* (а не *мрак*=3452), *м-ле-чный* (а не *мле-чный*=345-2351).

«Правило-4 определяет новый тип слога – №5: P<. Это значит, что в русском языке сонорные продолжают даже в одиночестве представлять целые слоги, хотя и не являются слогиносителями, как в древнерусском и праславянском языках» [Руделёв 2002 (1987):90]. По существу, тут В. Г. Руделёвым зафиксирован фонетико-фонологический дуализм слога: сонорные «представляют слоги» фонологически, но «не являются слогиносителями» фонетически.

Примеры слогоотделения: *гор-н*, *пол-н*, *вой-н*. Что же принуждает учёного к такому членению? «Если же предположить, что оба импловивных сонора принадлежат одной силлабеме, то придётся констатировать новый тип слога (№ 6) – <ТАР<P< – с монотонным импловивным участком; до сих пор мы не могли отметить подобны-хособенностей силлабемы» [Руделёв 2002 (1987):90–91]. Конечно, силлабем «с монотонным импловивным участком» не бывает, но в том-то и дело, что этот участок не монотонный: *горн* = 2543, *полн* = 2543. В этих случаях сонорность импловии убывает, и границы фонетического и фонологического слова совпадают. А вот в случае с *войн* группа сонантов имеет плато звучности, поэтому одному фонетическому слогу соответствуют два фонологических со слогообразующим нулевым вокалом: *вой-нь* = 153-35. Глайд /Й/ в этой позиции ведёт себя как сонант, поэтому структура второго слога (по В. Г. Руделёву) – <РА<.

Учёт разных весов сонантов позволяет объяснить, почему следует членить *корм-чий* = 2543-251, а не *кор-м-чий* = 254-3-251.

Интереснее другое: почему в *солн-це* = 1543-25 ЛН при произношении упрощается в Н, тогда как *корм-чий* в **ком-чий* не упрощается? Возможно, дело в способности славянского *l к лабиализации (как в польском) и полной вокализации (ср. сербохорв. *сунце*). В. Г. Руделёв отвечает на этот вопрос так: «Современное произношение слова *солнце* свидетельствует о большей информационной значимости вто-

⁴⁸ Для такого слогоделения /Й/ должен бы иметь вес 3, однако условия для приписывания ему такого веса (после S/T) отсутствуют.

рого имплозивного сегмента, равного целому слогу⁴⁹; правда, он при выпадении предшествующего имплозивного сегмента перестаёт быть таковым, занимая место выпавшего имплозивного сегмента, не имевшего слоговости» [Руделёв 2002 (1987):91]. От себя добавим, что рассматриваемое явление находится на периферии русского языка: кластер *солнц-* – один на весь русский язык (у слова *солнце* и некоторых из его производных), поэтому вряд ли стоит уделять ему чрезмерное внимание в духе М. В. Панова.

Намного интереснее следующее рассуждение В. Г. Руделёва: «Относительно правила-4 возникает очень интересный вопрос. Если признак “звонкость” функционально тождествен признаку “сонорность” и подвергается дефонологизации там же, где и первый признак, то почему положение перед сонорными, эксплозивное для консонантов (правило-2), имплозивно для сонорных? Ответом на этот вопрос может быть то, что перед сонорными не может быть имплозивных гласных – случаи таковых крайне редки⁵⁰ и определены <...> только положением перед вокалическим слононосителем... Таким образом, у консонантов положение перед сонорными – сильная позиция, а у сонорных она – неопределенная: сильной её не назовёшь, слабой она быть не может, потому что в ней не бывает смешений сонорных с гласными, ведь гласных перед сонорными (имеются в виду эксплозивные гласные!) не бывает. В таком случае выбор более слабой (имплозивной) позиции, но позиции вполне определённой и к тому же не менее слабой, чем ещё одна позиция, ... вполне закономерен. И он объясняет боязнь русского языка допустить стечение сонорных в одном слоге» (выделено мной. – А. К.)⁵¹. [Руделёв 2002 (1987):91].

«Правило-5. Сонорный перед консонантом является **имплозивным**⁵².

⁴⁹ Исходный вариант членения (до упрощения) у В. Г. Руделёва [*<сол-<це>*].

⁵⁰ Одним из таких редких случаев является, на наш взгляд, *с'у-мрак* = 15-3452, в котором, впрочем, отделяется на правах отдельного слова древняя именная приставка *су-*. Но, с другой стороны, само превращение приставки *сьн-* в *су-* возможно лишь внутри слова: на стыке слов (у глаголов и отглагольных имён) результат иной – *сь-*.

⁵¹ Напомним, что это утверждение В. Г. Руделёва касается имплозивной части слога – финали.

⁵² Старославянское слово *съ|нѣ|мѣ* (сов. *сон|мѣ*) не является контраргументом.

Фонологическое обоснование этого аналогично тому, что было сделано для правила-4» [Руделёв 2002 (1987):92]. Оно и понятно: звучность сонорных 3-4, а консонантов 1-2. В интервокальном положении слогораздел пройдёт по границе между сонорным и консонантом в соответствии с принципом «приоритета восходящей звучности».

Примеры слоγοотделения: *пал-ка, кир-ка, тол-па, кар-то-фель*, а также *ль-да, ль-ди-на, р-жи, л-гу*.

Возражение вызывает только членение *трой-ка*, основанное на недифференцированной трактовке /й/ просто как сонанта, не учитывающей глайдовую специфику, приводящую к позиционно обусловленной сонорности глайда. В позиции перед смычным консонантом глайд «ведёт себя» как фрикативный консонант. Поэтому наше слоγοделение иное: *тро-йка* = 245-125.

Правило-5 имеет дополнение (назовём его правило-5а): «Считать **импловивный** консонант после **импловивного** сонорного принадлежностью того же слога, которому принадлежит сонорный» [Руделёв 2002 (1987):92].

Это правило имеет у В. Г. Руделёва следующее фонологическое обоснование: в русском языке консонанты (Т) противопоставлены не-константам (не-Т) – сонорным и согласным. Маркированными, т. е. наиболее информативными в русском языке являются консонанты. А нейтрализация происходит в немаркированном (менее информативном) члене: [Т→не-Т].

Наше представление на этот предмет несколько иное. Имеется не одна, а две нейтрализуемые оппозиции: «*консонанты* (щелевые и смычные) (К) : *сонанты* (S)» и «*сонанты* (S) : *вокалы* (V)»; маркированными являются крайние члены оппозиции: «K→S←V». Каждый из сонантов имеет слогообразующие и неслогообразующие аллофоны. При этом аллофоны сонантов тоже маркированы. У глайдов {У-В} {И-Й} маркирована неслоговость, у соноров Р, Л, М, Н маркирована слоговость. Неслоговой аллофон глайда [В], будучи по сонорности равен носовым, и ведёт себя соответствующим образом, имея маркированный слоговой аллофон В-слоговой. Поэтому итоговое устройство бемольного глайда довольно сложно: {У←[В→Ф]←[В°→Ф°]}, ср. {И←Й}, {Р°→Р}, {Л°→Л}, {М°→М}, {Н°→Н}.

Приводя примеры слоγοделения на правило-5а: *скальд, морс, пульт, грунт*, – В. Г. Руделёв незаметно переходит от описания подсистемы исконной лексики к описанию подсистемы заимствованных слов. Отмечая зеркальную симметричность слогового типа ТРАРТ

(имплозия противопоставлена эксплозии), он делает интересное наблюдение над способностью слогов типа ТРАРТ видоизменять слоги иного типа: так, по аналогии со словами *грунт*, *фунт*, *бунт*, *кант*, *бант*, *рант*, *фант*, *франт*, *грант* заимствованные же *план*, *кран* в просторечии трансформируются в *плант*, *крант*, ср. уменьшительное *крантик* (при ожидаемом *краник*) и жаргонное *кранты* ‘конец!’ [Руделёв 2002 (1987):93]. Возможность такого явления объясняется, на наш взгляд, иноязычностью самой модели слога и соответствующих ей слов и стремлением говорящих эту иноязычность подчеркнуть. Нельзя сбрасывать со счетов и экспрессивность слогов этого типа.

«Правило-6: Консонант перед консонантом является **нейтральным** в смысле эксплозии-имплозии, т. е. не эксплозивным и не имплозивным, или одинаково – эксплозивным и имплозивным».

Это правило основано на неразличении внутри консонантов смычных и щелевых. А ведь для эксплозии-имплозии (в понимании Ф. де Соссюра⁵³) их различие принципиально: щелевые – р а з м ы к а т е л я р т а по природе (способу образования), тогда как смычные так и называются потому, что являются с м ы к а т е л я м и р т а.

Фонологическая методология, которой столь эффективно и убедительно пользуется В. Г. Руделёв, позволяет доказать, что в русском языке существует оппозиция С : Т⁺ (щелевые : смычные) и смычные являются маркированным членом этой оппозиции. Как справедливо пишет В. Г. Руделёв, «нейтрализация – хороший показатель не только оппозиции (можно считать, что нейтрализация – единственный показатель оппозиции⁵⁴), но и её строения. <...> ...архифонема... воплощается в собственном варианте немаркированной фонемы, который при нейтрализации становится общим для обеих фонем оппозиции» [Руделёв 1975:35].

Составляют ли смычные и щелевые оппозицию, а если да, то как доказать её нейтрализацию? На первый взгляд может показаться, что

⁵³ «Смыкание называют имплозией, а *размыкание* – эксплозией... В том же смысле можно говорить о звуках *затворных* и звуках *растворных*» [Соссюр 1977:88]. «Анализируя слог, как он дан в речевой цепочке, мы дошли до неразложимой единицы, до звука *растворного* и звука *затворного*» (курсив мой. – А. К.) [Соссюр 1977:94]. Отметим, что Соссюр различал степени раствора рта, весьма близкие к используемым в волновой теории весам звучности.

⁵⁴ В. Г. Руделёв имеет в виду самую важную для системы оппозицию – привативную.

нейтрализация смычных и щелевых осуществляется в аффрикатах, содержащих те и другие: Ц=ТС, Ч=ТЩ. Но это не нейтрализация, а видимость её – псевдонейтрализация: ср. приведённое выше определение. Можно ли считать аффрикату архифонемой? Вряд ли. Аффриката – это нормализованная аномалия, узаконенное беззаконие. В каком немаркированном варианте воплощается аффриката? Ни в каком. Следовательно, аффрикаты не могут быть нейтрализацией оппозиции «смычные : щелевые». Как говорится, «Федот, да не тот».

Рассмотрим пару *веду* : *везу* и инфинитивы *везти* : *вести* /в'и-с'т'и/. Оппозиция Т:С (смычный : щелевой) нейтрализуется в щелевом /С/. Форма оппозиции: Д→Т→С←З. Следовательно, смычный оппозиит маркирован, а щелевой – нет. Это показания языка, которые никакими приборами не опровергнуть⁵⁵. Позиция нейтрализации для оппозиции Т:С – это позиция перед смычным (Т). Маркированные же члены оппозиции в системе всегда «стоят» дороже, чем немаркированные. Ещё пример, оппозиция Т:С *паду* : *пасу* нейтрализуется в инфинитиве: *пасть* : «–В пастухи. Некому, говорит, *скотину пасть*. У него много: гуляк⁵⁶, овечки, козы» [Борис Екимов. Пиночет (1999)] (НКРЯ). $E[\partial]a \rightarrow \text{мясое}[m] \rightarrow e[c]ть \leftarrow \text{еси, суть}$.

Этот процесс не ограничивается зубными смычными, а распространяется на губные и заднеязычные: $грe[b]y \rightarrow грe[n] \rightarrow грe[c]ти$, $скре[b]y \rightarrow скре[n] \rightarrow скре[c]ти$. Форма оппозиции: Б→П→С←(З).

В словоформе *скрестись* наблюдаем нейтрализацию Б→С *скреби* : *скрести*. Ср.: *Скрестись их интересы, неизвестно, чья возьмёт*.

Ср. ещё примеры нейтрализации оппозиции Т:С у заднеязычных шумных: *мязок*→*мяжкий* /м'а $\underline{ж}$ 'ий/, *лэзок* → *лэжкий* /л'о $\underline{ж}$ 'ий/. Эта оппозиция имеет вид: Г→К→Х←(γ).

Итак, кроме нейтрализации по звонкости-глухости (Г→К) в русском языке имеется нейтрализация по способу образования (Т→С). Равно нелогично было бы как присваивать больший вес немаркированному члену оппозиции (щелевым), так и присваивать равные веса

⁵⁵ Тем самым снимаются возражения Г. М. Богомазова и других представителей ЛФШ о большей звучности щелевых по сравнению со смычными «по своим акустическим признакам» [Богомазов 2001:54]: акустика имеет дело с фонетикой и фонетическим слогом, а не с фонемическим. Лингвистам, полагающим, что фонему можно произнести, и невозможно считать иначе, невозможно абстрагироваться от акустики.

⁵⁶ **Гуляк** 3. Двухгодовалый жеребенок. *У меня жеребец-то на лето гуляк-ом пойдет*. Кадн. **Волог.**, 1855. **Волог.** [СРНГ, вып. 7:222].

маркированному и немаркированному члену оппозиции (смычным и щелевым).

Не различая внутри кластера типа КК С (щелевых) и Т (смычных), В. Г. Руделёв предлагает наряду с приемлемыми для нас слогоделениями: *вол-шб'а*, *'от-чим* – и неприемлемые: *о-ти'а* = 5-225 (платом звучности), *во-кз'ал* = 15-2154 (две вершины: /г/ и /а/), *н'ош-ка* = 351-25 (нарушен приоритет восходящей звучности). Наше слогоделение: *от-ца*, *вок-зал*, *но-шка*.

Выход из ситуации неопределённости В. Г. Руделёв находит в предложении Л. В. Щербы относить «спорный» согласный к ударному слогу: *вой-ск'а*, но *в'ойс-ко*. Необоснованность этого решения весьма убедительно раскрыл М. В. Панов [Панов 1999:33-34].

В итоге В. Г. Руделёв приходит к выводу, прямо противоположному мнению С. В. Кодзасова: «**в русском языке современного строя, как и в его диалектах, действуют строгие правила распределения фонем по слогам**» (выделено мной. – А. К.) [Руделёв 2002 (1987):95].

Отметим высокую степень согласия фонологической теории слога В. Г. Руделёва и волновой теории слога. Немногочисленные расхождения связаны преимущественно с недостаточной детальностью троичной классификации фонем. Из 6 правил слогоотделения В. Г. Руделёва в противоречие с волновой теорией слога вступает только последнее.

В Приложении к статье В. Г. Руделёв даёт «Классификационную схему русских синтагм⁵⁷» (табл. 17), построенную на пяти различительных признаках: РП-1 «отсутствие консонантной имплозии», РП-2 «отсутствие консонантной эксплозии», РП-3 «отсутствие сонорной эксплозии», РП-4 «отсутствие вокалического слогиносителя», РП-5 «отсутствие сонорной имплозии» и трёх классов фонем: Т – консонанты, Р – соноры и А – вокалы, включая вокалический нуль. Классификация содержит 14 типов слогов: Р, РА, РАР, ТА, ТАР, ТР, ТРА, ТРАР, РАТ, РАРТ, ТАТ, ТАРТ, ТРАТ, ТРАРТ [Руделёв 2002 (1987):98].

⁵⁷ «СИЛЛАБЕМА англ. syllabeme. Слог как фонологическая единица» [Ахманова 1966:403].

Классификационная схема русских слогов по В. Г. Руделёву

№		РП-1	РП-2	РП-3	РП-4	РП-5
1	Р	+	+	-	+	-
2	РА	+	+	-	-	+
3	РАР	+	+	-	-	-
4	ТА	+	-	+	-	+
5	ТАР	+	-	+	-	-
6	ТР	+	-	-	+	-
7	ТРА	+	-	-	-	+
8	ТРАР	+	-	-	-	-
9	РАТ	-	+	-	-	+
10	РАРТ	-	+	-	-	-
11	ТАТ	-	-	+	-	+
12	ТАРТ	-	-	+	-	-
13	ТРАТ	-	-	-	-	+
14	ТРАРТ	-	-	-	-	-

Резервы совершенствования классификации русских слогов видятся в увеличении типов фонем до 5: STNRA – и увеличении числа позиций эксплозии (инициали) до 4. Это позволит интерпретировать слоги типа *страх, строй, сбрызнуть, стре-ла, здра-ви-е* и т. д. Сам факт наличия классификации русских слогов – серьёзный теоретический результат, достойный вузовских учебников русского языка.

Фонологическая теория слога проф. В. Г. Руделёва получила развитие у его ученика – проф. А. Л. Шарандина [Шарандин 2006], к взглядам которого на слог мы и переходим.

Излагая свою версию фонологической теории слогоделения, А. Л. Шарандин поднимает интересный вопрос: «следствием какого процесса является “закон выравнивания звучности”, в соответствии с которым “звонкий консонант перед глухим оглушается, а глухой консонант перед звонким озвончается»? [Шарандин 2006:175-176]. О процессе контактной регрессивной ассимиляции русских согласных по глухости-звонкости можно прочесть в любом учебнике. Но трудно найти учебник, в котором бы раскрывались причины этого явления.

А между тем ответ прост. Если конец слова – слабая позиция по глухости-звонкости, а начало слова – сильная позиция, то на границах слов возможно соседство глухих и звонких согласных.

В исполнении В. И. Самойлова [Самойлов 2002] во всех приводимых ниже примерах на границах полнозначных слов соседствуют глухой и звонкий согласный.

«Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? (Пушкин, Выстрел). Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. (Пушкин, Метель). – Жадрино-то далеко ли? <...> – Недалече; верст десяток будет (Пушкин, Метель). ...не знаю, как зовут деревню, где я венчался (Пушкин, Метель). Лет двадцать пять служил он в сем звании верой и правдою, как почталион Погорельского. (Пушкин, Гробовщик). ...посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. (Пушкин, Барышня-крестьянка). ...навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. (Пушкин, Барышня-крестьянка). Чему смеются басурмане? разве гробовщик гаэр святочный? (Пушкин, Гробовщик). дьячок гасил свечи (Пушкин, Станционный смотритель). Стол был накрыт, завтрак готов... (Пушкин, Барышня-крестьянка). Григорий Иванович был близкой родственник графу Пронскому... (Пушкин, Барышня-крестьянка). Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. (Пушкин, Метель)».

Ещё один пример на соседство С и З: «Прости, светило дня, прости, небес завеса» (Пушкин, Элегия).

Соседство глухих и звонких является пограничным сигналом (внешним сандхи), маркирующим границу между словами. Соответственно, отсутствие такого контраста является показателем внутреннего пространства слова (внутренним сандхи). Таким образом, ассимиляция соседних согласных по глухости-звонкости является внутренним сандхи – «цементом», скрепляющим морфемы в слова.

А. Л. Шарандин рассматривает два ответа на свой вопрос: взаимодействие звуков в слоге или взаимодействие слогов в составе слова [Шарандин 2006:176]. Оба случая покрываются третьим ответом: *взаимодействие звуков в составе слова*. Выбор первого ответа (взаимодействие звуков в слоге, точнее – в инициали слога⁵⁸) приводит как

⁵⁸ Ср.: /згн'иф/ – деепричастие от глагола *сгнуть* или /зб'ит' / *сбить*: глупая финаль при звонкой инициали.

к верным членениям: /ска-ска/, го-сти, зво-зди, так и к ошибочным: вокзал /ва-зз'ал/ = 15-2154 – с двумя вершинами во втором слоге или шубка /ш'у-пка/ = 15-225 – с плато звучности во втором слоге.

«Что же касается сочетания двух соноров, – пишет А. Л. Шарандин, – то ... соноры оформляют имплозию одного и эксплозию другого». [Шарандин 2006:177]. Это положение наряду с безупречными членениями: вол-н'а, к'ар-ма, в'ил-ла – порой приводит к спорным: д'ом-ра, с'ум-рак, м-рак» [Шарандин 2006:177–178]. В таком случае представляется допустимым апеллировать к «прецедентному» принципу слогоделения «от противного»: встречаются ли в начале русских слов последовательности типа RNA: рнV, рмV, лнV, лмV? Да, конечно: в аббревиатуре РНК, произносимой /эрэнк'а/ и в двух корнях, содержащих беглый гласный: льны-лён, льнуть-лигнуть.

Прямые свидетельства на последовательность NRA: мраз, мразь, мрак, мрамор, мрежа, мреть; млад, млат, млеко; нрав. Все эти корни имеют южнославянское (церковнославянское происхождение), но, поскольку русский литературный язык является симбиозом церковнославянского языка и восточнославянского среднерусского говора Москвы, слова с этими корнями не могут быть изъяты из русского литературного языка.

Таким образом, примеров на RNA в начале русского слова нет, тогда как примеры на NRA имеются. Это ещё один аргумент в пользу принятия большего веса сонорности для плавных и меньшего для прочих неслоговых сонантов. Тут мы согласны со всеми: от О. Есперсена до Л. В. Бондарко и М. В. Панова 1995 года.

Как и мы, А. Л. Шарандин не принимает в концепции В. Г. Руделёва Правило-6: «Конечно, можно принять данное решение, но оно не оказывается однопорядковым по сравнению с позициями, не учитывавшими место ударения. На наш взгляд, целесообразно решение, согласно которому консонант можно считать, независимо от места ударения, эксплозивным или имплозивным» [Шарандин 2006: 175].

Исходя из высказывания М. В. Панова: «Фонологический подход к слогу возможен и, думается, плодотворен» [Панов 1995:39], – А. Л. Шарандин ставит интересный вопрос: «...если сонорность целесообразно рассматривать фонологически, то тогда почему данная теория не считается изначально фонологической, а предполагается соединение двух подходов – фонетического, основанного на понимании сонорности в её традиционном варианте, и фонологического, когда сонорность не позволяет игнорировать функционально значимые

единицы, обусловленные фонологической системой русского языка» [Шарандин 2006:173]? «На наш взгляд, – продолжает А. Л. Шарандин, – фонологическое обоснование слогораздела оказывается наиболее объективным критерием, поскольку фонология обуславливает реализацию собственно лингвистического подхода в фонетике. Для этого целесообразно связать сонорность (звучность) с фонологической её интерпретацией» [Шарандин 2006:174].

Мы целиком солидарны с этой позицией: теория сонорности и фонологическая теория слогаделения В. Г. Руделёва описывают одну и ту же реальность и приходят, в сущности, к одинаковым результатам. Но к сходным результатам они приходят с разных сторон. Теория волны сонорности идёт от слога с восходящей звучностью инициали слога и нисходящей звучностью финали. А фонологическая теория идёт от последовательности неслоговых звуков между двумя слоговыми (или между слоговым и началом/концом слова), которую надо разбить на две части: имплозивную, относящуюся к финали предшествующего слога, и эксплозивную, относящуюся к инициали слога последующего.

Поскольку обе являются теориями фонологического (точнее – фонемического) слога, они оказываются взаимно обратимы.

Особо ценно, что обе теории не дублируют аргументацию, а предлагают каждая свою, тем самым усиливая общую концепцию.

Коррективы, которые необходимо внести в фонологическую теорию слогаделения, минимальны: правило-1 (противопоставляются и объединяются в слоги SA, TA, NA, RA неслоговые и слоговые звуки), правило-2 (противопоставляются и объединяются в слоги SRA, SNA, TRA, TNA консонанты и сонанты) и правило-5 (R/N-S/T: сонанты перед консонантами являются имплозивными) принимаются без изменений, правило-4, касающееся интерпретации неслоговых аллофонов сонантов, уточняется (Плавный сонант перед сонорным является имплозивным, не-плавный сонант перед плавным является эксплозивным). Правило-3 посвящается интерпретации сочетаний шумных согласных (T-S и ST: смычные перед щелевыми являются имплозивными, щелевые перед смычными – эксплозивными). Правило-6 трактует участки равной звучности (R перед R, N перед N, T перед T и S перед S являются имплозивными). Соответственно, трёхчленная классификация фонем (на своих собственных принципах и основаниях) трансформируется в 5-членную, что, как следствие, увеличивает и детализирует классификацию синтагм.

«Поэтому, думается, говоря о плодотворности фонологического подхода к слогу и слогоделению, М. В. Панов был прав. Но вряд ли можно было с ним согласиться в оценке этого подхода как дополнительного к сонорной теории слогоделения. Они, скорее всего, нерас-торжимы, образуя единство» [Шарандин 2006:180].

Глава 8

ТИПЫ РУССКИХ СЛОГОВ (СЛОГОТИПЫ)

Информация о типах русских слогов высшей степени обобщения (будем их далее называть *слоготипами*) – в категориях неслоговой – с/С, слоговой – Г/У – в некоторых учебниках уже есть.

Двоичная (в терминах «Г-с», т. е. «гласный (вокал) – согласный (консонант)») классификация слогов, исходящая «из 25 теоретически возможных структурных типов слогов» длиной от 1 (*а*) до 7 (*всплеск*) звуков с количественными данными по МАСу-1 (т. е. в языке, а не речи), изложена в учебном пособии для учителей А. И. Моисеева [Моисеев 1980:72–73]. Данные по 3150 односложным словам представлены наиболее частотными типами.

На самом деле при максимальном слоге в 7 звуков и двух классах звуков (гласные «Г» и согласные «С») – теоретически возможно 28 типов слогов, из которых практически реализовано 20 (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

№	Звуков	Тип	Доля в словаре, %	Част. абсол	Примеры
1	2	3	4	5	6
1	1	Г			а, о, у, и, э; А-ист, по-Э-тому, А-ист, па-У-тина
2	2	СГ			на, мы, ты, да, но, па, по, пэ; ВО-ДА, СЕ-ЛЮ, БО-ЛЮ-ТО
3	2	ГС			ад, из, ил, ишь, он, ум; по-ЭТ, па-Ук, ОР-ган
4	3	ГСС			акт, альт, иск, уст, изб; геро-ИЗМ
5	3	СГС	30,5	960	бак, бязь, вал, вес, дом, сом, сон, сад; ПАР-та, за-ВОД, РАС-ХОД
6	3	ССГ	3,8	120	бра, все, где, два, кто, сто; у-ТРО

О к о н ч а н и е т а б л. 18

1	2	3	4	5	6
7	4	ГССС			астр, искр, остр
8	4	СГСС	14,6	460	борщ, ветвь, жизнь, мудр, мост; за-ВИСТЬ, но-ВОСТЬ, про- ЦЕНТ, во-ЛОСТЬ
9	4	ССГС	31,7	1000	блин, бьют, взор, выюк, гнев, трон, слой; па-СТУХ, гу-ДРОН, па-ТРОН
10	4	СССГ			мгла, мзда, ткни, ткну; за-ТКНИ, бы-СТРО, Мо-СКВА
11	5	ГСССС			—
12	5	СГССС			быстр, горсть, жертв, верст, фильтр, центр; ка-ДАСТР
13	5	ССГСС	5,7	180	блеск, плеск, треск, гроздь, грусть, дрозд, злость, столб; про-БЛЕСК
14	5	СССГС	5,4	170	вклад, мстить, страх; ото- МСТИТЬ, соц-СТРАХ
15	5	ССССГ			ВСТРЕ-ча
16	6	ГССССС			—
17	6	СГСССС			монстр, царств, черств; мы- ТАРСТВ, ла-КОМСТВ, пра- ви-ТЕЛЬСТВ
18	6	ССГССС			спектр, сфинкс
19	6	СССГСС			взвизг, вскользь, мглист, страсть
20	6	ССССГС			взгляд, вскрыть, всплыл, всхлип
21	6	СССССГ			—
22	7	ГСССССС			—
23	7	СГССССС			—
24	7	ССГСССС			братств; у-БРАНСТВ
25	7	СССГССС			—
26	7	ССССГСС			взблеск, всплеск
27	7	СССССГС			—
28	7	ССССССГ			—
Всего			100	3150	

Надо отдать должное А. И. Моисееву. Он занялся исследованием слога, не прибегая к насилию над языком, а обратившись к одновокальным (содержащим один гласный) словам. Более наглядной демонстрации несостоятельности «прецедентного метода слогаделения», чем данная таблица, трудно себе представить⁵⁹.

Ещё одно исчисление типов русских слогов, представленное в вузовском учебнике, принадлежит Р. К. Потаповой, выделяющей в русском языке 18 подтипов слогов, объединённых в 4 типа.

«1. Полностью открытый слог состоит только из одного гласного (*и, у*) и поэтому не имеет никаких разновидностей.

1. Полностью закрытый слог имеет 10 подтипов:

- 1.1. CVC – нет
- 1.2. CVCC – факт
- 1.3. CVCCC – текст
- 1.4. CCVC – пруд
- 1.5. CCCVC – встать
- 1.6. CCVCC – штамп
- 1.7. CCVCCC – сфинкс
- 1.8. CCCVCC – впрямь
- 1.9. CVCCCC – (ле)карств
- 1.10. CCVCCCC – графств

2. Прикрытый в начале слог имеет 4 подтипа:

- 2.1. CV – но
- 2.2. CCV – дно
- 2.3. CCCV – мзда
- 2.4. CCCC – встре(тить)

3. Прикрытый в конце слог имеет три разновидности:

- 3.1. VC – ил
- 3.2. VCC – акт
- 3.3. VCCC – Омск» [Златоустова 1997:219–220].

⁵⁹ Для полноты картины можно привести диалектное односложное слово структуры *сссссГс* *взбзднуть* (его производящее *бзднуть*, однократное к *бздыть*, представлено в словаре [Даль (Бодуэн) Т.1:210].

Глава 9

КЛАССИФИКАЦИЯ СИЛЛАБЕМ В ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА⁶⁰

Предложим классификацию силлабем⁶¹ исходя из пяти множеств фонем в русском языке: STNRA = 12345, где S – фрикативные, N – эксплозивные с аффрикатами, N – носовые сонанты и неслоговые глайды, R – плавные сонанты, A – гласные (включая нулевой и слоговые варианты сонантов), – и определим функциональную нагрузку на силлабемы исходя из их частотности в речи.

Объектом исследования послужила электронная версия Собрания сочинений И. А. Бунина размером в 755 026 слов (размер исходного файла в формате txt – 5175 656 байт).

Исследование показало, что **русский слог** содержит не более 4 звуков в инициали и 2 – в фонетической финали, 1 – в фонемиче-

⁶⁰ Здесь необходим терминологический комментарий. Дефиниция «СИЛЛАБЕМА Слог как фонологическая единица» [Ахманова 1966:403] оставляет простор для трактовок. Целесообразно осмыслить этот термин на фоне устоявшейся системы терминов. *Фон* (этическая единица речи) – *фонема* (эмическая единица языка), *морф* (этическая единица речи) – *морфема* (эмическая единица языка), *слог/силлаб* (этическая единица речи) – *силлабема* (эмическая единица языка). Так, словоформа о|су|ще|СТВЛЯТЬ содержит слог /ствл'Аг²/, представляющий *силлабему* STNRAT = 123452, которая, в свою очередь, представляет *слоготип* (тип слога) sсссГс = CCCCVC. *Силлабема* беднее содержанием, чем *слог*, но богаче, чем *слоготип*, являющийся высшим уровнем обобщения *слов*.

(Ранее, вслед за З. Д. Поповой, мы называли *силлабемой* простейшую разновидность группофонемы типа СГ [Кретов-Попова 1996], что позволяет объяснить позиционную обусловленность дизности неслоговых звуков в русском слоге, но вызывает затруднения при морфемном анализе русских словоформ).

⁶¹ На первом этапе различение исконной и заимствованной лексики не производится. Предварительный анализ слоготипов в исконных и заимствованных словах представлен в разделе «Прецедентный метод слогоделения».

ской. т. е. имеет структуру $I_4-I_3-I_2-I_1-M-\Phi_1-(\Phi_2)$ (I – инициаль, M – медиаль, Φ – финаль слога). При этом русский слог содержит более 6 фонем, а количество фонем в инициали превышает количество единиц в финали не более чем на 3.

В исследованном корпусе встретилось всего два случая, не вписывающихся в эту структуру.

Во-первых, это греческое заимствование *сфинкс* с 3 звуками в финали, но с 2 фонемами, если вспомнить, что в языке-источнике *кс* является аффрикатой, передающейся на письме специальной буквой (ξ – кси).

Во-вторых, это слоги */ствл'ал/* (*о-су-ще-ствлял*), */ствл'он/* (*о-су-ще-ствлён*), */ствл'ай/* (*о-су-ще-ствляй*) и */ствл'ат'/* (*о-су-ще-ствлять*) с 4 фонемами в инициали.

Расширять финаль ради заимствованного слова, да ещё и с аффрикатой на конце нет смысла: наша конечная цель – **описать русские слоги**, т. е. слоги русских слов, а не слоги иноязычных слов, употребляемых русскими в речи (такое описание принципиально бесконечно). Заимствования из разных языков представляют особые фонетические и фонематические подсистемы и должны описываться отдельно, как это давно уже делается в японской лингвистической традиции.

Расширять модель слога ради «нереализованных потенциалов системы» было бы неоправданным педантизмом. Рациональнее прибавить к 125 теоретически возможным синлабам 3 реализованные (STNRAT = 123451, STNRAN = 123451, STNRAR = 123454) и сказать, что в русском языке теоретически возможно 128 синлабам.

Воспользуемся классификацией Р. К. Потаповой [Златоустова 1997:219] для разбиения синлабам на типы, отметив, что её классификация, в основном, совпадает с классификацией А. И. Моисеева. Поскольку 19 синлабам (одна – 3-фонемная, две – 4-фонемные, и 16 – 5-фонемных) не нашли подтверждения в обследованном материале, реально представленными в обследованном нами материале являются 109 синлабам, включая не вошедшие в таблицу STNRAR, STNRAN и STNRAT.

Общее количество обследованных слогов: 1605 069.

1. Полностью открытый тип (*стоящий*): А – 5,9 % в корпусе; 1 синлабам (табл. 19).

Т а б л и ц а 19

№	Длина	Силлабема	Слог	Доля в силлабеме, %
1	1	А	и	49,126
1	1	А	о	31,114
1	1	А	а	8,990
1	1	А	э	8,429
1	1	А	у	2,339
1	1	А	ы	0,002

2. Полностью закрытый тип (*восходяще-нисходящий*): 100 силлабем (табл. 20).

Т а б л и ц а 20

№	Длина	Силлабема	Слог	Доля в корпусе, %
1	2	3	4	5
1	3	SAS		1,30958
2	3	SAT		1,15302
3	3	SAN		1,06591
4	3	SAR		1,12539
5	3	TAS		1,66179
6	3	TAT		1,64111
7	3	TAN		1,40729
8	3	TAR		1,53542
9	3	NAS		1,02494
10	3	NAT		0,42456
11	3	NAN		0,50649
12	3	NAR		0,39448
13	3	RAS		0,74680
14	3	RAT		0,50677
15	3	RAN		0,33363
16	3	RAR		0,13377
17	4	STAS		0,40964
18	4	STAT		0,07435
19	4	STAN		0,21382
20	4	STAR		0,22117

Продолжение табл. 20

1	2	3	4	5
21	4	SNAS		0,19747
22	4	SNAT		0,06780
23	4	SNAN		0,07492
24	4	SNAR		0,15058
25	4	SRAS		0,06922
26	4	SRAT		0,07891
27	4	SRAN		0,05959
28	4	SRAR		0,01293
29	4	TNAS		0,28430
30	4	TNAT		0,05760
31	4	TNAN		0,10363
32	4	TNAR		0,12483
33	4	TRAS		0,21815
34	4	TRAT		0,27432
35	4	TRAN		0,18949
36	4	TRAR		0,04780
37	4	NRAS		0,00598
38	4	NRAT		0,01384
39	4	NRAN		0,00593
40	4	NRAR		0,00046
41	4	SATS		0,00011
42	4	SANS		0,00103
43	4	SANT		0,00598
44	4	SARS		0,00900
45	4	SART		0,03384
46	4	SARN		0,04905
47	4	TATS		0,00006
48	4	TANS		0,00011
49	4	TANT		0,01430
50	4	TARS		0,00148
51	4	TART		0,02672

Продолжение табл. 20

1	2	3	4	5
52	4	TARN		0,00399
53	4	NATS		0,00017
54	4	NANS		0,00006
55	4	NANT		0,00587
56	4	NARS		0,00479
57	4	NART		0,00239
58	4	NARN		0,00006
59	4	RATS		0,00017
60	4	RANS		0,00028
61	4	RANT		0,00444
62	4	RARS		–
63	4	RART		0,00006
64	4	RARN		–
65	5	STATS		0,00011
66	5	STANS		–
67	5	STANT		0,00137
68	5	STARS		0,00006
69	5	START		0,00308
70	5	STARN		0,00023
71	5	SNATS		0,00006
72	5	SNANS		–
73	5	SNANT		0,00011
74	5	SNARS		0,00080
75	5	SNART		0,00239
76	5	SNARN		0,00285
77	5	SRATS		–
78	5	SRANS		0,00023
79	5	SRANT		0,00256
80	5	SRARS		–
81	5	SRART		–
82	5	SRARN		–

Окончание табл. 20

1	2	3	4	5
83	5	TNATS		–
84	5	TNANS		0,00006
85	5	TNANT		0,00006
86	5	TNARS		0,00040
87	5	TNART		0,00068
88	5	TNARN		–
89	5	TRATS		0,00017
90	5	TRANS		0,00028
91	5	TRANT		0,00120
92	5	TRARS		–
93	5	TRART		–
94	5	TRARN		–
95	5	NRATS		–
96	5	NRANS		–
97	5	NRANT		0,00017
98	5	NRARS		–
99	5	NRART		–
100	5	NRARN		–

3. Прикрытый в начале тип (*восходящий*): 14 силлабем (табл. 21).

Т а б л и ц а 21

№	Длина	Силлабема	Слог	Доля в корпусе, %
1	2	SA		17,34160
2	2	TA		20,07653
3	2	NA		10,27763
4	2	RA		6,61194
5	3	STA		2,89440
6	3	SNA		1,63091
7	3	SRA		1,13342
8	3	TNA		1,28759
9	3	TRA		3,46424

Окончание табл. 21

1	2	3	4	5
10	3	NRA		0,10380
11	4	STNA		0,41140
12	4	STRA		0,46832
13	4	SNRA		0,02085
14	4	TNRA		0,00405

4. Прикрытый в конце тип (*нисходящий*): 10 сллабем (табл. 22).

Т а б л и ц а 22

№	Длина	Сллабема	Слог	Доля в корпусе, %
1	2	AS		0,37426
2	2	AT		0,50324
3	2	AN		0,58699
4	2	AR		0,07914
5	3	ATS		–
6	3	ANS		0,00011
7	3	ANT		0,00011
8	3	ARS		0,00006
9	3	ART		0,00046
10	3	ARN		0,00006

Глава 10

ПРИЛОЖИМОСТЬ «ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ СЛОГА» К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ⁶²

Выше синдигматическая версия «волновой теории слога» рассматривалась исключительно на материале исконной русской лексики, в связи с чем возникает естественный вопрос о её разрешительной силе. Начнём с того, что «волновая теория слога», как отмечалось выше, изначально возникла и позиционировалась О. Есперсенем как универсальная теория и была перенесена на русский материал с германских языков.

Это обстоятельство даёт основание предполагать, что синдигматическая версия «волновой теории слога» может быть применена не только к русскому языку.

В частности, исследования Ю. А. Филипацци (Стуликовой) [Стуликова 2009; Филипацци 2010а, 2010б, 2011а, 2011б, 2012, 2013, 2014] свидетельствуют о применимости этой концепции к итальянским диалектам, латинскому языку и, по-видимому, романским языкам в целом.

В качестве примера рассмотрим строение слога в латинском языке [Филипацци 2012].

Модель латинского слога была предложена Е. Д. Панфиловым в его последней монографии 1994 года «Место слога в словоформе», посвященной исследованию силлаботактики классической латыни [Панфилов 1994]. Одним из критериев слогоделения, на которых основывался исследователь, является «важнейший фонотактический закон латинского языка», состоящий в «необратимости консонантных последовательностей, составляющих начало или конец слога». Например, *sp-*, но не *ps-*, *-st*, но не *-ts*. А потому, в частности, словоформа *scripsi* должна быть разбита на слоги как *scrip-si*, но не *scri-psi*, так как

⁶² Этот раздел написан в соавторстве с Ю. А. Филипацци [Филипацци 2012].

в этом случае пришлось бы «считать допустимой начально-слоговую “перевернутую” консонантную группу ps-» [Панфилов 1994:8–9].

Здесь требуется внести ясность: очевидно, имеется в виду невозможность использования прямой и перевернутой последовательности согласных одновременно в одной и той же позиции слога, но можно – в разных, например, в начальной: *ps-, но spectrum, *ks-, но skutum, *ts-, но stirps (начально-слоговые сочетания ps- и ks- знакомы латыни как заимствования из греческого, сочетание же ts- неизвестно ей вовсе). Что же касается конца слога: есть merks, но нет *-sk, есть stirps, но нет *-sp, нет *-ts, но есть -st (est, post и др.).

Наличие слогов типа sk-/ks, sp-/ps не противоречит модели слога, основанной на восходяще-нисходящей шкале звучности фонем: «наиболее звучные являются слогиносителями, наименее звучные определяют границы слога, являются “слогоделителями”» [Лекомцева 1968:15]. Однако консонантная последовательность /st/ выбивается из только что проиллюстрированного правила: запрет на употребление в начале и в конце является взаимно обратным для сочетаний sp/ps и sk/ks, но не является таковым для сочетания -st, так как в обеих позициях может использоваться только st и никогда ts, безотносительно к его позиции в слоге. Иначе говоря, для сочетания st позиция начала слога ничем не отличается от позиции конца слога, что само по себе удивительно. Этот факт не был никак прокомментирован Е. Д. Панфиловым, а между тем, здесь мы, вероятно, столкнулись с особым случаем, который не может быть подведен под общую схему и требует отдельного рассмотрения.

Приемлемая трактовка конечно-слогового сочетания -st может быть получена, если предположить для слов, в составе которых оно присутствует, наличие нулевого вокала. Так, для формы 3-л. ед.ч. ēst глагола esse 'быть' может быть гипотетически восстановлена предшествующая стадия *esse-t, в которой произошла синкопа краткого /e/: essØ-t, а в дальнейшем редуцировался и /ss/, который уже не был интервокальным, дав e-sØt. В случае если в ходе этимологического анализа будет установлено наличие нулевого гласного после /t/, что даст отдельный слог -tØ, то /s/ должен отойти к нему: -stØ. Это дает два варианта трактовки конечно-слоговой последовательности -st: -sØt и -stØ.

Такой интерпретации, однако, противоречит понимание Е. Д. Панфиловым места /s/ в слогоразделе латинского слова, разбирая который, исследователь опирался на данные латинского стихосло-

жения и переносы слогов, зафиксированные в латинских надписях. Его вывод таков, что /s/ в сочетаниях с другими согласными мог начинать слог в начальной позиции, но в срединной не отходил к следующему слогу: *pe-des-ter*, *au-gus-ta-les*, за исключением кратких форм перфекта 2-го л. ед. и мн. ч.: *ama-sti*, *ama-stis*, в которых синкопа срединного слога /-vi-/ могла произойти только в случае деления на слоги *a-ma-vi-sti* [Панфилов 1994:10]. Первое возражение такому подходу состоит в том, что деление на слоги в данном случае подчиняется не какому-то единому и универсальному принципу, а зависит от нескольких условий, например, от того, является ли словоформа краткой формой перфекта или нет. Другое возражение состоит в том, что так исследователь получает разные последовательности фонем в слоге для начала и середины слова, что само по себе едва ли оправдано, если исходить из изоморфности строения латинского слога и слова.

Рассмотрим конкретный пример *pēdester*. Оценка долготы латинского слога производилась говорящими по последнему звуку в слоге: если слог оканчивался на краткий гласный, то слог воспринимался как краткий, а если на долгий или дифтонг – то и слог, соответственно, был долгим; в случае, если слог оканчивался на согласный, он всегда воспринимался как долгий, независимо от долготы гласного в слоге [Boldrini 2006:13]. Наличие же и количество согласных в позиции перед вершиной слога не влияло на долготу последнего. В силу этого закона, латинский язык «изгонял» долготы в закрытых слогах (*amāre* → *amāntis*), в последнем закрытом слоге (*amāt*), или удлинял их там, где требовалось сохранение веса слога [Белов 2005:15]. С количественной точки зрения (точки зрения латинского стихосложения) слово *pēdester* с кратким срединным /e/ может быть разделено на слоги как *pē-des-ter*, но не как *pē-de-ster*, ведь во втором случае слог /de/ должен был понести долготу, хотя в латыни допустимо также существование открытого слога с кратким ударным гласным (ср. *āvis*, *pēdis*). Тем более что артикуляционная «правда», скорее всего, располагается где-то посередине: /s/ удлиняется и распределяется между двумя слогами (*pe-des-ster*), как можно судить по современному итальянскому произношению слова *pedestre*. Всё же возникает вопрос, насколько правомерно использовать количественный критерий, применяемый в стихосложении, в решении лингвистических вопросов, если он носит вспомогательный и преимущественно практический характер?

Не совсем чёткая апелляция к количеству встречается у Е. Д. Панфилова также при интерпретации вершины латинского слога, в ко-

торой он выделяет две синтагматические позиции. Правую позицию занимают дифтонг и краткий монофтонг, обладающие различной консонантной валентностью в пределах конца слога: краткий гласный может соединяться на синтагматической оси с согласными всех консонантных позиций, тогда как справа от дифтонга первая консонантная позиция не может быть занята (позицию, которую не может занимать согласный, Е. Д. Панфилов обозначил как «инфицированную» знаком «+»). Левая позиция вершины слога была введена исследователем дополнительно специально для долгих монофтонгов, чья правая валентность (позиция, занимаемая в схеме кратким монофтонгом и дифтонгом) помечена как инфицированная, «потому что её нельзя занять никаким дифтонгом или кратким монофтонгом (в слогe только одна вершина), а потому нельзя считать пропущенной» [Панфилов 1994:17–18].

Уместен вопрос следующего плана: если речь идёт о занятии позиции в рамках того же слога, то следует признать «инфицированность» позиции также слева от краткого монофтонга либо считать данную позицию пропущенной как нереализованное двойное количество гласного. То, что в схеме Е. Д. Панфилова, основанной на количестве гласного, долгий монофтонг фактически и виртуально занимает левую и правую позиции, должно, вероятно, предполагать наличие, отсутствие, инфицированность или пропуск левой позиции перед кратким гласным, иначе как интерпретировать оставшееся свободное пространство в слогe? В этом случае позиция справа от долгого гласного должна считаться не столько инфицированной, сколько фактически занятой этим же долгим монофтонгом, а краткий монофтонг и дифтонг следовало бы расположить на схеме в левой позиции, в условном начале вершины латинского слога, что больше соответствовало бы направлению экспансии или, наоборот, редукции количества гласного в рамках слога. То, что дифтонг был помещен на той же оси синтагматики, что и краткий монофтонг, также вызывает недоумение, поскольку тем самым вовсе игнорируется его долготная характеристика, несмотря на то, что количество дифтонга так же влияет на вес слога, как долготы монофтонга.

Нечеткость расположения гласных в синтагматической модели приводит исследователя к желанию заполнить пустое пространство слева от гласных: «в неприкрытых слогах ближайшим соседом слева от краткого монофтонга и дифтонга является позиция -1, относящаяся к зоне гласных, а ближайший сосед слева от долгого монофтонга – это

позиция -2, относящаяся к зоне согласных. Учитывая данное различие, можно условно называть начало неприкрытых слогов с долгими монофтонгами *нулевым согласным*», место которого «на синтагматической модели – это позиция -2, где он стоит в одном парадигматическом ряду с согласными /h/, /j/, /l/, /m/, /n/, /r/, /v/» [Панфилов 1994:28]. Следуя этой логике, однако, пустое пространство перед кратким гласным и дифтонгом тоже следует как-то обозначить, например, нулевой гласный. Если же его не обозначать, то не стоит вводить и новую структурную единицу – нулевой согласный.

Все эти критические замечания не отменяют ценного результата, полученного Е. Д. Панфиловым, а именно введения двух позиций гласного в вершину латинского слога (в его схеме они обозначены как V-1 и V0, так как он ведёт обратный отсчет от конца слога) [Панфилов 1994:21]. По нашему представлению, позиция вершины латинского слога должна иметь вид A(A), без нумерации, так как сама вершина и есть точка отсчета, где A – символ гласного, взятый в скобки, будет обозначать дополнительное количество вокального элемента (тем самым будет учтена двумерность ядра латинского слога). При таком подходе мы получим новую репрезентацию в частности следующих слов (табл. 23; последняя строка приводит пример слога с долгим монофтонгом в вершине, взятый у автора без изменений):

Т а б л и ц а 23

Новое представление вершины латинского слога

		A	(A)				Пример
		a	e				ae tas
		a	u	+	g		aug mentum
		a	e	-	-	s	aes
p	r	a	e				prae
		ǎ	-	r	-	s	ars
	j	ǎ	-	m			jam
	n	ō	+	n			non

Чтобы рассмотреть согласные, обратимся полностью к разработанной исследователем синтагматической модели слога, включающей, помимо вокальной вершины, взятой за точку отсчета, начальную- и конечно-слоговые консонантные позиции, обозначенные соответственно символами C-4, C-3, C-2 и C+1, C+2, C+3, C+4 [Панфилов

1994:21). Позиция C-1 в его репрезентации отсутствует, так как первая позиция справа от нулевой занята долгим монофтонгом – V-1, о чем говорилось выше. Для удобства рассмотрения приведем полностью предлагаемую им схему (табл. 24).

Т а б л и ц а 24

Синтагматическая модель латинского слога по Е. Д. Панфилову

C-4	C-3	C-2	V-1	V0	C+1	C+2	C+3	C+4
s	b	h	ā	ǎ	b	k	s	t
	k	j	ē	ě	d	f		
	d	l	ī	ĭ	l	g		
	f	m	ō	ǒ	m	p		
	g	n	ū	ŭ	n			
	gw	r		ae	r			
	p	v		au				
	kw							
	t							

Итак, синтагматическая модель латинского слога у Е. Д. Панфилова насчитывает 9 позиций: 3 начально-слоговые, 2 позиции вершины, 4 конечно-слоговые [Панфилов 1994:20]. В своем анализе исследователь скрупулезно следовал за языковым материалом и стремился избежать «рваных секвенций», однако сам признал, что «позиции синтагматической модели латинского фонологического слога не удастся расчленить на три резко отграниченные друг от друга зоны... начала ...могут вторгаться в зону -1, 0, затрагивая позицию -1. Конец тоже может вторгаться в эту зону, затрагивая позицию 0» [Панфилов 1994:27]. Впрочем, не это, на наш взгляд, является подлинной проблемой данной модели: больше вопросов вызывают фонемы, помещённые в различные ее позиции, не только в количественном отношении (дифтонг, краткий монофтонг, долгий монофтонг), но и в качественном (консонантные ряды).

Строение слога как базовой единицы речи отвечает принципу «члены одной парадигмы не образуют синтагмы, а члены одной синтагмы принадлежат разным парадигмам» [Кретов 2010:17]. Описание слога, представляющего собой синтагму, не может игнорировать системную характеристику фонем, которые должны быть членами разных парадигм [Кретов 2010:21]. (Вспомним *синдигма-*

тическую классификацию русских фонем, данную выше, в главе 3 настоящей монографии, в виде табл. 8.) В русском языке таких парадигм пять: S-T-N-R-A (S – согласные фрикативные, T – согласные взрывные, N – не-плавные сонанты, R – плавные сонанты, A – гласные и слоговые сонанты), имеющих условные веса: 1-2-3-4-5, соответственно.

У Панфилова синтагматические позиции согласных наполнены неоднородными с точки зрения их фонологической природы элементами: в позиции C-4 отсутствуют сибиланты /f/, /h/; в позиции C+1 фигурируют «лишние» смычные /b/ и /d/; в позиции C+2 наряду со смычными участвует сибилант /f/. Если, абстрагируясь от возможных лакун, мы примем за исходный постулат то, что каждой позиции в слоге соответствуют согласные определенного класса звучности, то модель Е. Д. Панфилова должна быть изменена следующим образом (здесь же учтено новое расположение гласных в вершине слога) – табл. 25.

Т а б л и ц а 25

Синдигматическая модель латинского слога

C-4	C-3	C-2	V-1	V0	C+1	C+2	C+3	C+4
s	b	j	ā	+	l	k	s	*t
f	k	l	ē	+	m	g	f	
h	d	m	ī	+	n	p		
	g	n	ō	+	r	b		
	gw	r	ū	+		d		
	p	v	ǎ	-				
	kw		ě	-				
	t		ĩ	-				
			ö	-				
			ÿ	-				
			a-	-e				
			a-	-u				

Разумеется, при таком подходе количество лакун в структуре слога неизбежно возрастает, как в слове *huc*: h - - ū + - k. Изменится внутреннее синтагматическое строение многих слогов (табл. 26).

Коррекция представления латинских слогов

	Слодокоррекции								→	После коррекции								
	C-4	C-3	C-2	V-1	V0	C+1	C+2	C+3		C+4	C-4	C-3	C-2	V-1	V0	C+1	C+2	C+3
ad					a	d				→					a	-	-	
ut					u	-	-	t		→					u	-	-	t
-unt					u	n	-	-	t	→					u	-	n	t
hic					i	-	k			→					i	-	-	k
fac					a	-	k			→					a	-	-	k
sit	s	-	-	-	i	-	-	-	t	→					i	-	-	t
-saus-	s	-	-	-	au	-	-	s		→					a	-	-	s

Коррекция предусматривает отказ от позиции C+4 как не отвечающей фонологической природе слога. У Панфилова она занята согласным /t/, так как он встречается в консонантном сочетании -st, о котором говорилось в самом начале. Введение нулевого вокала выведет конечный /t/ за допустимые пределы слога (|| абсолютный конец слога), а слова, содержащие данный слог, перейдут в разряд исключений (табл. 27_а и 27_б).

Т а б л и ц а 27_а*Слоговая интерпретация финали ST*

C-3	C-2	V0	(V0)	C+1	C+2	C+3	-	V
p	-	o	-	-	-	s	t	∅
	n	e	-	-	-	s	t	∅
-	-	e	-	-	-	s	t	∅

Т а б л и ц а 27_б*Дефрикатная интерпретация финали ST*

C-3	C-2	V0	(V0)	C+1	C+2	C+3		
p	-	o	-	-	-	st		
	n	e	-	-	-	st		
-	-	e	-	-	-	st		

Систематизированная и скорректированная таким образом абстрактная модель латинского фонологического слога Е. Д. Панфилова укорачивается на один элемент и приобретает вид STRA(A)RTS вместо хаотичной ST(+f)R(+h)AAR(+b,d)T(-t+f)S*T. Устраняется смещение согласных элементов в сонантную зону, а фрикативных – в эксплозивную, конечных – в центральные (из крайней правой группы S в соседние группы T и R, из левой группы S в группу T, а из левой группы T — в левую же группу R): каждый согласный «сидит» в своей группе, независимо от того, сколько лакун его отделяет от вершины слога.

Тут мы обнаруживаем проявление широко распространённого в устройстве языка «принципа гармошки»: элементы ранговой структуры могут присутствовать (быть «растянуты») или отсутствовать (быть «свёрнуты»), но их последовательность при этом остаётся неизменной.

Что же касается учёта лакун, которые создает данная схема, то едва ли целесообразно пытаться их систематизировать: конкретных

реализаций слога будет всегда меньше, чем теоретически возможных, и эта тенденция нарастает с увеличением размераслога. В заключение приведём итоговую таблицу латинского слога (табл. 28).

Т а б л и ц а 28

*Скорректированная модель латинского слога*⁶³

№	S	T	R	A ₁	A ₂	R	T	S		Слогов	Примеры
6			r	a	—					34	ra-dius
9	s	—	—	e	—					5	es-se
7		t	—	u	—					35	tu-a
21		b	—	i	—	—	—	s		31	13 bis
22		d	—	a	—	—	t			27	14 dat
20	f	—	—	a	—	—	k			40	12 fac
16	h	—	—	i	—	—	k			45	9 hic
15			j	a	—	m				102	8 jam
19		k	—	u	—	m				125	11 cum
8		kw	+	a	—					7	a-qua
17			m	i	—	—	—	s		25	e-mis
18			n	a	—	—	t			22	10 nat
31		p	r	a	—					53	ca-pra
27	s	—	—	e	—	—	d			21	18 sed
28	s	—	—	i	—	—	k			14	sic-cus
30	s	—	—	i	—	—	t			3	19 sit
32	s	t	—	u	—					15	stu-dere
29	s	—	—	u	—	—	—	s		5	u-sus
41	f	—	—	e	—	r	t			20	27 fert
50	f	—	l	e	—	—	k			22	flec-tere
51		g	r	o	—	—	—	s		22	gros-sus
34	h	—	—	i	—	n	k			14	21 hinc
49		k	l	a	—	m				80	33 clam
23		kw	+	a	—	m				20	15 quam
25		kw	+	i	—	—	—	s		4	16 quis
24		kw	+	i	—	—	p			3	quip-pe

⁶³ Жирным шрифтом выделены изменения, внесенные в модель Е. Д. Панфилова.

26		kw	+	o	—	—	t			7	17 quot
35			m	o	—	r	—	s		4	22 mors
38			n	e	—			s t	1	1	i-nes=tØ
37			n	o	—	—	k	s		17	24 nox
40		p	—	a	—	r	—	s		6	26 pars
42		p	—	i	—	—	k	s		13	28 pix
43		p	—	o	—			s t	4	4	29 pos-tØ
48	s	—	—	e	—	—	k	s		2	32 sex
55	s	k	—	i	—	—	—	s		4	scis-sus
46	s	—	—	o	—	r	—	s		1	30 sors
45	s	—	—	o	—	r	p			5	as-sorp-si
54	s	p	—	e	—	—	k			2	spec-trum
53	s	p	—	e	—	m				21	35 sfem
56	s	t	—	a	—	—	t			3	36 stat
58	s	t	r	e	—					5	stre-pitus
47	s	—	—	u	—	n	t			4	31 sunt
39		t	—	u	—	n	k			10	25 tunc
36			v	u	—	l	t			24	23 vult
63	f	—	l	a	—	n	t			18	40 flant
64		g	r	e	—	—	k	s		9	41 grex
44		gw	+	e	—	n	t			4	lan-guent
60		k	—	a	—	l	k	s		5	38 calx
59			m	e	—	r	k	s		3	37 merx
61	s	—	—	e	—	r	p	s		1	39 serps
65	s	k	—	u	—	l	p			2	sculp-tura
57	s	kw	+	i	—	l				1	squil-la
68	s	p	l	e	—	n				1	splen-didus
66	s	t	—	a	—	n	t			2	42 stant
67	s	t	—	i	—	—	p	s		2	43 stips
69	s	t	r	i	—	—	k			3	stric-tim
62		t	r	i	—	n	k			1	/kons-trink-sl/
70	s	t	—	i	—	r	p	s		1	44 stirps

72	s	t	r	i	—	—	k	s		2	45	strix
71	s	t	r	i	—	n	k			1		/strink-si/
94			§	ī	+					5	12	i
95			m	ē	+					34	13	me
98	s	—	—	ē	+					5	16	se
96		t	—	ū	+					35	14	tu
100			§	ā	+	—	k			3		ac-tio
99			§	ē	+	n				8	17	en
101			§	ō	+	—	—	s		5	18	os
107		b	—	ō	+	—	—	s		33	24	bos
106		d	—	ī	+	—	k			12	23	dic
113	f	—	l	ā	+					61	30	fla
103	h	—	—	ū	+	—	k			20	20	huc
105		k	—	ū	+	r				29	22	cur
97		kw	+	ō	+					8	15	quo
102			n	ō	+	n				33	19	non
139			r	ā	+	n				13	42	trans
104			r	ū	+	—	—	s		33	21	rus
110	s	—	—	ā	+	l				8	27	sal
111	s	—	—	ī	+	—	k			3	28	sic
114	s	t	—	ō	+					11	31	sto
112	s	—	—	ū	+	—	—	s		5	29	sus
117			§	ē	+	n	—	s		3	32	ens
118			§	ē	+			s t		1	33	es-tØ
116			§	ū	+	n	k			2		unc-tito
126		b	—	ē	+			s t		2	su-bes-tØ	
123		d	—	ē	+	m	p			12		demp-si
134	f	—	l	ō	+	—	—	s		45	39	flos
133	f	—	r	ū	+	—	k			12		fruc-tus
119			j	ū	+	n	k			7		/junk-si/ junxi
108		kw	+	ī	+	n				4	25	quin
109		kw	+	ō	+	—	—	s		7	26	quos
122			m	ē	+			s t		2	co-mes-tØ	

120			m	ō	+	n	—	s		16	34 mons
125		p	—	ā	+	—	k	s		10	37 pax
124		p	—	ō	+	n	—	s		20	36 pons
132		p	r	ā	+	n				8	pran-sus
121			r	ē	+	—	k	s		18	35 rex
140			r	ū	+	—	k	s		4	43 frux
131	s	—	—	ē	+			s	t	1	ek-ses-tØ
135	s	k	—	ī	+	n				5	40 scin
137	s	k	r	ī	+					8	scri-bo
115	s	kw	+	ā	+					1	squa-ma
130	s	—	—	ō	+	n	—	s		3	38 sons
136	s	p	—	ē	+	—	—	s		4	41 spes
129	s	—	—	ū	+	m	p			3	sump-si
128		gw	+	ā	+	—	k	s		2	lin-guax
127		kw	+	ē	+	n	—	s		3	lo-quens
138		p	r	ō	+	m	p			3	promp-si
144	s	k	r	ī	+	—	p			2	scrip-si
142	s	t	—	ā	+	n	—	s		2	44 stans
141	s	t	—	ī	+	n	k			1	stinc-tus
143	s	t	—	ī	+	—	p	s		1	45 stips
73				a	e					2	ae-tas
75				a	e	—	—	s		2	1 aes
77	h	—	—	a	e					11	3 hae
80	s	—	—	a	e					2	sae-pe
81	h	—	—	a	e	—	k			2	5 haec
85		k	—	a	e	—	—	s		5	caes-pes
79		kw	+	a	e					2	4 quae
89		p	r	a	e					12	8 prae
87	s	—	—	a	e	—	p			2	saep-si
90	s	k	—	a	e					2	scae-vus
84		t	—	a	e	—	k			4	is-taec
91	f	—	—	a	e	—	k	s		2	9 faex
86		kw	+	a	e	—	—	s		1	quaes-tor
92	s	—	—	a	e	—	p	s		1	10 saeps
74				a	u	—	g			2	aug-mentum

76				a	u	—	t			1	2 aut
78		p	—	a	u					14	pau-cus
83	h	—	—	a	u	—	t			1	7 haut
82			l	a	u	—	—	s		6	6 laus
88	s	—	—	a	u	—	—	s		1	/ek- saus-tus/ ex-haustus
93	f	—	r	a	u	—	—	s		3	11 fraus
1				e						5	e-o
2				a		—	d			23	1 ad
3				a		—	k			13	2 ac
4				o		—	—	s		5	3 os
5				u		—	t			4	4 ut
10				a		n	k			2	anxie / ank-si-e/
11				a		r	—	s		2	5 ars
13				e		—	k	s		3	6 ex
14				e				s	t	1	7 es-tØ
12				u		n	t			3	audi-unt
33				a		r	k	s		4	20 arx
52	f	—	l	a		—	t			25	1 34 flat
Всего										1727	

Из 1727 слогов синдигматическая теория испытывает затруднения в объяснении 12, что составляет 0,7 %, Таким образом, её объяснительная сила составляет 99,3 %.

Затруднения вызывает финаль *-st*. Это затруднение может быть объяснено двояко: либо выделением *-tθ* в отдельный слог с нулевым вокалом, что предполагает обращение к ненаблюдаемым сущностям (см. табл. 27_а), либо трактовкой *-st* как деффрикаты с помещением её в столбец фрикативных финалей «S» (см. табл. 27_б).

Именно необратимость последовательности *ST* в инициали и финали делает второе решение предпочтительным, поскольку оно даёт объяснение этому феномену. Кроме того, второе объяснение более простое и красивое, а истина проста и красива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование выполнено в рамках системной лингвистики и следует всем основополагающим требованиям системного подхода. Одним из них является принцип гомогенности системы.

Применительно к слогу реализация этого принципа требует различения исконной лексики и заимствованной. В исконной лексике отражены законы русского языка. Иноязычная лексика образована по законам других языков и несёт на себе их отпечаток. Одни нарушения законов русского языка в слоге терпимы, другие нет. Терпимость русского языка к нарушению собственных законов очень велика, но всё же не безгранична.

Этот же принцип требует также различать звукоподражательную «лексику» – свободную от фонетических закономерностей – и собственно лексику, для которой эти закономерности обязательны.

Принципиально важным в этой книге является положение о рече-языковом двуединстве слога и как следствие – о необходимости различать *фонетический* слог как единицу речи, состоящую из фондов, и *фонемический* слог как единицу языка, состоящую из фонем, представленных в речи фонами.

Противоречие между этими двумя ипостасями слога может быть разрешено обращением к *фонемическому* слогу и признанием существования нулевых аллофонов некоторых (преимущественно гласных) фонем.

Исходя из того, что лингвистические проблемы должны решаться лингвистическими методами, мы, по возможности, дистанцируемся от артикуляционного, акустического и перцептивного подходов к слогу и концентрируемся на собственно лингвистическом – дистрибутивном (точнее – синдигматическом) подходе к его анализу.

Относительную новизну представляет распространение природного принципа организации материи: «подобное отталкивается, различное притягивается», – известного ещё Платону, на организацию слога, что позволило, с опорой на сочетаемость звуков (синтагматики), выделить 5 классов (парадигм) звуков с одинаковым условным весом: S (фрикативные – размыкатели), Т (эксплозивные – смыкатели), N (не-плавные неслоговые аллофоны сонантов – смыкатели), R (плавные неслоговые аллофоны сонантов – размыкатели), А (гласные и слоговые аллофоны сонантов, включая нулевые – размыкатели) = 1, 2, 3, 4, 5. Этот принцип назван в работе *синдигматическим* –

для обозначения неразрывного единства синтагматики и парадигматики.

Русский слог понимается в работе традиционно – как «волна звучности» с обязательной вершиной (инициалью) и факультативными подъёмом (инициалью) и спадом (финалью). При этом звучность понимается нетрадиционно (синдигматически): как условный вес фонемы, определяющий её порядок следования в слоге и определяемый по этому порядку. Для определения условного веса фонемы и представляющего её фона приборы не требуются: достаточно опираться на сочетаемость данного фона с фонемами, представляющими другие фонемы.

Единственным способом обойти эту закономерность являются двуединые единицы плана выражения – *аффрикаты* (Ц=ТС и Ч=ТЩ) – в инициали и *деффрикаты* (например, ЖД в *вождь*, ср. *вож* ‘лоцман; зачинщик, коновод; предводитель’ [СРНГ, вып.5:9]) – в финали.

Главная новизна работы концентрируется в исследовании и описании фонемического слога, что позволило установить максимальный размер инициали русского слога – 4 фона/фонемы и его финали – 1 фон/фонема, а также – обнаружить в современном русском литературном языке дифтонги ЕР (*е^ерх*), ОР (*е^орб*), ЕЛ (*ч^елн*; ср. *ч^ел|нок*), ОЛ (*м^ольв*).

Формула максимального русского фонемического слога STN-RA(R/N/T/S), а максимальный размер – 6 фонов/фонем. Максимальный слоготип русского фонемического слога – ссссГс.

Принципы фонемического слогоделения в русском языке могут быть реализованы в виде алгоритма компьютерной программы, автоматически осуществляющей деление словоформ текста на слоги.

Суть слогоделения такова: граница между слогами проходит в точке перехода от понижения звучности к повышению. Плато звучности – сигнал границы слогов.

Принципов слогоделения четыре:

1) принцип одновёршинности (ПрОВ): у слога может быть только одна вершина «звучности» (плато звучности указывает на границу между слогами);

2) принцип приоритета восходящей звучности (ПриВоЗ): если фон может относиться как к нисходящей части первого слога, так и к восходящей части второго слога, он относится к восходящей части второго слога (например, *оно* делится на слоги как *о|но* и никак иначе);

3) принцип разумной достаточности (ПРаДо) является скорее психологическим: он направлен на минимизацию расхождений между фонетическим и фонемическим слогом: обращение к ненаблюдаемым сущностям допустимо лишь в случае нарушения принципов 1 и 2;

4) принцип учёта цементирующей функции русского слога (ЦеФуС): если при прочих равных граница слога может как совпасть с границей морфемы, так и не совпасть, выбирается второй вариант. Иными словами, границы слога и морфемы внутри русского слова принципиально не совпадают.

Четвёртый принцип позволил увидеть, что процесс превращения приставок в часть русского слова далёк от завершения. Иными словами, приставки в русском языке не стали полноценными частями слова, хотя они и «пишутся слитно». Аналогично, несмотря на слитное написание с глаголами, причастиями и деепричастиями, не является частью слова и энклитика *ся*. Данный принцип позволил обнаружить в русском глаголе и отглагольных словах реликтовые зоны индоевропейской древности, в которых границы слога и морфем совпадают, что свидетельствует о значительной архаичности русского глагола.

Применение синдигматического подхода к латинскому слогу позволило обнаружить в нём 4 парадигмы: STRA (с весами 1234: плавные и неплавные сонанты в латинском языке не сочетаются). При этом максимальный размер латинской инициали – STR, а максимальный размер латинской финали – RTS. Максимальный размер латинской инициали – две моры: либо долгий гласный (равный двум кратким), либо дифтонг.

Синдигматический анализ фонов позволяет обнаружить иерархию фонетических признаков:

1) слоговость / неслоговость (вокалы – слоговые, консонанты – неслоговые, сонанты – никакие);

2) смычность / несмычность (внутри консонантов и сонантов);

3) место образования (лабиальный, дентальный, гуттуральный).

Различие этих признаков обеспечивает сочетаемость фонов (синтагматичность), а сходство – принадлежность одному классу (парадигматичность).

В научной литературе представлено 3 уровня обобщения слогов: 1) слоги (силлабы) обобщаются в 2) силлабемы типа STNRA с весами 12345, которые, в свою очередь, обобщаются в 3) *слоготипы* (например, CCCCV/ccccГ).

В собрании сочинений И. А. Бунина, являющемся репрезентативной выборкой для всего литературного языка, представлено 109 русских *силлабем*.

Русскому языку известно 9 *фонемических слоготипов*. Бóльшее количество *фонетических* слоготипов у А. И. Моисеева и Р. К. Потаповой объясняется учётом заимствований и принятием двух (или более) фонемических слогов за один фонетический.

Синдигматическая концепция русского слога находится в отношениях дополнительности с фонологической концепцией слога Тамбовской лингвистической школы.

Перспективой исследования представляется создание «Частотного словаря русских слогов, силлабем и слоготипов», который позволит выявить функциональные характеристики фонов и фонем в русской художественной литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесов Р. И. О слогоразделе и строении слога в русском языке / Р. И. Аванесов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 6. – С. 88–101.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН : Ин-т филологии Сиб. отделения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. – Т. 14. – 384 с.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев ; изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984–1985. – Т. 1. – 1984. – 511 с. ; Т. 2. – 1985. – 463 с. ; Т. 3. – 1985. – 495 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

БАС-3 – Большой академический словарь. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2021. – Т. 1–27.

Белов А. М. Латинское ударение : (проблемы реконструкции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Белов. – М., 2005. – 28 с.

Бенвенист Эмиль. Индоевропейское именное словообразование / Эмиль Бенвенист ; пер. Н. Андреев ; ред. Б. Горнунг. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 260 с.

Богомазов Г. М. Современный литературный язык : фонетика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. М. Богомазов. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 352 с.

Богородицкий В. А. Казанская лингвистическая школа / В. А. Богородицкий // Труды МИФЛИ. – М., 1939. – Т. 5.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – 394 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. II. – 392 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Л. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1977. – 175 с.

Борисова Т. В. Динамика слога в русской поэзии XVIII–XX веков : курсовая работа по специальности 035800 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» студентки 3-го курса факультета романо-германской филологии / Т. В. Борисова ; науч. рук.: д-р филол. наук, проф. А. А. Крегов. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2015. – 75 с.

БТС-2010 – Большой толковый словарь русского языка : ок. 130 000 слов / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов // Все словари для ABBYY Lingvo x5 : Explanatory BTS (Ru-Ru). – 2010.

Булыгина Т. В. Проблемы теории и практики морфонологического описания / Т. В. Булыгина // Известия АН СССР. Сер.: ЛиЯ. – 1975. – № 4. – С. 328–340.

Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М. : Академия, 2005. – 432 с.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка : пер. с нем. / Н. Ван-Вейк ; пер. В. В. Бородич ; под ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 368 с.

Ворт Дин. Очерки по русской филологии / Дин Ворт ; пер. с англ. К. К. Богатырева. – М. : Индрик, 2006. – 431 с.

Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов ; с предисл. Р. О. Якобсона. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – Т. I. – 431 с.

Гаспаров Б. М. Сравнительная грамматика славянских языков / Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. – Тарту, 1974.

Даль (Бодуэн) – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль ; под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и значит. доп. – СПб. ; М. : Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1903. – Т. 1 : А–З. – 912 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 2: П–Я. – 1088 с.

Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – М. : АПН РСФСР, 1958. – 378 с.

Журавлёв В. К. Очерки по славянской компаративистике / В. К. Журавлёв ; предисл. А. А. Соколянского. – М. : КомКнига, 2005. – 192 с.

Журавлёв В. К. Теория группфонем : развитие группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв ; предисл. Ю. Я. Бурмистровича. – М. : Изд-во ЛКИ, 2002. – 128 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – I–VIII. – 752 с. – (Studiophilologica).

Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. учеб. заведений / Л. Р. Зиндер ; сост. и вступ. ст. Л. А. Бондарко. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; М. : Академия, 2007. – 576 с.

Златоустова Л. В. Общая и прикладная фонетика : учеб. пособие / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – 416 с.

Иткин И. Б. Русская морфонология / И. Б. Иткин. – М. : Гнозис, 2007. – 272 с.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л. Л. Касаткин. – М. : Наука : Языки рус. культуры, 1999. – 528 с. : ил.

Касаткин Л. Л. Фонетика и орфоэпия / Л. Л. Касаткин // Современный русский язык : теория, анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николаева, И. И. Щеболева ; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия, 2001. – Ч. 1 : Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. – С. 16–150.

Касевич В. Б. Слоговые языки / В. Б. Касевич // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 470–471.

Кибрик А. А. Предисловие авторов / А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – 455 с.

Князев С. В. О критериях слоговой деления в современном русском языке : теория волны sonorности и теория оптимальности / С. В. Князев // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 84–102.

Кодзасов С. В. Общая фонетика : учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.

Кодзасов С. В. Слог / С. В. Кодзасов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 470.

Кретов А. А. Асимметричные единицы русской фонематики / А. А. Кретов // Русский язык : исторические судьбы и современность : материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта) / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 539–540.

Кретов А. А. Асимметрия в лингвистике / А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 5–11.

Кретов А. А. Два принципа устройства мироздания и языка / А. А. Кретов // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания : XXVIII Распоповские чтения : материалы Междунар. конф., посв. 50-летию со дня основания кафедры русского языка филол. ф-та ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 75-летию

со дня рождения проф. А. М. Ломова (Воронеж, 12–14 марта 2010 г.) : в 2 ч. – Воронеж : ВГПУ, 2010. – Ч. 1. – С. 17–26.

Кретов А. А. Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия / А. А. Кретов // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ЦЧКИ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–120.

Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006 – 390 с. – (Библиотека лингвистической прогностики ; т. 1).

Кретов А. А. Системная русская фонемология : монография / А. А. Кретов ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2020. – 222 с. – (Системная русская лингвистика ; т. 1).

Кретов А. А. Славянские этимологии : монография / А. А. Кретов – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 364 с.

Кретов А. А. Слоговая природа русской фонемы / А. А. Кретов, З. Д. Попова // Филологические записки : вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1996. – Вып. 7. – С. 98–118.

Кретов А. А. Суффиксальный стык : прошлое в настоящем / А. А. Кретов // Филологические записки : вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1998. – Вып. 10. – С. 123–135.

Кретов А. А. Фонема : аксиоматика и выводы / А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 50–63.

Кузнецов П. С. К вопросу о фонематическом составе французского языка (1941). – Цит. по: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии : очерк, хрестоматия / А. А. Реформатский. – М., 1970. – С. 163–203.

Кузьмина И. А. Фонетическая и фонологическая природа слога / И. А. Кузьмина // Вестник Моск. гос. област. ун-та. Сер. : Лингвистика. – М. : Моск. гос. област. ун-т, 2010. – № 1. – С. 100–102.

Курилович Е. Очерки по лингвистике : сб. статей / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.

Лекомцева М. И. Типология структур слога в славянских языках / М. И. Лекомцева. – М. : Наука, 1968. – 224 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7: Труды по филологии. – С. 389–578.

ЛЭС-1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 695 с.

Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика / М. И. Матусевич. – М., 1976.

Мейе Антуан. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Антуан Мейе. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 512 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков : принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; отв. ред. Л. Г. Зубкова. – М. : Наука, 2003. – 395 с.

Моисеев А. И. Русский язык : Фонетика. Морфология. Орфография : пособие для учителей / А. И. Моисеев. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1980. – 255 с. – (Б-ка учителя рус. яз.).

Моисеев А. И. Типология слогов в современном русском литературном языке / А. И. Моисеев // Вопросы языкознания. – 1975. – № 6. – С. 109–115.

Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка / М. Нидерман ; пер. и прим. Я. М. Боровского. – М. : Изд-во иностр. лит., 1949. – 191 с.

Панов М. В. О слогаделении в русском языке / М. В. Панов // Проблемы фонетики II : сб. статей / отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М., 1995. – С. 29–42.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика : учеб. для ун-тов / М. В. Панов. – М. : Высш. шк., 1979. – 256 с.

Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов ; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – Т. 1. – 568 с. – (Классики отечественной филологии).

Панфилов Е. Д. Место слога в словоформе : (исследования в области синтагматики на материале классического латинского языка) / Е. Д. Панфилов. – Спб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1994. – 144 с.

Перетрухин В. Н. Введение в языкознание : курс лекций : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов пед. ин-тов и ун-тов / В. Н. Перетрухин. – 2-е изд. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. – 360 с.

Платон. Собр. соч. : в 4 т. / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегр. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2.

Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. К. Поливанова. – М., 1976. – 23 с.

Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования : дис. ... канд. филол. наук / А. К. Поливанова. – М., 1976.

Потапова Р. К. Основные направления в развитии советской синтагматологии : теория, эксперимент, прагматика / Р. К. Потапова // Актуальные вопросы фонетики в СССР : к XI международному конгрессу фонетиче-

ских наук (Таллин, 1–7 августа 1987 г.) : сб. науч.-аналит. обзоров. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. – С. 107–141.

Потапова Р. К. Слоговая фонетика германских языков : [учеб. пособие для ин-тов и ф-тов иностр. яз.] / Р. К. Потапова. – М. : Высш. шк., 1986. – 143 с.

РОС 2007 – Русский орфографический словарь : около 180 000 слов / Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд. испр. и доп. – М., 2007. – 960 с.

Руделёв В. Г. Вокалический нуль и его место в системе вокальных фонем (на материале русского языка) / В. Г. Руделёв // Материалы тезисов докладов XV итоговой научной конференции / Оренб. пед. ин-т. – Оренбург, 1967. – С. 86–88.

Руделёв В. Г. Фонологическое обоснование слогораздела в русском языке / В. Г. Руделёв // Собр. соч. : в 6 т. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – Т. 6 : Друг мой – язык. Избранные произведения по общему и русскому языкознанию ; ч. 1. – С. 84–98. – (Переиздание. Первая публикация – 1987 г.).

Руделёв В. Г. Фонология русского слова. Спецкурс по русскому языку / В. Г. Руделёв. – Тамбов : Тамб. гос. пед. ин-т, 1975. – 128 с.

Самойлов В. И. (исполнитель) А. С. Пушкин. Проза : Повести Белкина. Дубровский. Капитанская дочка : аудиокнига. – Читает Владимир Самойлов. – Ардис-Консалт, 2002. – (Школьная библиотека).

Серов В. В. [составитель]. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича ; ред. М. А. Оборина ; предисл. проф. Н. С. Чомоданова. – М. : Прогресс, 1977. – 696, [2] с. – (Языковеды мира).

СРНГ – Словарь русских народных говоров : (Отчурить-Первачок). – Л. : Наука, 1990. – Вып. 25. – 352 с.

СтаСл-1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес [и др.] ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз, 1994. – 842 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

Степанов Ю. С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции / Ю. С. Степанов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 96–106.

Степанов Ю. С. Семиологический принцип описания языка / Ю. С. Степанов, Д. И. Эдельман // Принципы описания языков мира. – М., 1976. – С. 242–281.

Стуликова Ю. А. Система слогов тосканского диалекта и отношения составляющих ее единиц / Ю. А. Стуликова // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 152–167.

Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка / Н. С. Трубецкой // Избранные труды по филологии. – М., 1987. – С. 67–142.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд. стер. – М. : Астрель : АСТ, 2004.

Филипаци Ю. А. Две модели латинского слога / Ю. А. Филипаци, А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 43–51.

Филипаци Ю. А. Особенности строения и частотные характеристики слога в тосканском, неаполитанском и сицилийском диалектах итальянского языка / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010а. – № 1. – С. 22–26.

Филипаци Ю. А. Системно-телеологическая трактовка происхождения формы *xe* в венецианском диалекте / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011а. – № 1. – С. 46–50.

Филипаци Ю. А. Строение слога в ломбардском (бергамском) диалекте в свете данных других итальянских идиомов / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010б. – № 2. – С. 105–109.

Филипаци Ю. А. Структура слога и внутрдиалектные различия тосканских текстов / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 80–84.

Филипаци Ю. А. Фонемно-статистический анализ тосканского слога / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 58–63.

Филипаци Ю. А. Фонологическая интерпретация геминат (на материале сицилийского диалекта) / Ю. А. Филипаци // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011б. – № 2. – С. 56–60.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учеб. пособие для студ. пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г. А. Хабургаев. – М. : Просвещение, 1974. – 453 с. [с карт.].

Халле М. Фонологическая система русского языка : лингвистико-акустическое исследование / М. Халле ; пер. с англ. Д. М. Сегал // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – Вып. II. – С. 299–339.

Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии / В. Г. Чурганова. – М. : Наука, 1973. – 239 с.

Шарандин А. Л. Проблемы русской фонетики, графики, орфографии : монография / А. Л. Шарандин. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2006. – 348 с.

Шеворошкин В. В. Звуковые цепи в языках мира / В. В. Шеворошкин ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1969. – 187 с.

Шеворошкин В. В. К исследованию структуры фонетических слов в русском языке / В. В. Шеворошкин // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – С. 164–574.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским : учеб. пособие / Л. В. Щерба. – 3-е изд., испр. и расшир. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1948. – 288 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974–1988. – Вып. 1–15.

Якобсон Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 456 с.

Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962 – 247 с.

Anderson St. West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules / St. Anderson. – Cambridge (Mass), 1969.

Boldrini S. Fondamenti di prosodia e metrica latina / S. Boldrini. – Roma : Carocci, 2006. – 128 p.

Clements G. N. The role of the sonority cycle in core syllabification / G. N. Clements // Papers from the First Conference in Laboratory Phonology. – Cambridge ; N. Y., 1990.

Halle M. Note on cyclically ordered rules in the Russian conjugation / M. Halle // Quarterly Progress Report. – 1961. – № 63.

Hooper J. The syllable in phonological theory / J. Hooper // Language 48. – 1972.

Jespersen O. A Modern English grammar on historical principles / O. Jespersen. – Heidelberg, 1909. – V. 1: Sounds and spelling.

Ito J. A prosodic theory of epenthesis / J. Ito // Natural language & Linguistic theory 7. – 1989.

Kahn D. Syllable-based generalizations in English phonology / D. Kahn. – N. Y., 1976.

Kenstowicz M. Phonology in generative grammar / M. Kenstowicz. – Cambridge (Mass.) ; Oxford, 1993.

Lightner T. M. Problems in the Theory of Phonology / T. M. Lightner. – Edmonton Champaign : Linguistic Research, Inc., 1972. – V. 1 : Russian Phonology and Turkish Phonology. – I–XVII. – 459 p.

McCarthy J. J. Hidden generalizations : phonological opacity in optimality theory / J. J. McCarthy. – Equinox Publishing, 2007.

Prince A. Optimality theory : constraint interaction in generative grammar / A. Prince; P. Smolensky. – Blackwell Publishing, 2004.

Pulgram E. Syllable, word, nexus, cursus / E. Pulgram. – The Hague, 1970.

Sievers E. Gründzüge der Phonetik / E. Sievers. – 5th ed. – Leipzig, 1901.

Steriade D. Syllables in phonology / D. Steriade // International encyclopedia of linguistics. – Oxford, 1990.

Trask R. L. A Dictionary of phonetics and phonology / R. L. Trask. – London, 1996.

Vennemann Th. On the theory of syllabic phonology / Th. Vennemann // Linguistische Berichte. – 1972. – V. 18.

Whitney W. D. On the relation of vowels and consonants / W. D. Whitney // Journal of the American Oriental Society. – 1865. – V. 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МЕТОД СЛОГОДЕЛЕНИЯ.....	8
Глава 2. КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ СЛОГА.....	26
Глава 3. СИНДИГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОГА.....	39
Глава 4. ПРИНЦИПЫ РУССКОГО СЛОГОДЕЛЕНИЯ.....	49
Глава 5. МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО СЛОГА.....	64
Глава 6. РУССКОЕ СЛОГОДЕЛЕНИЕ И «ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ».....	74
Глава 7. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОГА ТАМБОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.....	93
Глава 8. ТИПЫ РУССКИХ СЛОГОВ (СЛОГОТИПЫ).....	106
Глава 9. КЛАССИФИКАЦИЯ СИЛЛАБЕМ В ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА.....	109
Глава 10. ПРИЛОЖИМОСТЬ «ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ СЛОГА» К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ.....	116
Заключение	130
Библиографический список	134

СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ ЛИНГВИСТИКА
Т о м 2

Н а у ч н о е и з д а н и е

Кретов Алексей Александрович

СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ СИЛЛАБОЛОГИЯ

Монография

Редактор *Ю. С. Гудкова*

Дизайн обложки *М. Н. Лаптевой*

Компьютерная верстка *Л. О. Меццяковой*

Подписано в печать 03.03.2022. Формат 60×90/16
Уч.-изд. л. 9,6. Усл. п. л. 8,9. Тираж 500. Заказ 474

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3